

Наследие и КРОВЬ

Alexa Emva

Alexa Emva

Наследие и кровь

«Автор»

2025

Emva A.

Наследие и кровь / А. Emva — «Автор», 2025

Когда Аннабель неожиданно оказывается в волшебном мире, она не успевает задаться вопросом, как это произошло. Вместо этого ей предстоит сразиться с самым жестоким злодеем - Вольмиром, который намерен захватить вселенную. В центре событий - Рогбан, полузабытый городок с его полуразрушенным замком и скромными лачугами, где начинается их эпическая борьба. На стороне Аннабель выступают мудрые и могущественные друиды, а также загадочный Леший - хозяин леса. Вместе они должны противостоять тьме и спасти не только свои жизни, но и целый мир от надвигающейся угрозы. Смогут ли они одержать победу в этой войне? Или же их борьба приведет к трагическим последствиям? В этом захватывающем приключении, где магия и храбрость сталкиваются с злом, а судьба вселенной зависит от одного смелого сердца.

© Emva A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава I: последний дождь в Мелроде	5
Глава II: красные ставни	9
Глава III: цена внимания	14
Глава IV: вещи, которые остаются	17
Глава V: сирота	19
Глава VI: прощание с тенью	23
Глава VII: сквозь паутину страха	24
Глава VIII: Рогбан	27
Глава IX: незваная гостья	34
Глава X: совет семерых	37
Глава XI: правда	39
Глава XII: кровавая поляна	45
Глава XIII: Виссарион	49
Глава XIV: два падших	54
Глава XV: испытание огнем	58
Глава XVI: цена спасения	67
Глава XVII: стрела в небо	70
Глава XVIII: пленник в маске	79
Глава XIX: влюбиться, когда мир рушится	85
Глава XX: воссоединение	90
Глава XXI: Дерево	97
Глава XXII: мертвые крылья	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Alexa Emva

Наследие и кровь

Глава I: последний дождь в Мелроде

Аннабель подперла голову рукой, в четвертый раз за минуту вздохнула и уставилась в окно, расплывшееся от дождя. За стеклом мелькали силуэты удаляющихся домов и редких прохожих.

В Мелроде уже несколько дней не умолкали раскаты грома. Проливной дождь не давал городу передышки, заливая улицы ледяной водой, а вспышки молний разрывали черное небо надвое.

Все местные жители хмурились, глядя на непогоду, — все, кроме Аннабель. Гроза, когда-то заставлявшая ее сжиматься в комок под одеялом, теперь вдохновляла. Иногда сидя на подоконнике в наушниках, она ловила каждый проблеск в небе, чувствуя, как вместе с ними загорается и ее душа.

Пока другие прятались под зонтами, Аннабель выходила из дома, подставляла лицо под ледяные капли и бродила по улицам, не обращая внимания на недоуменные взгляды.

Их мнение было для нее пустым звуком. Она знала: за ливнем и пугающей грозой неизбежно последуют алые закаты. Она встречала их на причале, глядя на беспокойную водную гладь.

Осенью вода была усыпана желтыми и оранжевыми листьями. Они кружились в темной воде, прежде чем исчезнуть в глубине. Упав на землю, листья образовывали шуршащее одеяло, готовя мир к грядущим морозам.

Аннабель потеряла уставшие глаза и откинулась на спинку сиденья. Закрыв веки, она вслушивалась в слова своей любимой исполнительницы, Флер, и понимала, насколько точно те отражали ее собственное состояние.

Музыка часто спасала Аннабель в трудные дни. Когда на душе скребли кошки, она включала любимую песню, ложилась в кровать и смотрела в потолок, пока тревога не отступала.

Вглядываясь в одну точку, она неосознанно кусала губы — дурная привычка, оставшаяся с детства. Она не замечала этого до тех пор, пока во рту не появлялся вкус крови. Хотя ее часто ругали, избавиться от привычки так и не удалось.

Сейчас, кусая губу, Аннабель размышляла о своем состоянии. На душе было тревожно и грустно — эти чувства стали ее вечными спутниками, и сейчас они сидели с ней в машине, крепко сжимая ее руки. Она снова вздохнула.

Меньше всего на свете ей хотелось переезжать. Она не представляла себя нигде, кроме родного города и отчего дома. Но у судьбы были свои планы.

Аннабель чувствовала себя натянутой струной. Окружение, которое она еще не успела познать, уже давило на нее со всех сторон. «Я справлюсь», — подумала Аннабель, проводя пальцем по капле на стекле. Природа грустила почти так же сильно, как и она, но причины были разными: природа тосковала по ушедшему теплу, а Аннабель — по родному городу и отцу, с которым приходилось прощаться.

Дождь, словно слезы, стекал по стеклу, а в груди у Аннабель все сжималось от подступающей истерики, которую она подавляла уже несколько дней. Затаив дыхание, она сглотнула ком в горле и, когда это наконец удалось, тяжело выдохнула. Никто и не догадывался, какую сложную борьбу она вела.

Аннабель растерла капли по коже и опустила ладони на колени. Она с сожалением осознавала всю сложность своего положения. Переезд в чужой дом давался ей нелегко.

Она вспомнила, как солнце заглядывало на их кухню, согревало пол. Он становился таким теплым, что Аннабель стояла на нем босиком, впитывая тепло. Солнечные зайчики прыгали по стенам, находя новые места — на плите или в вазе с гипсофилами.

Когда солнце садилось, она включала торшер над обеденным столом, готовила молоко с медом и садилась читать. Этот ритуал — молоко, книга и она, сидящая на стуле, поджав одну ногу в колене, — повторялся изо дня в день. Дом был ее крепостью долгие годы, но сегодня она покинула его, оставшись совершенно незащищенной.

Каждый вечер, запрокинув руки за голову, Аннабель смотрела в потолок и спрашивала вслух: «Что хорошего в переезде? И в разлуке с отцом?» Но ответа не было, да она его и не искала толком. Помолчав еще несколько минут, она поворачивалась на бок, обнимала одеяло и засыпала. А на следующую ночь все повторялось.

С отцом у Аннабель были теплые, дружеские отношения, построенные на поддержке и уважении. Они никогда не упрекали друг друга, и делиться сокровенным для них было в порядке вещей. В трудные минуты они были друг для друга не родственниками, а друзьями.

Аннабель всегда могла рассказать ему о своих мыслях и секретах, зная, что встретит не осуждение, а понимание. Это укрепляло их связь, делая их по-настоящему надежными товарищами.

Однажды вечером Аннабель, как обычно, решила поделиться с отцом переживаниями. Она застала его в гостиной, в любимом кресле с газетой. Но разговор оставил у обоих горькое послевкусие:

—Помнишь, я купил тебе красный велосипед, когда ты была маленькой? После того падения, когда ты разбила колени, ты на него и смотреть не хотела. Он так и стоял в гараже, покрываясь пылью. А вспомнила ты о нем, только когда краска выцвела, а колеса спустились. Лет в одиннадцать, кажется. Ты тогда забыла про содранные колени, села и поехала. И потом не слезала с него, объездила весь город и перестала замечать новые ссадины. Вот и сейчас будет так же.

—Какая... своеобразная аналогия, — Аннабель провела рукой по лбу. — И не самая удачная. Мы же не про велосипед говорим, а про переезд и твою новую работу!

—Пример хороший, — Чарльз сложил газету и отложил ее. — Сейчас мы боимся, но потом поймем, что все страхи были надуманными. Мы просто придавали им слишком много значения.

—Может, и так, — Аннабель встала и ушла в свою комнату. Ее мнение о грядущих переменях было иным.

Теперь, сидя в такси, она с грустью вспоминала тот самый красный велосипед, который решила не брать с собой в новую жизнь. В этой новой жизни не было места для старого, облезлого велосипеда, с которым было связано столько воспоминаний. Она объездила на нем каждый переулок города не из любопытства, а в попытках сбежать от тоски по умершей матери.

Ее любимым местом была набережная, куда она приезжала по вечерам, чтобы закопать ноги в теплый песок и посмотреть на воду. Иногда она приносила плед, чтобы лежать на нем и следить за облаками, медленно плывущими по бескрайнему голубому небу.

Практически всегда она сидела на одном и том же месте: у дерева на песке, напротив воды и камышей, где плескались утки. Проведя там целый день, Аннабель возвращалась домой под светом уличных фонарей. Дорога в это время была пустынной, и она без страха выезжала на проезжую часть, медленно крутя педали и наслаждаясь тишиной.

После того разговора с отцом Аннабель в последний раз села на велосипед и поехала на набережную. В последний раз взяла горсть песка в руку и посмотрела, как вода бьется о причал. Теперь ей казалось, что с той поездки прошли годы.

Сильные капли, барабанившие по крыше автомобиля, вырвали ее из глубин воспоминаний. Дворники не успевали счищать воду со стекла и противно скрипели.

— Не самая удачная погода для поездок, — недовольно проворчал таксист, мрачно поглядывая на пассажиров в зеркало заднего вида. Он придвинулся к рулю, чтобы разглядеть размытую дождем дорогу и сделал погромче радио.

Таксисту никто не ответил — стоимость поездки в такую погоду была высока, что не могло не нервировать Чарльза, отца Аннабель, но выбора иного не было.

Несколько колких слов вертелись у Аннабель на языке, но она не произнесла их вслух, лишь прокручивала в голове, словно заезженную пластинку. С каждым ударом сердца ей казалось, что часть ее самой остается позади, в родных местах. К горю от расставания с отцом теперь добавлялся страх перед перелетом.

Утешительные слова отца о том, что самолет — самый безопасный вид транспорта, не помогали. Насмотревшись фильмов про авиакатастрофы, Аннабель была уверена, что с ней произойдет нечто подобное, — она никогда не считала себя везучим человеком.

Страх достиг пика, когда она ступила на трап.

— Выпей таблетку успокоительного и ляжешь спать, — отец похлопал ее по спине.

— И проснись с чувством, будто меня избили.

— Ты преувеличиваешь, — он пропустил Аннабель к окну и уселся рядом. Чарльз протянул ей упаковку с таблетками и бутылку воды. — Одной хватит.

Аннабель не стала сопротивляться, покорно положила таблетку на язык и запила водой. Она никогда не принимала успокоительное, но понимала, что это — единственный способ пережить перелет.

Последние ночи были невыносимыми: бессонными или полными кошмаров.

Пока Аннабель ждала, когда подействует таблетка, она уставилась в иллюминатор. Они еще не взлетели, и она воспользовалась моментом, чтобы мысленно попрощаться.

Восемнадцать лет в Мелроде — она душой и телом принадлежала этому месту. Она проводила дни, укутавшись в плед с книгой «Гарри Поттера», или наблюдала за людьми, вечно куда-то спешащими. Тогда ей и в голову не приходило, что вскоре ее любимые ритуалы придется совершать в чужом доме.

Аннабель привыкла и безумно любила просыпаться под первые лучи солнца, заглядывавшие в ее комнату. Ей повезло — комната выходила на солнечную сторону, всегда была залита светом: холодным — зимой, палящим — летом. Сегодняшнее утро было почти таким же. Вот только солнца не было. Она проснулась и, сидя на кровати, увидела за окном пасмурное небо и дождь, стекающий по стеклу. Поднявшись, Аннабель поняла: это последний раз, когда она заправляет свою кровать и пьет крепкий кофе на кухне.

Каждое утро на протяжении восемнадцати лет они проводили в молчании. Стандартные вопросы о сне и самочувствии давно раздражали, и утро проходило под аккомпанемент звона ложек. Это утро было таким же, как и все предыдущие, с одной лишь разницей — Аннабель знала, что следующего такого дня не будет.

— Как спалось? — прервал молчание Чарльз.

Аннабель отвела взгляд от окна и посмотрела на отца. На его усталом лице читалась скорбь. Он старел, и она видела это каждый день. Мысль о том, что отец не вечен, давила на нее. Она все чаще отгоняла от себя мысли, что однажды останется и без него.

— Не очень, — коротко ответила Аннабель. Ей хотелось замять разговор, но она все же добавила: — Ворочалась без конца. Уснула только под утро. Просто лежала с закрытыми глазами. — Она сморщила лоб и потеряла его. — Такое ощущение, что сна и не было вовсе. А ты?

— На удивление крепко. Кажется, я давно так не спал. — Чарльз смотрел на нее своими бледно-зелеными глазами, полными не только жалости, но и любви. Этот взгляд был ей знаком: на протяжении многих лет он неизменно разбивал ей сердце.

Три месяца предстоящей разлуки стали тяжелым испытанием для обоих. Им не верилось, что придется расстаться с единственным близким человеком.

Когда восемь часов спустя самолет наконец приземлился, Аннабель поняла: обратного пути нет. Они навсегда потеряли шанс все изменить и вернуться в свою скромную квартиру.

Глава II: красные ставни

На одной из улиц Дескронта, города, где жили родственники Аннабель, медленно двигалось черное такси, нарушая тишину осеннего дня.

После приземления отец, не говоря ни слова, занял заднее сиденье, оставив Аннабель наедине со своими мыслями. Последние воспоминания о родне относились к девятилетней давности, и их лица расплывались в памяти, словно туманные образы из давнего сна. Все попытки восстановить их в деталях оказывались тщетны.

Она не переписывалась с родственниками; единственным напоминанием о них служили поздравительные открытки от бабушки, вечно приходящие с опозданием. Отец никогда не говорил о ней, лишь молча передавал эти весточки. Аннабель чувствовала, что между отцом и бабушкой была невидимая стена.

Причина ссоры оставалась для нее загадкой. Чарльз не посвящал дочь в подробности, и она даже не могла предположить, что разлучило его с родной матерью.

Об их семейных узах напоминала лишь картина над камином. Отец часто замирал перед ней, погруженный в свои мысли. Это рождало в Аннабель множество вопросов, на которые не было ответа.

Иногда она и сама останавливалась у портрета. В центре располагалась полная женщина с добрыми, искрящимися глазами, которые, вопреки возрасту, лучились жизнерадостностью. Рядом с ней стоял дед — хмурый и суровый, с седыми бровями, нависшими над пронизательным взглядом, полным тяжести и недоброжелательности.

Слева от деда позировала тетя Эйприл с мужем Кристианом. Они не улыбались, но выглядели счастливыми. Кристиан сиял жизнелюбием, его каштановые волосы и орлиный нос придавали ему особую привлекательность. Аннабель всегда считала его красивым.

По другую сторону от бабушки стояли ее родители: Чарльз и Аделаида. Аннабель была поразительно похожа на мать — та же светлая кожа, большие глаза, обрамленные длинными ресницами, однако сама она не всегда осознавала это сходство. Ей не хватало времени, чтобы понять, какие черты она унаследовала.

Аннабель подходила к камину, чтобы взглянуть на маму. Это была единственная фотография в доме. От остальных Чарльз избавился после исчезновения жены.

Хоть картина создавал иллюзию крепкой семьи, Аннабель знала, что тетя Эйприл давно развелась и вернулась к родителям с детьми. Бабушка, не оправившись после смерти мужа, долго не замечала распада семьи. Потребовались годы, чтобы она пришла в себя и увидела проблемы.

Тетя Эйприл стала матерью-одиночкой, а Чарльз — вдовцом с маленькой дочерью. На все уговоры матери жить вместе он отвечал категоричным «нет».

Лишь раз, перебрав с виски, он вспомнил о семье. С воодушевлением рассказывал, как в детстве ходил с дедом на рыбалку, и глаза его светились. Но наутро он велел Аннабель забыть этот разговор. Этот момент навсегда врезался ей в память.

Его воспоминания помогли ей понять безжалостность времени и несправедливость жизни. Боль отца Аннабель приняла как свою. А к своей собственной боли ей было не привыкать.

«Надеюсь, мы подружимся», — размышляла она, глядя в окно. Погода была солнечной и теплой, пробуждала ностальгию. Приоткрыв окно, Аннабель почувствовала, как ветер ласково касается ее лица, а солнце дарит ощущение свободы.

Когда такси остановилось перед магазином «Винтаж», она разглядела опавшие листья, устилавшие улицы осенним ковром. Прохожие, гуляющие с собаками, выглядели беззабот-

ными и радостными, что поразило Аннабель. В ее родном городе такое счастье на лицах было редкостью.

— Все будет хорошо. Тяжело найти человека, которому бы ты не понравилась, — обнадежил Чарльз, повернувшись к ней с улыбкой. Но Аннабель знала свои недостатки.

— Я думаю, таких наберется достаточно, — тихо ответила она, наклоняясь к нему. Она понимала: отец не видит ее изъянов из-за любви. — Я не обладаю теми качествами, которыми ты меня наделяешь.

— Ты всегда недооценивала себя, — подытожил Чарльз.

Аннабель могла лишь вздохнуть. Она знала, что бывает раздражительной и вспыльчивой, хотя старалась скрывать это. Порой она и сама поражалась своим поступкам. Разбить что-то или нанести себе увечье — вот ее самая низкая и неблагодарная черта.

— Я ни разу не замечал в тебе пороков, — добавил отец после минутного молчания. — Ты заботливая, самоотверженная, готова пожертвовать собой ради других. Таких, как ты, мало.

— Ты никогда не замечал во мне недостатков, — улыбнулась Аннабель. Она могла простить ему такую невнимательность. И прощала. — Родители редко видят изъяны в своих детях, считая их лучше других.

— Согласен, это чревато грехопадением своих же детей.

— Надеюсь, мы в этот список не попадем.

— Конечно, нет! — чуть не воскликнул Чарльз. — Ты ангел, а они не грешники. Так что не накручивай себя. Это лишь усилит тревожность.

— Мы с тревожностью — лучшие друзья! — с наигранным энтузиазмом ответила Аннабель, хотя на душе все оборвалось.

— Смена обстановки пойдет на пользу. Найдешь друзей.

— Чтобы завести друзей, нужно выходить из дома. А я делаю это нечасто, — она смотрела в пустоту, отвечая наобум.

— На этот раз все иначе. Ты будешь ходить в школу, общаться. Друзья появятся со временем.

— Подожди, что? — Аннабель наклонилась к отцу, ошарашенная. — А как же домашнее обучение? — Она давно не посещала школу, и ей нравилось учиться дома: это позволяло оставаться в комнате. Подальше от людей.

— Об этом придется забыть, — с этими словами Аннабель закатила глаза. — Твоя бабушка строго относится к образованию и считает домашнее обучение ленью. Все ее дети, она сама и даже дедушка учились в академии Д. Остэфф, там же они и познакомились. Так что тебе предстоит учиться там же.

— Какое "восхитительное" название, — Аннабель снова принялась кусать губы, отрывая миллиметр за миллиметром кожи.

— Да, знаю, — улыбнулся отец. — Помню, однажды там проводили голосование за смену названия, но никто ничего путного не предложил, так и оставили.

— Кошмар, — подытожила Аннабель.

— Я думал, что смогу ее уговорить в последний момент, но она была непреклонна, — вздохнул Чарльз.

— Я уже забыла, каково это — учиться в школе. Может, бабушка передумает, если я ее попрошу?

— Вряд ли, — вздохнул Чарльз. — Я уже говорил с ней. Когда я попросил ее приютить тебя, она была в восторге, но как только зашла речь о школе, ее настроение переменялось. Переубедить не удалось, думаю, у тебя тоже не выйдет.

— А ты рассказал ей, почему я не хочу ходить в школу? — Аннабель кусала губы все сильнее и ковыряла ногтями кожу до крови. Отец заметил, но не остановил. Годы уговоров и наказаний ни к чему не привели. Он смирился и с разочарованием посмотрел на ее ссадины.

— Да, но она считает, что ты уже взрослая и давно должна забыть детские травмы. В этом она права: ты действительно выросла. Никто даже не догадается, что ты альбинос, — он печально улыбнулся. — Ты давно красишь волосы в каштановый, а брови и глаза подводишь каждый день. Иногда я и сам забываю, какая ты на самом деле.

— Да, я знаю, — Аннабель закрыла глаза и вздохнула. — Я просто привыкла учиться дома. Менять привычки очень тяжело. А волосы — ерунда. Но объяснять всем, что к чему, не хочется.

— Если не скажешь, никто и не узнает. Вот увидишь.

— Постараюсь никому не говорить.

— Я уверен, ты всех поразишь обаянием, красотой и умом. Бабушка, едва узнав, что ты проведешь у нее несколько месяцев, чуть не умерла от счастья! — Чарльз рассмеялся. — Сказала, что у нее есть свободная комната, и она уже начала готовить ее к твоему приезду. Расспрашивала, что тебе нравится, чтобы ты чувствовала себя как дома. Она давно ждала этого... — он запнулся, — просто я долго был не готов.

— Я ее почти не помню. Редко смотрела на ту картину у камина.

— Ты ей понравишься, котенок. Мне жаль, что из-за меня ты не общалась с ними так долго, но я надеюсь, ты сможешь меня когда-нибудь простить. У твоей тети есть дочь, кажется, твоего возраста. Имя не запомнил, — Аннабель тихо рассмеялась вместе с ним. — Думаю, вы найдете общий язык. Ты же у меня такое чудо.

— Я не так уж легко схожусь с людьми, — грустно прошептала Аннабель. — И я не такое чудо, как ты думаешь.

— Все получится. Мы расстаемся ненадолго. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я буду ждать тебя на пороге.

— Хорошо, ты меня убедил, — улыбнулась Аннабель. — Но мне бы все же очень хотелось, чтобы ты остался со мной.

— Котенок, — устало произнес Чарльз, глубоко вздохнув. Они снова возвращались к этой теме.

— Я знаю, — перебила его Аннабель. — Знаю, что не можешь. Просто... вдруг я бы смогла тебя сейчас убедить. — на лице мелькнула хитрая улыбка.

— Я бы и сам хотел остаться, но работа такая. Где все самое интересное — там и я.

— Зато я знаю, что в журналисты не пойду, — она смотрела в его бледно-зеленые, тусклые глаза, глубоко сидящие на исхудавшем лице с острыми скулами и колючей щетиной, прибавлявшей ему лет пять. — Плохая работа, если она разлучает с семьей.

— Я тоже не могу смириться с мыслью, что не буду завтракать с тобой по утрам, говорить по вечерам, смотреть фильмы... Но я вернусь очень скоро. Это...

— ...Всего лишь небольшая трудность, которую нам предстоит пройти, — закончила за него Аннабель.

— Верно! А теперь посмотри в окно, мы почти приехали. Видишь тот дом? — Когда она посмотрела на указанное здание, то увидела двухэтажный особняк с красными, как вино, ставнями и черепичной крышей, по которой вился густой плющ. — Вот там ты будешь жить. Один из наших предков построил его сам, а с годами его только достраивали. В итоге из маленького дома получился огромный домина. Я считаю, это слишком пафосно, не находишь? — его передернуло. — Мы не короли, чтобы так жить!

— Ну, — улыбнулась Аннабель, разглядывая приближающийся дом, — мне кажется, он чудесный! Я и не знала, что бабушка с дедушкой такие богатые!

— Это не богатство, просто наследство. Да и твои дед с бабушкой занимали когда-то престижные посты в одной правительственной организации. Это тоже принесло свои плоды. Рад, что тебе нравится, значит, жить будет не в тягость. Готова?

Он не стал ждать ответа, вышел из машины и открыл ей дверь. Набрав в легкие воздух, Аннабель вышла, стараясь не растерять остатки смелости. Она остановилась у низкой черной калитки, оплетенной белыми розами.

— Нравится? — прошептал отец у нее за ухом, целуя в макушку. Ответ был и не нужен: по ее округлившимся от изумления глазам все было ясно. Обилие красных и белых роз не могло не радовать. — Идем?

Он подтолкнул ее вперед по каменной дорожке, окаймленной идеальным газоном. Тропинка вела к деревянным ступеням просторной террасы. На каждой стояли белые горшки с папоротниками, чьи листья ниспадали до земли. Массивная дубовая дверь была распахнута настежь, и на пороге уже ждала семья.

Аннабель ступила на ступеньку, раздался скрип. На последней ступени стояла округлая женщина со сложенными на груди руками. Белое кружевное платье слегка развевалось на ветру, но сама она оставалась недвижимой.

Миссис Дорофея сдвинулась с места, когда Чарльз поравнялся с ней. Несмотря на полноту, она быстро заключила их в объятия. Вдохнув, Аннабель почувствовала запах арахиса от кожи бабушки, а при поцелуе — легкий аромат шоколадных сигарет на щеке.

— Мои хорошие, — она целовала Чарльза и Аннабель по очереди. — Как же я давно вас не видела! — И еще по три поцелуя. — Как я рада! — Мясистыми руками она взяла бледное лицо Чарльза и, всхлипывая, прошептала: — Я думала, больше не увижу тебя! Как долго тебя не было! — Она смотрела на него с заботой и любовью, словно ребенок. — Ты так изменился, — громко шмыгнув, она в последний раз поцеловала его в обе щеки. — Ты исхудал.

— Мама, ну что ты! — он обнял ее в ответ. — Говоришь, будто я с войны вернулся.

— Ох, не начинай!

— Ну-ну, успокойся.

— Ладно, — миссис Дорофея смахнула с рыхлых щек слезы и радостно захлопала в ладоши. — Вот он, самородок, которого ты так долго прятал от меня! — Она перевела изучающий взгляд на Аннабель и улыбнулась так широко, что морщинки вокруг глаз запрыгали. — Дитя, как же ты выросла с последней встречи, — на глазах вновь блеснули слезы, и, не смахивая их, она погладила внучку по щеке пухлой рукой с короткими пальцами. — Неудивительно, что Чарльз перестал привозить тебя. Боялся, мы сглазим твою красоту. — Она взяла Аннабель за руку и притянула к себе. — Ну что, это твой новый дом. — Она провела рукой по воздуху, показывая на дом и участок. — Чарльз проведет тебе экскурсию, а я пока что-нибудь соображу на стол. Вы, наверное, голодные.

— Прости, мам, но мне надо ехать, — Аннабель почувствовала, как рука бабушки дрогнула. — Очень срочно. Ты только не обижайся.

— Но ты только приехал! Разве не собирался провести день с семьей? Мы столько лет не виделись! — Пока бабушка сетовала, Аннабель не могла вымолвить ни слова, словно разучилась говорить. Сердце разрывалось на части, но в голове теплилось понимание: эта минута была неизбежна.

Она хотела обнять отца, но что-то мешало. Она лишь смотрела на него с укором, стараясь передать всю обиду.

— Так скоро бросаешь меня, — сорвалось с губ, и она тут же пожалела. Упрек изменил лицо отца, состарил его еще сильнее.

— Прости, котенок, но я должен, — он подошел к бабушке и поцеловал ее в щеку. — Прости, мам, устроим семейный ужин после моего возвращения, обещаю. А сейчас оставь нас, пожалуйста, наедине? — Бабушка удивленно подняла брови, но вошла в дом. — Я буду звонить каждый день, обещаю. Как только вернусь, буду в твоём полном распоряжении. Но давай не будем раскисать и пускать негативную энергию в космос? Просто примем то, что есть. Не обижайся, ладно? — Чарльз стоял, ломая пальцы, и одернул себя, когда осознал, что

это жесты дочери.—Я буду звонить, как только появится возможность, — он обнял ее, и его объятие было каким-то порывистым, почти судорожным. — Держись, котенок.

—Ты звони... каждый день, ладно? Хотя бы раз, — голос Аннабель дрогнул. Ей вдруг стало до боли страшно, хотя причин для этого не было.

—Постараюсь, — он поцеловал ее в лоб. — Я люблю тебя. Как насчет прощальных подарков? — Аннабель недоуменно подняла на отца глаза. — Думала, я уеду с пустыми руками? Наивность... — цокнул он и достал из сумки большую коробку в обертке со звездочками и совами, перевязанную синим атласным бантом. — Продавщица помогла упаковать. Посмотришь, когда я уеду, ладно?

— Спасибо, — она взяла увесистую коробку. — Какая тяжеленькая, — с замиранием сердца прошептала Аннабель, с нетерпением ожидая момента, когда сможет ее открыть. — А это что? — Она присмотрелась к этикетке на банте: «Чудеса существуют, стоит только поверить».

— А, это продавщица оставила тебе послание, — он лукаво развел руками.

— В смысле?

— Ну, я рассказал, что дарю подарок дочери, и она решила оставить кое-что и от себя. Я был не против.

— А, — протянула Аннабель. — Понятно, очень мило с ее стороны. Не могу дождаться, чтобы посмотреть, что там!

— Тебе понравится, — он приобнял дочь, положив голову ей на макушку. — Хочу, чтобы ты запоминала каждую мелочь и делилась со мной, звонила, писала. У меня нет никого дороже тебя, котенок, помни это. Береги себя.

Аннабель подняла голову, чтобы в последний раз взглянуть в его лицо. Она ловила его взгляд, пытаясь найти в нем уверенность, но видела лишь какую-то отрешенную, застывшую нежность, и от этого становилось еще страшнее. Она старалась запомнить каждую черту... — Мне пора. Я люблю тебя... — его голос сорвался на последнем слове.

Глава III: цена внимания

Бабушка провела Аннабель в просторную комнату на втором этаже — её новую комнату. Та, толкнув белую дверь, молча вышла, оставив внучку одну.

Помещение сперва показалось Аннабель неудобным и даже слегка угнетающим, но с каждой минутой её мнение менялось. Кровать, на которой предстояло спать, не шла ни в какое сравнение с прежней. Новый матрас был мягким и объемным, в него Аннабель проваливалась, словно в облако. Кровать была с пышным балдахином с шторами, не пропускавшими ни лунный, ни солнечный свет; его устали множеством подушек и укрыли лиловым махровым пледом.

Первым делом Аннабель поставила на прикроватную тумбочку фотографию родителей. Глядя на неё, она поначалу испытывала острую боль, но со временем научилась смотреть на снимок с меньшей скорбью. Эта единственная фотография, хоть и причиняла страдания, стала символом любви, которую невозможно забыть. По другую сторону кровати она разместила Жасмин — любимое растение.

Цветок отец подарил ей после смерти матери, зная, как тяжело дочери смириться с утратой, мама часто преследовала Аннабель во снах. Чарльз принёс его в комнату со словами: «Говорят, жасмин спасает от бессонницы». Аннабель понимала, что помогает он, лишь если принимать, как напиток, но приняла цветок как символ надежды. Постепенно жасмин и впрямь стал для неё источником успокоения. Рядом с горшком она положила книгу из серии о Гарри Поттере, подаренную матерью за несколько лет до того.

«Остальное потом», — произнесла она, легла на кровать и закрыла глаза. Тоска по отцу медленно подступала к горлу. Она знала, что увидит его лишь через несколько месяцев, и это осознание вызывало щемящую пустоту. Слёзы уже готовы были хлынуть, но внезапный стук в дверь отвлек её. На пороге стояла бабушка.

— Как ты? Можно войти?

— Да, конечно, — Аннабель села на кровати по-турецки.

— Кажется, этой комнате не хватает ласковой руки, — заметила бабушка, окидывая взглядом пространство. — Пара деталей — и станет гораздо лучше. — мечтательно добавила она, уставившись в одну точку.

— Да, может как-нибудь, — поддержала её Аннабель.

— Я поищу что-нибудь стоящее для тебя в магазинах. А пока... — бабушка присела рядом, матрас прогнулся под её весом, — ты полюбишь этот дом. Он большой, в нём много интересного, ещё и сад есть. Чарльз говорил, ты любишь цветы. — бабушка погладила её по голове и заглянула в глаза. Аннабель вдруг заметила, что глаза у неё такие же зелёные, как у папы. От этого взгляда на душе потеплело.

«Словно сам отец смотрит на меня», — с умиротворением подумала она.

— Знаешь, в последнее время в этом доме случилось немало несчастий. Но я надеюсь, с твоим приездом всё изменится, — задумчиво проговорила бабушка, глядя в пол.

— Я бы не сказала, что я счастливый или удачливый человек, — робко ответила Аннабель.

— Это мы ещё посмотрим! — бабушка поднялась и уже хотела выйти, но задержалась на пороге. — Прошло семь лет, а я до сих пор помню твой натуральный цвет волос. И многие помнят. Ни одна краска не сотрёт это из памяти. Я бы на твоём месте не скрывала. И уж тем более не обращала внимания на то, что говорят люди! Это твоя особенность.

— Я не могу ходить с таким цветом. Люди слишком жестоки.

—О, дитя, — бабушка подошла и взяла её за руку, — мир всегда был жестоким. Но ты не должна давать слабину. Многие не знают и не поймут твоей особенности, но найдутся и те, кто примет тебя такой, какая ты есть.

—Спасибо, — искренне произнесла Аннабель.

—Не за что, — та похлопала её по щеке и, улыбнувшись, добавила: — Спускайся через десять минут ужинать. Поздороваешься со всей семьёй. — И, тихо прикрыв дверь, удалилась.

Аннабель вышла в собственную ванную и взглянула в зеркало. Каштановые волосы, плохо державшие краску, стали частью её жизни.

—Накрашенная моська ничего не изменит. — произнесла она вслух, набрала в ладони воды и умылась. В зеркале проступило другое отражение — бледное, как бумага, лицо с белыми ресницами и бровями. Аннабель была альбиносом.

Она спокойно жила и ходила в школу, пока в подростковом возрасте сверстники не начали жестоко подшучивать над ней. Не в силах терпеть насмешки, она приняла решение и перекрасила волосы, став «обычной» девушкой. Отец не поддержал, но и не осуждал, а со временем привык.

Теперь краска лежала в ящике под раковиной, дожидаясь своего часа. Переодевшись в домашний спортивный костюм с заячьими ушками на капюшоне, она в последний раз бегло глянула на свое лицо: белые ресницы, незаметные брови, слившиеся с лицом, и белая кожа.

Выйдя из комнаты, Аннабель прошла по коридору, где плотно друг к другу висели картины, написанные маслом. На вид они казались одинаковыми, но в глазах изображённых людей было что-то живое и реалистичное, внушавшее чувство слезки.

Спускаясь по скрипящим ступеням в холл первого этажа, она как положено осмотрелась: шкаф с вешалками, комод и зеркало. Из холла вела арка из тёмного дуба в столовую. В центре стоял большой круглый стол под сиреневой скатертью. Стены и кухонные шкафчики тоже были сиреневыми, обивка стульев перекликалась с общим цветом. Аннабель смутилась от обилия сиреневого и присела на стул рядом с бабушкой.

Напротив сидела тётя Эйприл, а справа от неё — кухня Мелани, рослая девушка с вьющимися русыми волосами и красивыми зелёными глазами, точь-в-точь как у бабушки. Мелани была старше Аннабель на три года, уже окончила школу и теперь училась в колледже.

Бегло оглядев присутствующих, Аннабель заметила, что у тёти Эйприл также были зелёные глаза, и это их отличие от неё самой сразу отпечаталось в памяти.

—Ты, наверное, помнишь тётю Эйприл и сестру Мелани, — произнесла бабушка. Аннабель кивнула, хотя с последней встречи прошло много лет. — Мелани хоть и давно окончила школу, думаю, сможет помочь с учебой, если будут вопросы. Так ведь, Мелани? — с нажимом спросила бабушка.

—Конечно, — прозвучало сквозь зубы.

Аннабель отметила, что дружелюбие и заботу проявляла к ней лишь бабушка.

—Разве твои волосы не белые? — с презрением поинтересовалась тётя, указывая вилкой в сторону Аннабель. — Кажется, на похоронах у тебя были белые волосы. Или я ошибаюсь? Хотя твой отец всегда умел привлекать внимание к себе... и к своим близким. — вслух размышляла Эйприл, нарезаая мясо. Лезвие ножа с противным скрежетом скользило по тарелке.

—Да, но с четырнадцати лет я крашу их в каштановый.

—И почему? — с показным безразличием спросила кухня.

—Потому что люди не понимают меня и не стремятся понять. Проще не давать им поводов для разговоров.

—Как это типично для подростка! «Они меня не понимают и не хотят». Все вы говорите одно и то же. — Мелани бросила на мать быстрый, понимающий взгляд. Казалось, они были заодно в этом тихом противостоянии.

Взгляд кузины был холодным, как зимняя ночь, а на лице тети читалась враждебность. В её глазах, устремленных на Аннабель, плескалась не просто неприязнь, а какая-то старая, выдержанная в горечи обида. «Будто я лично ей что-то сделала», — с тоской подумала Аннабель.

—Ничего страшного, — вмешалась бабушка. — Уверена, после нескольких дней в новой школе Аннабель передумает и поймёт, что не все люди одинаковы.

—Может быть, — ответила тётя. — А чем занимаешься? Хобби есть? И как учишься? Чарльз сказал, что ты на домашнем обучении. Верх легкомыслия! Хотя для него, я помню, не было ничего важнее, чем устроить все по-своему.

—Да, Чарльз не рассказывал, чем ты увлекаешься, — спросила бабушка, пропустив язвительные реплики мимо ушей.

—Я читаю. Книги — моя слабость.

—А по тебе и не скажешь, — откликнулась тетья. — Наверное, в этом ты вся в свою мать. А она, надо признать, тоже не отличалась особой красноречивостью.

—Я читаю не для красивой речи, а чтобы отвлечься.

—А, ну тогда понятно!

—Хватит, Эйприл! — воскликнула бабушка и с силой положила столовые приборы на стол. — Книги — это замечательно! А ты в её годы много читала? Помнится, мне приходилось заставлять тебя. Всё — из-под палки, — покачала головой старушка. — А тебе, милая, скажу: у нас на втором этаже есть библиотека. Вдруг тебе что-то приглянется.

—Спасибо, — тихо ответила Аннабель.

Она продолжала изучать родственников. Тётя Эйприл была не так молода: лоб пересекали две глубокие морщины, а тускло-рыжие волосы местами тронула седина. Она была всего на четыре года младше отца Аннабель, но выглядела значительно старше.

Мелани же, напротив, излучала жизненную силу. Стройная, холодная и неприступная, как скала. В её облике было много черт ее отца Кристиана, хотя Аннабель видела того всего раз — на похоронах, да и на картине над камином.

Уходя в свою комнату, Аннабель поймала на себе колючие взгляды родственниц. Эта враждебность не была слепой. Она имела вкус и запах — пахла старым скандалом, вкус которого Аннабель, казалось, могла почувствовать. Что-то связанное с отцом витало в воздухе этого дома, что-то, что делало её виноватой уже самим фактом своего существования.

Аннабель закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной. Тишина и одиночество навалились на нее с новой силой. Она достала телефон. Экран был чист — ни пропущенных вызовов, ни новых сообщений. «Он же обещал...» — слабая надежда заставила ее пальцы дрогнуть. Она набрала номер отца и приложила телефон к уху. Длинные гудки уходили в пустоту, пока наконец не сменились сухими гудками автоответчика. «Абонент временно недоступен...»

Она медленно опустила руку с телефоном. Тоска, которую она пыталась отогнать, накрыла ее с головой. Он не просто уехал. Он исчез.

Глава IV: вещи, которые остаются

Аннабель подошла прямиком к кровати и упала на живот, подложив руки под голову. На краю лежал отцовский подарок, к которому она до сих пор не притронулась, но желание раскрыть его стало невыносимым. Незнание щекотало нервы.

Сев, она водрузила коробку на колени и потянула за синюю атласную ленту. Под крышечкой оказалась упаковочная бумага. Сбросив ее на пол, Аннабель увидела конверт из желтой бумаги с сердечком в центре. «Не в папином стиле, — мелькнуло у нее в голове. — Опять продавщица постаралась».

Внутри лежала фотография родителей. Они сидели на веранде незнакомого кафе, счастливые и влюбленные. На обороте была надпись: «Май, 1998 г.». «Они были так счастливы...» — но тут же нахлынули другие воспоминания: ночные крики, зовущие маму, и холодные официальные бумаги с пометкой «без вести пропавшая». Пустая могила. С годами боль притупилась, но так и не ушла.

Под конвертом лежала книга. Сердце Аннабель замерло — это была вторая часть «Гарри Поттера» в редком переводе и датированная датой самого первого года выпуска. Она знала ее наизусть, но эта история никогда не надоедала. В самые тяжелые дни чтение вслух о мальчике, который выжил, позволяло ей сбежать из реальности в мир, где сердцу не было так больно.

Любовь к волшебнику Аннабель унаследовала от мамы. Та читала ей перед сном, а потом Аннабель сама читала те же строки холодному надгробию. Так прошли годы, пока однажды она не перестала смотреть на надпись: «Здесь покоится дух Аделаиды Уильямс, без вести пропавшей. Ты навсегда в наших сердцах». С тех пор она приходила только в день рождения матери, читала несколько глав и уходила, едва сердце начинало сжиматься от тяжести. В этом году она побывала там в последний раз.

Рядом с книгой в коробке лежал флакон духов с запиской: «Этот аромат носила твоя мама» — было выведено корявым отцовским почерком. Аннабель не смогла сдержать улыбку. Она еще раз поднесла флакон к лицу, вдыхая уже не запах, а само ощущение того безопасного, теплого мира, который на несколько секунд воскрес в памяти. Ее веки отяжелели, а в груди расправилась та самая, давно забытая легкость. Она легла на край кровати, сжала флакон в руке и безмятежно уснула, погруженная в сладкие сны.

Ее разбудила рука, мягко трепавшая за плечо. Аннабель вздрогнула и подпрыгнула, на мгновение забыв, где находится. За окном уже ярко светило солнце, слепя глаза. Прищурившись, она обернулась и увидела круглое лицо бабушки.

— Доброе утро! — бодро поприветствовала та. — Кажется, мы тебя вчера так утомили, что ты свалилась без задних ног.

— До-о-брое утро, — пробормотала Аннабель, зевая. — Да, я очень устала.

— Я кое-что принесла. Думаю, тебе стоит на это посмотреть, — бабушка протянула ей небольшую деревянную шкатулку с резьбой. — Не знаю, обрадует ли тебя это, но здесь вещи твоей мамы. Чарльз собрал их уже давно, но выбросить не смог, поэтому отдал мне на хранение. Ее смерть стала для него ударом.

— Она не умерла! — резко поправила Аннабель. Она всегда это делала, когда кто-то говорил о смерти матери. — То, что ее не нашли, не значит, что ее нет в живых! Надежда есть всегда, — добавила она уже мягче.

— Не спустя десять лет.

— А я верю! — настаивала Аннабель.

— Хорошо, — миссис Доротея отступила, поняв, что спор бесполезен. Даже спустя годы рана могла кровоточить. — Здесь ее вещи и фотографии, подумала, тебе будет интересно. Мне нравилась Аделаида. Она была доброй и милой, общительной, всегда готовой прийти на

помощь. Все ее любили... ну, или почти все, — в голосе бабушки послышалась грусть. Она взглянула на дверь, будто проверяя, не подслушивают ли. — Ее доброту иногда понимали превратно. Эйприл, например, однажды увидела, как муж помогал Аделаиде донести сумки. И вместо благодарности за помощь невестке, в ее голове родилась нелепая, уродливая ревность. Она решила, что между ними нечто большее, и никакие разубеждения не помогли. Поссорилась со всеми, с мужем развелась... Хотя, — кашлянула бабушка, — за Кристианом и правда водилась неверность, но об этом мы узнали уже позже. Но Эйприл с тех пор носит в сердце камень против вашей семьи, думая, что все началось именно с твоей мамы. Мелани же просто дышит воздухом, которым дышит ее мать. Не вини ее слишком сильно.

Аннабель слушала, сжимая край матраса. Глупая, нелепая история... и сколько боли она принесла. Горький комок подкатил к горлу. Чтобы не расплакаться, она перевела взгляд на шкатулку и потянулась к крышке.

— Эту шкатулку Чарльз сам вырезал для твоей мамы, когда они только познакомились. — миссис Дорофея пыталась отвлечь внучку от неприятных мыслей.

— Правда? — Аннабель подняла на бабушку удивленный взгляд. Она не представляла отца за рукоделием.

— Да, — женщина улыбнулась, но улыбка вышла несчастной. — Он тогда сильно поранился, но все равно закончил работу. Твоя мама была в восторге.

В шкатулке Аннабель нашла совместные фотографии родителей, которые никогда не видела, свои детские снимки, где она сидела на коленях у матери, и два обручальных кольца.

— Их он отдал мне самым первым, — тихо сказала бабушка, следя за ее взглядом. — Сказал, что не в силах держать их у себя, что каждый взгляд — как нож. Ему казалось, что если он избавится от них, то и из души получится вычеркнуть хоть часть горя.

Аннабель взяла кольца в руки. Они висели на золотой цепочке, сверкая на солнце.

— Я тебя оставлю, — миссис Дорофея поняла, что внучке нужно побыть одной. — Приготовь, пожалуйста, одежду на завтра в школу.

Словно удар током. Слово «школа» вернуло ее из прошлого в настоящее, и по спине пробежали мурашки.

— Что? — очнулась Аннабель, но не отняла взгляда от колец. Она интуитивно сжала их в кулаке так, что металл впился в ладонь.

— Я заметила, что ты ещё не разложила одежду по полкам. Думаю, стоит заранее подготовить вещи, — она подмигнула. — Чтобы утром собираться без нервов.

— Хорошо, — кивнула Аннабель, сглотнув внезапно подступивший к горлу ком. Губы сами собой сомкнулись, и она почувствовала знакомый привкус крови. Школа. Завтра.

Когда дверь закрылась, она подошла к зеркалу и надела цепочку с кольцами. Машинально поправив серебряный браслет с рунами на запястье, она провела по кольцам пальцем, и вдруг вспомнила: давно не видела обручальное кольцо на руке отца. Никогда не задумывалась, куда оно подевалось. Цепочка была коротковата, чтобы спрятать под одеждой, и кольца ярко блестели у нее на шее.

«Интересно, как мамино кольцо оказалось у папы?» — мысль возникла неожиданно. Чтобы не развивать ее, Аннабель махнула рукой на свое отражение и села за стол, чтобы разобрать фотографии. Их было немного — всего десяток, но каждая казалась сокровищем.

На снимках в основном была мама. Именно такой Аннабель и помнила ее — со светлыми волосами, белоснежными ресницами и сияющей улыбкой. А глаза... Глаза были точь-в-точь как у нее — светло-голубые, с фиолетовым подтоном.

Разложив фотографии на столе, она достала из пенала скотч и принялась аккуратно клеить их в свой фотоальбом.

Глава V: сирота

Аннабель приоткрыла глаза. На часах было три часа дня. Она не покидала свою комнату уже несколько дней, совершенно потеряв счёт времени — в памяти не осталось ни дня недели, ни числа, лишь монотонное тиканье настенных часов напоминало о его течении. В последние дни она не занималась ничем, а если что-то и делала, то тут же забывала. Все мысли поглотило одно единственное, страшное воспоминание: как она, полная радостных впечатлений от первого школьного дня, вернулась домой и увидела заплаканное лицо бабушки.

Вся семья собралась на кухне, одетая в чёрное. Их руки были переплетены, а на столе валялись скомканные бумажные платочки. Когда Аннабель окликнула их, все одновременно обернулись к ней.

Мелани медленно поднялась из-за стола и дрожащей рукой протянула кухне небольшой листок. На нём крупными чёрными буквами было напечатано: «Справка о смерти». Аннабель успела разглядеть только имя отца, прежде чем листок выскользнул из её онемевших пальцев. Комната поплыла перед глазами, и в себя она пришла уже в своей постели. Врач, быстро осмотрев её, констатировал, что жизни ничто не угрожает. После его ухода Аннабель осталась лежать, уставившись в небо за окном. Бабушка, не в силах выносить её взгляд, укрыла одеялом и вышла из комнаты. В тот злополучный день не только Аннабель потеряла отца — мать потеряла сына.

— Анна? — вот уже несколько дней миссис Дорофея обращалась к внучке только так, и её голос всякий раз прерывался. Аннабель не возражала; она больше не чувствовала себя прежней. С момента утраты ей страстно хотелось сбросить с себя старое «я». — Ты встала?

Уже неделю утро начиналось с этого вопроса, и пошла вторая. Аннабель лишь поворачивала голову к двери, молчала и снова отворачивалась к окну. Она покидала кровать лишь по острой необходимости, всё остальное время оставала без движения и вновь причиняла себе боль воспоминаниями.

— Я вхожу, — дверь со скрипом отворилась, и бабушка, вся в чёрном — платье ниже колен и с шалью на плечах, — вошла в комнату. При виде её траурного наряда Аннабель отвернулась и закрыла глаза, не в состоянии видеть этот цвет. Солнце светило ей прямо в лицо, согревая кожу. Несмотря на вступившую в свои права осень, лето всё ещё боролось за своё существование. — Ты давно не ела. Спустишься пообедать? — бабушка присела на край кровати и хотела прикрыть её руку своей ладонью, но Аннабель медленно отодвинула кисть. — В доме никого не будет, все уйдём. Можешь поесть в одиночестве. — Бабушка тяжело поднялась и направилась к выходу, с болью глядя на измождённое лицо внучки: впалые щёки и тёмные круги под глазами. — Ты должна есть. Ты губишь себя! Рано или поздно тебе придётся выйти и столкнуться с реальностью.

— Уйди, — прошептала Аннабель сухими губами, не глядя на бабушку.

— Хочешь извести себя до смерти и лечь рядом с отцом? — от этих слов сердце Аннабель болезненно сжалось, но мысль показалась ей соблазнительной. Вся её жизнь была в родителях, и без них мир стал тусклым и безразличным. Оставшиеся родственники были ей чужды, и сблизиться с ними она не желала. — Твоя жизнь не кончилась! Отец никогда бы тебе этого не пожелал.

— Уйди! — более настойчиво бросила Аннабель. Разговоры о смерти ранили её нестерпимо; думать о ней было так же страшно, как представлять себя мёртвой.

— Сегодня мы устанавливаем надгробие Чарльзу, — с тихим вздохом продолжила миссис Дорофея. — Пусть могила и пуста, но тебе будет, куда приходиться, навещать. — Она вышла, тихо прикрыв дверь.

По щекам Аннабель скатились две слезинки. Она посмотрела на закрытую дверь, смахнула слезы и попыталась сделать глубокий вдох, но не смогла. Сердце бешено колотилось, гнало кровь по телу и отдавалось пульсацией в висках.

Каждый день проходил в слезах; голова была тяжёлой, налитой свинцом. Опухшие веки мешали как следует открыть глаза, они были красными и воспалёнными. От постоянной ломоты в теле и головной боли двигаться было мучительно. Она перевернулась на бок, сбросила одеяло и пролежала так с десятков минут. С трудом села, и острая боль пронзила всё тело. Её сопровождали звон в ушах и ощущение, будто кровь прилила к мозгу. Аннабель потерла лоб — легче не стало. Пальцы были ледяными, и их прикосновение ненадолго охладило разгорячённую кожу. Придерживая голову рукой, она побрела в ванную.

Аннабель подставила лицо под горячие струи воды. Кожа обжигалась, но это отвлекало. Она вспомнила, как однажды, спустившись на кухню, подслушала разговор бабушки с тётей о похоронах отца. В тот день она и решила больше не покидать комнату. Несколько дней, проведённых наедине с горем, стали для неё настоящим адом.

Каждую ночь она думала о том, что стала сиротой. Это слово всё настойчивее крутилось в её мыслях. Она пыталась осознать его, но произнести вслух пока не решалась. Ей казалось, что, произнеся его, обратного пути не будет. И она безвозвратно станет сиротой.

Погрузившись в жалость к себе, Аннабель переключила воду на ледяную. Эмоциональная боль была так сильна, что причинить себе физическую казалось единственным разумным выходом. От холодной воды её била дрожь, но это ненадолго прояснило сознание.

На выходе из комнаты она мельком взглянула в зеркало и осознала, что одета во всё чёрное. «Под стать событию», — с горькой иронией подумала она, стараясь укрыться от мира в мешковатом спортивном костюме. Глаза снова наполнились слезами, и от бессилия Аннабель запрыгала на месте. Попытки выплеснуть эмоции привели к новой боли. Пульсирующая боль в виске заставила её остановиться, и она покорно подчинилась уговорам своего тела.

Спускаясь по скрипучей лестнице, Аннабель зачесала мокрые волосы в небрежный пучок и натянула капюшон.

В столовой она машинально принялась искать кофе. Горячий напиток ненадолго вернул её к жизни, а тарелка супа немного согрела. Аннабель сидела за столом в своей привычной позе: поджав одну ногу под себя, а другую согнула в колене, и читала «Гарри Поттера».

«Теперь буду читать двум пустым могилам», — подумала она. Холодное мраморное надгробие, а под ним — лишь земля. Тишину разорвал протяжный звонок в дверь. «Дома никого не будет», — передразнила она бабушку и, шаркая ногами, поплелась открывать.

— Воу, выглядишь... не очень, — Тхан невольно отшатнулся, а Аннабель отвернулась, снова осознав, в каком она состоянии. Тхан был парнем, с которым она познакомилась в первый школьный день. Друг семьи, доброжелательный и открытый, она мгновенно прониклась к нему симпатией. Однако семейная трагедия возвела между ними стену, которую, казалось, уже не разрушить. Но Тхан не сдавался и приходил почти каждый день, однако ни разу так и не переступил порог ее комнаты.

— Спасибо, — Аннабель отошла в сторону, впуская его. Она прятала лицо под капюшоном, не желая, чтобы он видел её заплаканные глаза. — Зачем пришёл?

— Проведать тебя, как и всегда, — Тхан закрыл дверь и последовал за ней на кухню, засунув руки в карманы джинс. — Ты не пришла на... похороны. Решил, тебе не мешает компания.

— И снова ты ошибся, — Аннабель вновь налила себе кофе и повернулась к нему, давая понять, что его присутствие неуместно. Её опухшие глаза смотрели на него с немым укором.

— Соболезную, — просто сказал он. Эти слова заставили Аннабель задержать дыхание. Она забыла, что люди говорят такое, даже если на самом деле им не жаль. Она молчала. — Я рядом, если что, — в ответ он получил лишь кивок. — Аннабель? — Тхан приблизился и кос-

нулся её плеча. Она не заметила, как застыла, уставившись в пустоту. — Давай прогуляемся? Подышим воздухом. На улице хорошо, — он попытался улыбнуться. Его улыбка была тёплой и участливой.

— Я хотела дома посидеть.

— Я настаиваю, — Тхан сел на ближайший стул, не отводя от неё взгляда. Аннабель молча пила вторую кружку кофе, стараясь скрыть своё лицо. — Ясно, — он принялся барабанить пальцами по столу, затем встал и подошёл вплотную. — Идём, — он отнял у неё кружку, поставил на стол, взял её холодную руку и повёл в коридор. Аннабель вяло сопротивлялась, но быстро сдалась и покорно пошла за ним. Тхан накинул на неё пальто, поправил капюшон, даже разгладил волосы, чего она совсем не заметила.

— Твои волосы... стали ещё белее. Ты не красила? — Тхан открыл перед ней дверь и пропустил вперёд.

— Не до того, — спустя минуту молчания ответила Аннабель. Ей было безразлично на цвет волос, на свою кожу, на себя. Тело деревенело, и каждое движение отзывалось колющей болью. Физическая боль почти совпадала с душевной, и это её даже устраивало.

— Хочешь, сходим в салон, покрасим? — на его вопрос Аннабель удивлённо взглянула на него и даже попыталась улыбнуться. Идея показалась ей абсурдной. — А что? Я не против! — он толкнул её легонько в бок и обнял за плечи. — Так и сделаем.

— Я даже не знаю... — пробормотала Аннабель, уже следуя за ним.

— Есть сомнения? — он поднял руку для «пять», но Аннабель не сразу среагировала. — Ну? — он помахал ладонью, и лишь тогда она ответила ему ленивым шлепком. Аннабель идея понравилась, она давно думала сбросить с себя старую личину, а смена образа было прекрасной идеей, да деньги, давно подаренные отцом, давно жгли ей карман.

В глазах Тхана Аннабель увидела не только настойчивость, но и поддержку. Это подтолкнуло её сделать шаг в новую жизнь, которая так внезапно и жестоко изменилась. В голове она разделилась на две части: там, где была счастлива с родителями, и здесь, где осталась сиротой.

В новой жизни ей отчаянно хотелось стать другим человеком. словно выпрыгнуть из собственной кожи. Они шли молча, пока не остановились у ступеней салона красоты.

— Давай, — Тхан протянул ей руку, и она, после секундного колебания, вложила в неё свою холодную ладонь. Вместе они вошли внутрь.

— Здравствуйте, чем могу помочь? — их встретила улыбчивая девушка-администратор в белой блузке и широких чёрных брюках. Миловидная, с большими голубыми глазами в обрамлении длинных тёмных ресниц. Её чёрные волосы были, очевидно, крашеными, но это ей шло. Лишь шрам под носом и слегка неровные ноздри выдавали последствия операции по коррекции заячьей губы. Но её улыбка была настолько открытой, что Аннабель почувствовала неожиданный прилив бодрости.

— Моей подруге нужно освежить цвет. Можете записать к хорошему мастеру?

— Конечно! — девушка вспыхнула улыбкой и скрылась за стойкой. — У нас как раз освободился один из лучших мастеров. Проходите, пожалуйста, — она бережно взяла Аннабель под локоть и проводила к креслу. Тхан лишь ободряюще помахал рукой.

Аннабель устроилась в удобном кресле с высокой спинкой и стала ждать. Вскоре к ней подошла улыбчивая, дородная парикмахерша и положила тёплые руки ей на плечи.

— Что будем делать, красавица? — она смотрела на Аннабель через зеркало, а её пальцы тем временем нежно перебирали пряди волос, словно пропуская сквозь них воду.

— Я хочу убрать остатки каштанового и оставить свой цвет, — пока Аннабель говорила, мастер ловко разделяла волосы на пробы.

— Оставляем натуральный цвет у корней, да? Светлый?

— Да, — робко кивнула Аннабель.

— Может, сделаем тонировку?

— А это что?

— Мы смоём старый цвет, и он будет не таким ярким. Я предлагаю просто затонировать под холодный белый, с голубым пигментом. Тогда цвет будет выглядеть сочнее и ярче. Согласны? — Аннабель молча кивнула.

Несколько часов спустя её развернули к зеркалу. Длинные, струящиеся белые волосы отливали холодным серебром. Аннабель за две недели забыла, что волосы у неё до лопаток. Её поразило, что они могут так блестеть и переливаться.

«Могу просто сказать, что перекарасилась в блондинку», — подумала Аннабель, пропуская волос сквозь пальцев. Они были невероятно мягкими и послушными. Обычно Аннабель собирала их в пучок или косу, отчего они ломались и выпадали. Теперь же волосы выглядели ухоженными и живыми. Это изменение слегка приободрило её.

«Папа будет в восторге!» — пронеслось в голове, когда она зачесала волосы назад. И тут же — осознание. Отец больше не увидит ее с настоящими волосами.

— Вам нравится? — прервала её размышления парикмахерша, пока Аннабель в молчании разглядывала свою новую внешность.

— Очень! Они прекрасны, — Аннабель встала и подошла ближе к зеркалу. Волосы идеально сочетались с её белыми ресницами и бровями.

— Вам очень идёт, — искренне выдохнула мастерица. — Вы же альбинос? Я угадала?

— Да, — впервые Аннабель не смутилась этого вопроса и ответила с лёгкостью. «Вот что значит принимать себя», — без особой радости, но с чувством глубокого облегчения подумала она. Она заправила волосы за уши и ещё раз посмотрела в зеркало. Её внешность была как чистое полотно. И впервые это ей по-настоящему понравилось; на фоне других она выглядела не «бледной молью», она стала собой.

Выйдя в коридор, она увидела ожидающего Тхана.

— Ты... — он на мгновение замер, разглядывая её. — Тебе очень идёт! — на его лице расплылась широкая, искренняя улыбка.

— Мне тоже нравится. Придётся привыкать, — Аннабель покрутила прядь вокруг пальца. — Но, думаю, я справлюсь, — она в последний раз провела рукой по волосам и надела пальто. — Я пойду домой, ладно? Спасибо за всё, — она обняла его чуть дольше, чем обычно, и вышла на улицу. Сердце сжалось, ей хотелось поскорее убежать, пока не опомнится Тхан. Аннабель вновь подумала об отце, о том, как он просил её вернуться к натуральному цвету. На глаза навернулись предательские слёзы.

Аннабель шла домой, засунув руки в карманы и натянув капюшон. Она не смотрела по сторонам, даже переходя дорогу. И не подозревала, что за ней кто-то идет. Узнала об этом, когда у перекрёстка какая-то старушка взяла её под локоть.

— Поможешь старухе перейти дорогу, дитятко? — проскрипела сгорбленная женщина в тёплом платке и зимнем тулупе. Она шла медленно, шаркая ногами, но Аннабель это не смущало.

Едва они ступили на тротуар, старушка убрала руку. Аннабель сделала уже несколько шагов вперёд, когда за спиной донёсся тихий, но чёткий женский голос:

— Спаси, Аннабель.

Она застыла как вкопанная. Но, обернувшись, никого не увидела. Сгорбленной старушки словно и не бывало.

Глава VI: прощание с тенью

Бабушка настояла на возвращении в школу, пытаясь вернуть внучку к жизни. Аннабель не сопротивлялась; стены комнаты опостытели, напоминая о гибели отца и вызывая лишь злость и ненависть к дому.

В столовой школы Аннабель сидела одна и нехотя ковыряла вилкой слипшиеся макароны. Аппетита не было, но она заставляла себя есть — нужны были силы, чтобы просто передвигать ноги.

Аннабель ловила на себе взгляды школьников. Шёпот за соседним столом: «Смотри, вся белая...» Аннабель опустила голову ниже. Эти взгляды были не в новинку, но сейчас, сквозь призму горя, они воспринимались иначе. В памяти всплыли слова отца, которые он нашёл когда-то в старой книге: «Альбиносов раньше вампирами звали. Боялись их. А надо было просто понять». Она тогда не придавала этому значения. А теперь это знание обжигало: её буквально считали существом не из этого мира. И сейчас, когда её мир рухнул, она и сама начала чувствовать себя призраком.

Она отодвинула тарелку. Аннабель решила прогулять оставшиеся уроки — любопытных взглядов на сегодня хватило с лихвой. Едва оказавшись за порогом школы, она направилась на кладбище, а вскоре уже стояла у чёрных кованых ворот.

Аннабель замерла у входа, не решаясь переступить порог, но понимала — должна найти могилу отца. Долго блуждать не пришлось. Рядом с каменной фигурой смерти с косой она нашла её.

Земля под гранитной плитой была нетронутой — ведь под ней никого не было. На камне было выбито: «Чарльз Бэккинс. Любящий отец и муж. Навеки в наших сердцах. 1975-2016».

Аннабель положила ладонь на холодный камень, окончательно убедившись, что это правда. Отец и мать мертвы, а она стоит здесь, живая. Ей захотелось лечь рядом и остаться у могилы навсегда. В этот миг жить не хотелось — жить без возможности обнять их, никогда больше не услышать их голосов.

—Тяжело от мысли, что когда-то я грелась в ваших объятиях, а теперь не могу даже поговорить с вами, — прошептала она, присев на корточки напротив надгробия. — Я бы предпочла не знать вас вовсе, чем учиться жить без вас. — Аннабель прижалась лбом к ледяной плите и закрыла глаза.

И это стало её последним прощанием. Её нога больше не ступит сюда. Могила, как и у мамы, была пуста. Дрожащими пальцами Аннабель сняла с шеи золотую цепочку с обручальными кольцами, вырыла у подножия камня небольшую ямку и бережно опустила её туда.

—Теперь вас будет связывать хоть что-то, — прошептала она, засыпая кольца землёй и хороня вместе с ними часть самой себя. Она натянула на голову кепку — подарок отца после их первого похода на бейсбол. —Ну, прощай, — Аннабель шмыгнула носом. — Я больше не приду. — Она губами коснулась выбитого имени. — Прощай. — Слёзы текли по её щекам, пока она в последний раз гладила шершавый камень. Ей представилось, будто отец смотрит на неё и умоляет не уходить. От этой мысли на душе стало ещё тяжелее.

Аннабель почти вышла за ворота кладбища, когда в воздухе мелькнула странная искра. Пройдя пару шагов, её обдало волной холода, будто окатили ушатом ледяной воды.

Сквозь всепоглощающий мороз она смутно почувствовала, как браслет на её руке вспыхнул коротким, обжигающим теплом. Едва уловимое ощущение, которое тут же утонуло в ледяном вихре и забылось.

И каково же было её изумление, когда, отшатнувшись, она оказалась не на кладбище, а в глухом, незнакомом лесу.

Глава VII: сквозь паутину страха

Аннабель огляделась. Неестественно яркое голубое небо просвечивало сквозь зеленые листья высоких сосен, елей и дубов. Деревья, плотно растущие друг к другу, создавали густую, темную атмосферу. Обилие и яркость красок поражали — такие оттенки можно было встретить разве что на картинах, мимо которых Аннабель проходила в доме своей бабушки.

Сырость наполняла воздух густой, почти осязаемой тяжестью, сводя дыхание к коротким, осторожным глоткам.

Между деревьями, среди которых больше преобладали сосны, извивались узкие, протоптанные тропинки. Земля была укрыта плотным ковром из сухих листьев и сломанных веток.

Аннабель осторожно сделала шаг. Неизведанное место пугало так же сильно как и то, каким способом она здесь оказалась. Чем дольше она стояла на месте, тем отчетливее слышала стук собственного сердца, словно удары гонга. Ей казалось, оно вот-вот вырвется из груди.

С прищуром и затаив дыхание, она сделала еще один шаг — и под ногой хрустнула ветка. Звук заставил ее вздрогнуть и оглянуться. Под давлением страха она не сразу поняла, что это были всего лишь сухие палки и листья под ее ногами.

Глубоко в чаще ухнул филин, и она снова дернулась. Охваченная паникой, Аннабель двинулась дальше на полусогнутых ногах, все ее внимание было сосредоточено на звуках вокруг. Над головой бесшумно пролетел тот самый филин и исчез в сосновых ветвях, оставив мурашки на коже.

Лес жил своей жизнью, и Аннабель это остро чувствовала. Нарастающий страх затуманил разум, мешая идти. Рычание, мычание и шорохи, доносившиеся из чащи, вытеснили все мысли, оставив лишь навязчивый стук сердца.

Крадучись, она все же продолжила двигаться вперед. Аннабель осторожно ступала, вздрагивая от каждого шороха, и оглядывалась с широко распахнутыми от ужаса глазами. Всепоглощающая паника заставляла дышать ртом; легкий пар от дыхания лишь подпитывал страх. Было страшно оглянуться и встретиться взглядом с внезапной смертью.

Обхватив себя руками, она вжала голову в плечи. Конца леса видно не было, но оставаться на месте было опасно. Сердце гнало кровь так сильно, что от импульсов начали дрожать колени.

На пути попадались поваленные деревья, обросшие вьюнком, и множество обломанных ветвей. Среди них цвели одинокие красные цветы, похожие на маки. Аннабель насчитала около двадцати, но срывать не решилась.

Остановившись у одного цветка, чтобы рассмотреть поближе, она ощутила сладковатый запах, напоминающий домашнее малиновое варенье. Его сердцевина была ядовито-желтой, с крупными зернами пыльцы. Наклонившись ближе, она неожиданно сильно вдохнула аромат — и резкая боль в виске заставила вздрогнуть. Голова закружилась, лес поплыл перед глазами.

Запах был слишком сладким, но на удивление приятным. Он унес с собой тревогу, в душе воцарилось непривычное спокойствие.

«Лучше, чем на кладбище», — мелькнула мысль. Все страхи рассеялись, словно их и не было.

Она села на землю, словно замороженная, тихо покачиваясь с закрытыми глазами. Но минут через десять ее вывел из оцепенения хруст ветки за спиной. Обернувшись, Аннабель никого не увидела, но долго вглядывалась в глубь леса, однако никто там так и не появился.. Как только она снова погрузилась в сладкое забытие, хруст повторился, несколько раз. Аннабель встала, прищурилась, пытаясь разглядеть что-то в темноте. От нового таинственного хруста волосы на затылке встали дыбом, а сердце вновь забилося в тревожном ритме.

Она отряхнула колени и пошла вперед, решив не останавливаться, пока не выберется. Так она и двигалась, глядя прямо перед собой, с опущенными по швам руками и холодными влажными ладонями.

Из чащи начали выплывать желтые флуоресцентные светлячки. Их кислотно-яркий желтый свет и едва слышное жужжание заставляли снова и снова оглядываться. Мысль о преследовании овладела ею.

Спустя полчаса блужданий страх немного притупился. На пути никого не попадалось, а лес стал редеть, что вселило каплю надежды.

Остановившись у одинокого пня, Аннабель перевела дух. Пар изо рта все так же клубился, а руки в карманах не согревались. Она давно не оглядывалась, потому ее сердце чуть не остановилось, когда на плечо легла чья-то ледяная ладонь. Краем глаза Аннабель заметила фиолетово-синие пальцы, но страх был так велик, что она не стала оборачиваться полностью, а с криком бросилась прочь.

Ветки хлестали по лицу, оставляя кровавые ссадины. Прижав руки к груди, она мчалась, быстро. Во рту появился привкус крови, но останавливаться было страшно.

Внезапно нога зацепилась за торчащий корень. Упав, Аннабель вдохнула сырой воздух, смешанный с рыхлой землей, и закашлялась, но успокоиться не удавалось. Во рту от бега пересохло, сердце билось в бешеном ритме. И чуть не замерло, когда Аннабель разглядела между пальцами шевелящихся червей.

С губ снова сорвался истошный крик. Вскочив, она принялась стряхивать с себя червей, которым, как ей чудилось, удалось проникнуть даже в карманы.

Бросив на землю беглый взгляд, она снова побежала, перепрыгивая через корни. Когда дыхание окончательно сбилось, Аннабель побежала медленнее. Позади, в нескольких метрах от себя, она заметила человека. Он уверенно шел по ее следам, с низко опущенной головой. Лицо скрывал капюшон. Он не спешил, двигался с хищной уверенностью.

Пытаясь разглядеть его на бегу, Аннабель слишком поздно заметила, что выбежала на поляну, а ее преследователь неотступно шел следом. Солнце ударило в глаза, а теплый, почти душный ветер растрепал волосы, которые лезли в рот.

Поле заканчивалось невысоким крутым бугром. Цепляясь за траву и землю, Аннабель стала карабкаться наверх. Добравшись до вершины, она рискнула вновь обернуться.

Незнакомец остановился и поднял голову. Из-под капюшона по-прежнему виднелась темнота. Он медленно поднял руку и указал на Аннабель пальцем.

Этот угрожающий жест заставил ее колени подкоситься и инстинктивно отступить — и Аннабель почувствовала, как земля уходит из-под ног. Сорвавшись вниз, она успела понять лишь одно: под ногами не было опоры.

Мир превратился в мелькание зелени и голубого неба. Невесомость длилась недолго — все закончилось резким ударом в спину о что-то твердое. Дыхание перехватило, тело пронзила невыносимая боль.

Попытки встать были тщетны. Аннабель осталась лежать на животе, в ожидании, когда боль уйдет. В ушах стоял оглушительный звон, заглушавший все другие звуки.

Повернув голову, она увидела, обо что ударилась. Это была каменная белая громадина, похожая на стену. Дрожащей рукой она дотронулась до своей головы — она дребезжала, как сломанный телевизор.

Зрение понемногу прояснилось. Боль от падения, сначала приглушенная шоком, теперь накаtywала с новой силой. Осторожно перекатившись на спину, она опустила голову на душистую траву. Рядом возвышалась та самая стена. Присмотревшись, Аннабель с ужасом поняла, что это гигантский человеческий череп, высотой в три метра. Время пощадило его, оставив лишь несколько глубоких трещин.

Аннабель положила руки на грудь и закрыла глаза. Невыносимо захотелось спать: боль и изнеможение брали верх. Окончательно отключиться не давало лишь воспоминание о преследователе.

Ползком, почти не чувствуя тела после удара, она втянулась внутрь черепа через пустую глазницу. Изнутри кость была проколота древним копьем, острие которого прочно вросло в землю. Это и стало смертельным ударом.

Аннабель решила не покидать укрытия, пока не придет в себя. Свернувшись калачиком в самом укромном уголке, она прижалась к холодной кости. Дыша в колени, пытаясь согреться, она чувствовала, как бьет дрожь — от холода и от пережитого ужаса. Аннабель засунула ледяные руки под кофту, обхватив себя за ребра.

Примерно через час, когда Аннабель уже начинала клевать носом, снаружи послышались шаги. Кто-то ходил вокруг черепа, словно приносиваясь. Она видела чьи-то ноги через глазницу, но сама сидела в глубокой тени, невидимая для незваного гостя.

Закрыв глаза и ожидая конца, в уме она представляла картины, как ее вытаскивают за ноги из убежища. Но ничего не происходило. Спустя мучительные минуты страха, длившиеся словно вечность, Аннабель поняла — вокруг никого уже нет. Лишь ветер завывал вокруг древней кости.

Снаружи похолодало сильнее. Ветер не унимался, а вскоре принес с собой проливной дождь и оглушительные раскаты грома. Сырость пронизывала до костей, а порывы ветра пробирались в череп и пели свою жуткую песню, заставляя Аннабель содрогаться в ужасе. Под натиском звуков она закрыла глаза. Дрожь отнимала последние силы, и, поддавшись усталости, она уснула.

Ей снилось, что она снова бежит по лесу. Темнота скрывала лицо преследователя, но она чувствовала его приближение. Каждый раз, оборачиваясь, она слышала, как он произносит ее имя. Наконец, она упала, а мужчина исчез. Аннабель лежала на сырой земле, сжалась в комок в ожидании конца.

—Аннабель, открой глаза, — прозвучал знакомый голос. Она не слышала его много лет. Немедленно повинувшись, она увидела перед собой маму — улыбающуюся, в светлом платье, которое словно излучало сияние. —Ты в безопасности.

—Ты призрак, да?— спросила Аннабель, протянув руку, но так и не дотянувшись. — Что ты здесь делаешь?

—Я всегда там, где и ты, — отвечала мама, и ее улыбка становилась все шире. Аннабель смотрела, не в силах отвести взгляд, пытаясь запомнить каждую черту давно забытого лица. —Тебе нужно быть осторожнее.

—Мама, где я? Я не понимаю, как я здесь оказалась! Помоги мне, мама! — встав на колени, взмолилась она. Слезы текли по щекам ручьями. Но лицо матери оставалось невозмутимым. —Пожалуйста, помоги мне! —Дышать стало тяжело, рыдания перехватывали горло.

—Я бы отдала свою жизнь за помощь тебе, но мои руки связаны. Прости.

—Мама, ты мне очень нужна! — Аннабель поползла вперед, но призрак матери был недостижим. —Ты мне очень нужна!

Она закричала и проснулась, понимая, что кричала и плакала во сне. Щеки, шея и воротник кофты были мокрыми от слез.

—Мама, помоги мне, — прошептала она дрожащим голосом, не в силах поднять глаз. Новые слезинки катились по уже промокшей коже.—Помоги мне.

Это были последние слова, которые она произнесла, прежде чем снова провалиться в тяжелый, безрадостный сон.

Глава VIII: Рогбан

Аннабель открыла глаза и тут же зажмурилась. Воспоминания о вчерашнем дне ещё не успели напомнить о себе. Она была готова снова погрузиться в сон, но острая боль в голове и во всём теле напомнила о неожиданном путешествии, жутком падении и неудобной позе сна.

Полностью открыв глаза, она осмотрелась: было уже достаточно светло, утренняя роса еще не успела высохнуть на траве. Влага пропитала и её одежду, отчего стало ещё холоднее. Обхватив плечи руками, Аннабель медленно приподнялась. Ей не хотелось покидать укрытие, но любопытство вскоре взяло верх, и она высунула голову наружу. Каждое движение рук и ног отзывались ноющим неприятным ощущением, с которым Аннабель старательно боролась.

Воздух снаружи был промозглым отчего мурашки побежали по коже. Трава неестественно зеленела за пределами черепа, тогда как внутри она давно пожелтела и напоминала о сырости и затхлости.

Аннабель полностью выползла из своего убежища и, опираясь на череп, поднялась с колен. Одинокий череп, стоящий посреди бескрайнего поля, находился здесь уже сотни лет. Дожди и время сгладили все его шероховатости, но трещины хранили свою историю. Кое-где на нём уже проступал мох. Ещё несколько лет — и череп превратится в обычный склон, но пока он напоминал о могучих существах, некогда ступавших по этой земле. Одна глазница достигала размеров оконной рамы в человеческом доме. Однако больше всего Аннабель поразило высокое копьё, торчащее из темени; его конец уходил в небо, скрываясь за ослепляющим утренним солнцем.

— И кто же тебя так?.. — тихо произнесла Аннабель, положив ладонь на толстую кость. В ней ещё оставались частицы магии, о которой Аннабель не ведала. Для неё он стал чем-то нереальным, полным загадок. — Спасибо, друг, что приютил.

Сделав несколько шагов назад, Аннабель в последний раз взглянула в пустые глазницы и, повернувшись спиной, пошла вперёд по зелёному полю.

Время шло к обеду, и солнце начало нещадно палить, выжигая поле. Аннабель сняла кофту и повязала её на пояс, оставшись в одной футболке. Чёрная одежда жарилась на солнце, и она уже успела пожалеть о своём выборе.

На лбу выступили капельки пота, когда она остановилась, чтобы перевести дух. Солёный пот щипал царапины, оставленные ветками в лесу. Вокруг не было ни намёка на жизнь, и это заставило её усомниться в своих действиях.

— Надо было идти в лес, — прошептала Аннабель пересохшими губами. От жары кружилась голова, мучили жажда и голод, но всё, что ей оставалось, это переставлять ноги, которые двигались уже медленнее. — Будто в пустыне. Где же такие бесконечные поля? — бубнила она, готовая опустить руки и остаться на месте.

В тот миг, когда она уже хотела сесть от бессилия на землю, вдали замерцал расплывчатый силуэт. Позабыв о ночном происшествии, Аннабель быстрыми шагами пошла навстречу. Её радовало, что незнакомец тоже шел к ней.

Старик поднял ладони вверх и с улыбкой произнёс: Она остановилась, когда между ними оставалось метров три. Это был старик в длинном кафтане, больше напоминающем балахон. Его лицо было почти не разглядеть из-за густой растительности: длинная седая борода до пояса, кончик которой был перевязан ленточкой с колокольчиком, и такие же седые, зачёсанные назад волосы. Они были длинными и неаккуратными, как и борода. Но глаза старика внушали доверие: они смотрели без насмешки и коварства, скорее с пониманием. Глаза были карими, почти чёрными, светившимися из-под густых ресниц. Его вид поражал: несмотря на старость и залысины, взгляд был молодым и полным энергии.

— Я не причиню тебе вреда. Я пришёл, чтобы помочь.

Он достал из-за пояса бутылку воды и протянул её Аннабель. В его движениях была такая неподдельная уверенность и спокойствие, что страх Аннабель на мгновение отступил. Она не стала сопротивляться, подчинившись внутреннему чутью, и подошла ближе.

Прохлада бутылки приятно остудила разгоряченные ладони. Открыв крышку, она начала жадно глотать воду, словно боялась, что её отнимут. Вода текла по подбородку, шее, под футболку. Когда появилось чувство, что ещё глоток — и её вырвет, она остановилась. Тыльной стороной ладони вытерла мокрый подбородок и отдышалась. Мир вокруг сразу показался не таким уж враждебным.

— Где я? — всё ещё тяжело дыша, спросила Аннабель, возвращая бутылку. — И откуда здесь такие огромные поля?

— Оставь себе, думаю, ты ещё захочешь пить. А поля вовсе не бескрайние, просто ты шла наискосок, от того и показалось дорога длинной, — с той же неизменной улыбкой ответил он. — Ты почти у Рогбана. Меня зовут Геронтий, я тебя давно ждал. Думал, ты появишься ещё вчера.

— Я пряталась в черепе... от кого-то, — тихо призналась Аннабель. — Как это вы меня ждали? — опешила она.

— Я видел твой приход в огне и пепле.

— Где увидели? — не поняла Аннабель.

— Ты не ослышалась, — усмехнулся Геронтий. — В огне и пепле. Говоришь, пряталась в черепе? От кого?

— Подождите-подождите, — вмешалась Аннабель. — Как вас, говорите, зовут?

— Геронтий, — терпеливо повторил старик. Его снисходительная улыбка начала действовать Аннабель на нервы.

— А, — протянула она и оглянулась. Поле по-прежнему казалось бескрайним, хоть и было видно вдали пушистый лес. Мысль вернуться через него и найти путь на кладбище показалась соблазнительной. — Ясно, — неуверенно добавила она после минутного раздумья.

— Ты не сможешь вернуться на кладбище через лес.

— Это ещё почему? — вспыхнула Аннабель. — Меня будут искать! Меня и так уже давно нет!

— Верно, — кивнул Геронтий. — Искать тебя точно будут, но, боюсь, не найдут.

— Вы мне угрожаете?! — Вопрос вырвался резко и громко, прежде чем она сама успела это осознать. Спокойствие дало трещину, и сквозь него прорвалась знакомая, волна гнева. Аннабель сделала шаг назад, её взгляд стал вызывающим.

— Это уж как сама решишь, — спокойно парировал Геронтий. — Пойдём. — Он протянул к ней руку.

— Я с вами никуда не пойду! Я вас не знаю!

— Тем не менее, выбора у тебя нет. К тому же, ты голодна и очень устала. — голос звучал мягко, но настойчиво, как отголосок её собственных мыслей. Геронтий внезапно положил ладонь ей на плечо. Его прикосновение было тёплым и твёрдым, а низкий, успокаивающий тембр голоса, казалось, проникал прямо в сознание, вытесняя панику. — Всё хорошо. Ты в безопасности сейчас, со мной, — сказал он, и это прозвучало не как обещание.

Её тело, измученное страхом и напряжением, откликнулось на этот тон. Мускулы расслабились, дыхание выровнялось. За секунду Аннабель стала чувствовать себя рядом с ним комфортно. — Скажи мне, от кого ты пряталась?

— Не знаю. Я не видела его лица. — Аннабель не могла понять, как смогла так быстро успокоиться. Она знала свои недостатки, и самый главный — отдаваться полностью и без остатка всепоглощающему гневу. — Вы меня что, заколдовали? Еще минуту назад я хотела убежать от вас! — Но Геронтий пропустил ее слова мимо ушей. Аннабель спокойно шла рядом с ним. Умиротворение, исходившее от старика, действовало усыпляюще. — Незнакомец меня сильно напугал. А куда мы идём?

— В Рогбан. Небольшой городок с замком в центре, если его можно так назвать. Там мы живем, а теперь и ты будешь.

— Как это понять?

— Что ты хочешь понять?

— Как я здесь оказалась? И что значит «буду здесь жить»? Я была на кладбище у отца, а потом очутилась в лесу. Жуткое место... — она начала было горячиться, но, почувствовав успокаивающее похлопывание Геронтия по руке, снова пришло спокойствие. — Я просто шла, а потом появился тот человек... — голос её дрогнул, но Геронтий мягко, почти по-отечески, вновь похлопал её по руке, Аннабель выдохнула.

— Спокойно. Дыши глубже. Сейчас тебе ничто не угрожает, — напомнил он, и волна тревоги отхлынула, позволяя ей продолжить.

— Он знал моё имя и шёл за мной. Я выбежала из леса, а потом налетела на этот череп... — дрожь пробежала по телу, напомнив о боли после удара.

— У тебя что-то болит? — насторожился Геронтий, останавливаясь. В его глазах читалась тревога, и, хоть ей и хотелось солгать, слова сами сорвались с губ:

— Я скатилась с бугра и ударились спиной об этот череп, — Аннабель сама удивилась своей честности, она четко знала, что собиралась соврать. — Но со мной всё хорошо. Вроде. — и поглядела на Геронтия с прищуром.

— Правильно, лгать мне не надо. В Рогбане отдохнёшь, и мы залечим все твои раны, — он снова погладил её по руке. В ответ Аннабель лишь улыбнулась. Внезапно ей страстно захотелось поскорее оказаться в Рогбане, лечь, поесть и отдохнуть. Ноги едва слушались. — Теперь с тобой всё будет в порядке.

— Как я здесь оказалась? Ещё вчера я была... — Воспоминание о кладбище сжало сердце болью, к которой она не успела привыкнуть. — Я была не тут, в общем-то, — Аннабель резко остановилась. Сознание пронзила резкая мысль: «Он управляет моими эмоциями!» Она убрала руку Геронтия, стремясь вырваться из-под его чарующего влияния. — Перестаньте так на меня действовать! — потребовала она, и голос её снова стал твёрдым, хотя внутри всё ещё трепетало.. — Я не какая-то игрушка, чтобы испытывать на мне свои «чары»! Помогите мне вернуться обратно. Вы же можете? — В её собственном голосе она слышала странную раздвоенность: умоляющие нотки боролись с нарастающим раздражением.

Геронтий не настаивал. Он посмотрел на её осунувшееся, бледное лицо и умоляющие глаза: - «Сейчас, в таком состоянии, разговор о невозможности возврата может только её добить.»

— Ты пролетела сквозь пространство. — начал он, уже не пытаясь напрямую влиять на её эмоции. Геронтий старался мягко увести разговор в сторону от болезненного вопроса. — Такое случается, если кто-то сильный и могущественный призвал тебя сюда, — её последний вопрос Геронтий намеренно проигнорировал. — Об остальном я могу лишь догадываться.

— Расскажите о своих догадках?

— Пойдём. Я уже не тот, что раньше, да и времени у нас не так много, а нам придётся ещё многое узнать, — он двинулся вперёд к тропе, которая вела к большому городу с замком в центре. Тот был окружён каменной стеной, местами обрушенной и не такой внушительной. — Пожалуйста, не стой на месте. — Лишь после этих слов Аннабель послушно шагнула за ним. Мысленно она пообещала себе, что постарается выбить правду из Геронтия.

Чувства тоски по дому не приходило — возвращаться было не к кому, — но и оставаться в неведении тоже не хотелось. «И как мне быть? Дурдом! Ни домой не хочется, ни здесь быть. Лучше уйти куда глаза глядят. Решено!» — Мысль показалась ей вполне логичной. Аннабель намеренно замедлила шаг, отстав от Геронтия, и бросила быстрый, оценивающий взгляд на поле. Геронтий, не оборачиваясь, как будто видел её, тихо, но очень чётко сказал:

—Одинокий путник в этих землях — это мёртвый путник. Заблудиться и погибнуть здесь можно быстрее, чем успеешь это осознать.— Он наконец остановился и повернулся к ней, его взгляд был серьёзным. —Не уходи, Аннабель. Доверься мне. Твоё желание сбежать понятно, но это — верная смерть.

— Тогда расскажите, как я здесь оказалась! Иначе никуда я с вами не пойду! Мне плевать, что со мной может случиться!

— Пустые угрозы. Я не знаю, какие силы тебя сюда принесли. Это нам и предстоит выяснить, но...

— Всё, что идёт до слова «но», не имеет значения, — перебила она.

— ...но я знаю, что ты здесь не случайно. Мы можем только гадать, кто тебя сюда привел, а, может, это была ты сама. Ты должна была появиться. Это было предназначено.

— Меня бесит, что вы говорите загадками! — в голосе Аннабель зазвучали металлические нотки. — Неужели нельзя говорить прямо?! — Геронтий вздохнул. Он видел, как дрожат её руки, и понимал, что увилить от ответов не выйдет.

— Дитя моё, — сказал он мягко, — твоя душа сейчас похожа на свежую рану. Если вывалить на неё всё разом, это причинит только боль. Я не хочу тебя пугать ещё больше. Давай начнём с малого — пойдём, поедим, ты выпьешь успокаивающий настой трав. Поговорим о твоём самочувствии, а потом ты отдохнёшь. Когда ты немного придёшь в себя, я отвечу на все твои вопросы.

— Вы можете мне хоть сказать, куда мы идём?

— Рогбан — это город. Людей здесь не так много, но постепенно они стекаются с окраин. Места в замке на всех не хватает, а кто-то просто не хочет в нём жить, и некоторые селятся за Серыми стенами, — он указал на лачуги у подножия холма. — Со временем, когда отремонтируем замок, переселим их внутрь. Там мы и живём, пашем землю, переживаем зимы. Так и проходят годы. Подобных городов семь, но они далеко. Добраться до них сложно. Наш замок, — Геронтий указал на подобие дворца в центре, — Бодромир. Когда-то в нём жили друиды и их ученики. Но многое изменилось, сейчас в нём обитает чуть больше людей, чем положено. Ты тоже будешь там. Оставаться на открытом месте для тебя небезопасно. Особенно, если кто-то специально пожелал тебя здесь видеть.

— Опасно? — встрепелась она.

— Не исключено. Пока это лишь догадки.

— Догадки, как же, — фыркнула Аннабель, понимая, что старик снова уходит от ответа. — Вы знали, что я пряталась в черепе?

— Нет, — этот ответ прозвучал уверенно и твердо, и Аннабель поверила, кивнув. — Я боялся, что с тобой что-то случилось. В каком-то смысле не ошибся.

— Чей это череп?

— Великана.

— И где они сейчас?

— Умерли.

— Как?

— Вымерли. Точнее, перебили друг друга в междоусобице. Великаны не отличались красноречием и предпочитали решать споры кулаками. Говорят, земля содрогалась, когда между ними началась война. Они потоптали множество людей, земель и городов. Нашим предкам оставалось лишь прятаться и пережидать. Благо, война длилась недолго, всего семь дней. Люди выдохнули, когда пал последний великан. А их кости до сих пор лежат в земле, напоминая о прошлом.

— И никого не осталось?

— Ну, потомки остались, конечно, только они уже не такие грозные. Чистокровные прячутся, а полукровки живут среди нас.

— Вы их видели?

— Чистокровных — нет, полукровок — да. Давно еще. Их не много осталось.

Аннабель ненадолго притихла, поглощённая этими образами, а тем временем они подошли к Рогбан. У стен стояли маленькие хижины и даже палатки, где ютились люди: женщины, мужчины, дети. Никто не обращал на Геронтия и его спутницу особого внимания, все были заняты своими делами: месили тесто, стирали бельё, присматривали за детьми.

Пока на неё не смотрели, Аннабель внимательно разглядывала каждого встречного. Её внимание привлекла женщина, стряпавшая хлеб. Та показалась ей древней старухой. Руки её были в старых, давно затянувшихся ранах, лоб изрезан морщинами, а в глазах таилась безысходная тоска. Сальные волосы выбивались из-под грязного платка. Она постоянно откидывала их со лба, но они снова лезли в глаза. Женщина вытерла испачканные руки о подол коричневого платья, которое, казалось, уже никогда не отстирается. Зрелище это опечалило Аннабель.

«Здесь время застряло в Средневековье», — подумала она с горечью, опуская голову.

С Геронтием начали здороваться намеренно не глядя на его спутницу. Её вид и одежда смущали людей. По мере их приближения к замку горожан становилось всё меньше. Стены Бодромира были старыми и обшарпанными. Глубокие трещины зияли на башнях, некоторые из которых наполовину обрушились. Кирпичи замка имели коричневый оттенок, уцелевший за долгие годы.

— Мы знали, что ты придёшь, но не знали когда. — все же начал Геронтий. — Некоторые не верили, а кто-то думал, что ты будешь мужчиной. Но так или иначе ты здесь, — Геронтий выдохнул — то ли с облегчением, то ли с досадой. — Конечно, жаль, что ты появилась не в мирное время. Сейчас ты в опасности сама и, возможно, представляешь угрозу для нас.

— Я вас не понимаю. Какая опасность? — но ответа снова не последовало. Закатив глаза и вздохнув от злости, она проследовала за Геронтием к замку. Людей здесь было меньше, чем снаружи. Некоторые были одеты в такие же балахоны, как и её спутник. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь шепотом; воздух был наполнен спокойствием, что неудобно кольнуло Аннабель. Лица встречавшихся людей были грустными.

— В лесу я встретила человека, — Аннабель непроизвольно потянулась к шее, пытаясь нащупать цепочку. Она то и дело забывала, что оставила её в земле, но привычка теревить что-то в руках осталась, потому переключилась на браслет. — Он будто бы преследовал меня. Это были вы? — Воспоминание вернуло мурашки. Но после её вопроса мурашки, похоже, побежали и по коже Геронтия. Он остановился и на мгновение в его глазах мелькнул испуг. Но уже в следующую секунду лицо вновь стало невозмутимым.

— Человек? — переспросил Геронтий. — Какой человек?

— Без понятия! — Аннабель пожала плечами. — Он шёл за мной по лесу, но лица я не видела.

— Быть может, это был Виссарион? — предположил Геронтий, почесывая бороду, но в его голосе слышалась неуверенность. — Он не любит чужаков, может нагнать страху...

— Я не виновата, что я здесь чужая! — вспыхнула Аннабель. — И кто этот ваш Виссарион?

— Хозяин леса.

— Леший что ли? Но он не был похож на лешего...

— Никогда не называй его так! — рявкнул на нее Геронтий, и вновь стал самим собой.

— Ну, то есть на хозяина леса. Тот целенаправленно шёл за мной. Преследовал. Лицо Геронтия резко помрачнело, все его сомнения будто улетучились.

— Тогда это не Виссарион. Его методы... иные. Целенаправленная охота в его владениях — это почерк Вольмира. Если это он, то у нас времени ещё меньше. Надо бы поторопиться.

— Вольмир? — переспросила Аннабель, чувствуя, как холодный комок страха снова подкатывает к горлу. — Ну и кто он?

Геронтий окинул её встревоженным взглядом.

— Это долгий и тёмный разговор, для которого нужно больше сил, чем у тебя сейчас, — уклонился он. — Поговорим об этом позже, а пока тебе нужен отдых. Ты едва держишься на ногах. У всего есть уши, надо найти более укромное место.

— Как скажете, — в который раз Аннабель убедилась, что ответов не дожждётся. Всё происходящее поражало и злило. Злость была её единственной защитой от нарастающей паники. Мысли о том, где она и что происходит, заставляли предательски сжиматься горло, и, чтобы отвлечься, Аннабель внимательно смотрела по сторонам.

Взгляд её упал на башню без крыши, с которой что-то слепило глаза, давая яркий блик. «Солнечный маяк», — предположила она. На самых высоких башнях птицы вили гнёзда.

«Печально...» — мелькнуло в голове, когда Аннабель окинула взглядом стены и башни. Всё это представляло собой одновременно величественное и жалкое зрелище. Замок был древним, поросшим мхом и плющом, с трещинами в камнях и дырами в стенах. Аннабель не сомневалась в том, что такие стены могут держаться только благодаря волшебству.

В самом центре двора, окружённое невысоким заборчиком, росло дерево. Его ствол был так толст, что понадобилось бы двое человек, чтобы обхватить его. Дереву было несколько сотен лет. Крона уходила высоко в небо, листья так плотно росли, что скрывали ветви. Они были неестественно зелёными и исходили лёгким золотистым сиянием.

— Напомните, что это за замок?

— Бодромир. Когда-то здесь жили только друиды и их ученики. По крайней мере, так было раньше. Сейчас здесь обитает чуть больше людей, чем положено. Теперь это больше походит на обветшалое убежище, чем на обитель мудрецов, — остановился Геронтий. — Раньше здесь кипела жизнь, люди приходили за помощью, мы учили детей. Сейчас это никому не нужно, да и времени нет, — он вздохнул. — Все напуганы. Никому нет дела до сместившейся луны или упавших звёзд. Каждый думает лишь о спасении своей жизни. Мы готовили себе смену, но теперь нас осталось лишь семеро. Замок почти опустел.

— И он нужен для этого? Обучать и наблюдать за звёздами?

— Мы здесь для того, чтобы охранять людей от зла, поддерживать баланс природы, истолковывать знамения...

— Понятно, — пробормотала Аннабель, задирая голову к небу. Листья на древнем дереве шелестели, словно перешёптываясь.

— Что ещё хочешь знать?

— Я уже и не знаю, что спрашивать! Вы еще ни на один мой вопрос не ответили нормально! — выдохнула она с отчаянием.

— Я постараюсь ответить, — заверил её Геронтий.

— Зачем я здесь? И как я сюда попала? Ещё вчера я была... — Аннабель запнулась, — на кладбище, а потом уже бежала по лесу. Если это сон, я хочу проснуться!

— Это не сон, — медленно начал Геронтий. — Ты должна была сюда попасть, но мы не знали, когда и почему. Мы даже надеялись, что пророчество окажется ложным. Но вчера с неба упала звезда. По крайней мере, мы решили, что это была звезда. Была яркая вспышка, и тогда мы всё поняли.

— Да это же бред! — воскликнула Аннабель, отказываясь верить услышанному.

— Может, ты хочешь знать что-то ещё?

— Вы так спрашиваете, будто ваш предыдущий ответ был хоть сколько-нибудь адекватным! — увидев его выжидающий взгляд, она сдалась. — Ладно! Кто такой Вольмир? Если это был он, то он напугал меня до полусмерти!

— У него много имён. Маг, жрец, охотник... но всё это сводится к одному — чернокнижник.

— И что он делает?

— То же, что и все злодеи. Стремится захватить как можно больше сил, земель, власти...

— Власти? Сил? — Терпение Аннабель, которое она с таким трудом собирала по крупицам, было растоптано. — Что за чушь вы несёте? — вспыхнула она. — Какой-то тип гоняется за мной по лесу, я ночую в черепе, иду по жуткому полю в такую жару, хотя вообще-то на улице осень! — Аннабель еще не до конца понимала, что ее мир остался далеко позади, — А теперь прихожу в замок и слушаю ересь! — На этот раз Геронтий не стал перебивать её. Он дал ей выплеснуть гнев, видя, что это для неё единственный способ сбросить накопившееся напряжение.

—И на простой вопрос «как я сюда попала», который я задала раз пять, ответить не можете! — Словно разрывая невидимые путы, Аннабель взмахнула руками, сгорбилась, скрестила руки на груди и ушла в первые же ворота.

Геронтий не стал её останавливать. Она была права, он говорил загадками. Но иного выхода у него не было. Слишком много правды за один раз могло сломать кого угодно.

Глава IX: незваная гостья

Аннабель вышла через кирпичную арку в коридор, который разветвлялся в разные стороны. Солнечные лучи, проникая через высокие окна с уцелевшими витражами, освещали каменные стены, но в самом коридоре было прохладно. Повсюду лежала пыль, в углах висела обширная паутина, а факелы в канделябрах давно не зажигали. Этот коридор показался Аннабель самой заброшенной частью замка.

Дойдя до развилки, Аннабель выбрала левый проход. Коридор был таким же безлюдным, но с горящими факелами, однако без окон. На полу был слой грязи, на нем Аннабель оставляла следы от обуви, в углах все также висела толстая непроглядная паутина. Здесь воздух был сухим и прогретым - этим коридором часто пользовались друиды.

Коридор упирался в лестницу, уходящую вверх и вниз. Не раздумывая, она спустилась вниз. Винтовая лестница была крутой, Аннабель почувствовала свежий воздух, пахнущий речной водой и травами внизу. Дышать стало чуточку легче.

Пройдя с несколько ступеней, Аннабель обнаружила, что часть стены обрушена, открывая вид на далекий утёс и извилистую речку внизу. Плотнее прижавшись к прохладной каменной кладке, она осторожно спустилась до конца, спрыгнув с предпоследней ступени, и ступила на гальку с песком. Влажный воздух освежающе обдувал лицо. Старые порезы немного саднили от порывов ветра, но ощущать свежесть на коже было куда приятнее, чем вспоминать о боли. Она облизнула пересохшие губы и пошла вперед с трудом переставляя ноги по зыбкому песку. Вскоре под ногами появилась каменная тропинка, выведшая её к ротонде, скрывавшейся за плакучими ивами.

Круглое сооружение с арочными проёмами и каменными скамьями внутри казалось тихим убежищем. От него в разные стороны разбегались узкие тропки.

Аннабель села на одну из лавок и провела по холодному камню рукой. Она бесцельно водила по нему ладонью, чувствуя себя совершенно потерянной. Она так и не уловила смысл своего пребывания здесь, но чем чаще Аннабель об этом думала, тем сильнее болела голова. Боль была неприятной, пульсирующей, от виска до виска. И Аннабель казалось, единственное, что может ее унять, это сдавить сильно голову руками.

Единственным успокоением болей было журчание воды. Где-то рядом бежал ручей, преодолевая камни и корни, и его звонкая песня разносилась ветром, который трепал её белые волосы. Пряди спутались, сваялись в мелкие узелки, а где-то даже застряли травинки. Попытки их пригладить не увенчались успехом, и с досадой Аннабель распустила волосы и стала расчёсывать их пальцами. Когда волосы наконец поддались, Аннабель разделила их на три пряди и заплела грубую тугую косу, а непослушную челку простежки заправила за уши.

За её спиной раздался голос. Она не слышала шагов, поэтому вздрогнула, услышав приглушённое: «Добрый день!» К Аннабель подошёл парень лет шестнадцати-семнадцати. Его белая кожа, покрытая пятнышками-родинками, напоминала шкуру леопарда. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по ней, что не ушло от внимания Аннабель.

—Авдий считает, что тебе нужно поесть, — произнёс он низким, глуховатым баритоном. Рукава его простой рубахи были закатаны до локтей, а сам он стоял по стойке «смирно». — Пойдём, я тебя провожу. — Его лицо оставалось невозмутимым. — У меня ещё дел много. Давай быстрее! Мне некогда тут с тобой носиться! — время от времени парень злобно зыркал в сторону Аннабель.

—Ты почему так со мной разговариваешь? — удивилась Аннабель, но в ответ ничего не услышала. После минутного молчания Аннабель закатила глаза и побрела за своим новым спутником.

Они поднялись по соседней лестнице, уцелевшей вопреки времени. Путь, которым вёл её спутник, оказался долгим и петляющим. Коридоры были такими же, как и предыдущие: факелы кое-где горели, кое-где нет, в некоторых окнах зияли дыры, а иные были целы и сверкали своими витражами. Чем дальше вглубь замка, тем стены становились темнее от сажи. Спустя несколько минут они прошли под кирпичной аркой в просторный зал. С потолка свисала люстра со свечами, а вдоль стен пылали факелы, пачкая их гарью.

В дальнем конце зала стоял массивный стол, за которым сидело несколько человек. Среди них Аннабель узнала Геронтия, остальные незнакомые люди были чем-то на него похожи, но все же знаки отличия у них были, которые Аннабель примечала по мере приближения.

Парень-«леопард» молча занял своё место, а Аннабель осталась стоять в нерешительно-сти. Её не приглашали садиться. Семеро мужчин в балахонах поднялись, переплели пальцы на груди и устремили на неё тяжёлые взгляды. Все глаза, как один, были измучены и очень мудры. От тяжелого напористого взгляда семерых Аннабель опустила глаза.

—Рады видеть тебя среди нас, Аннабель, — произнёс крайний слева мужчина с седой козлиной бородкой. — Мы долго ждали твоего прибытия. — Остальные в знак согласия кивнули. — Геронтий уже поведал нам о твоём путешествии, так что не станем утруждать распросами. Присоединяйся к ужину, а после Август, — он кивнул на парня-«леопарда», — проводит тебя в комнату, где ты сможешь поспать и собраться с силами.

Когда все вновь уселись, Аннабель заняла единственное свободное место — справа от Геронтия. Перед ней стояли пустые глиняные тарелка и кружка.

—Выбирай, что по душе, и накладывай, — тихо сказал Геронтий. — И вот выпей этот настой, он поможет унять боль после долгого путешествия. — Аннабель заглянула в стакан с бурой жидкостью и без зазрения выпила содержимое залпом. Снадобье было безвкусным, она посмотрела на поблескивающие доннышко, пожалала плечами и со звоном поставила стакан на стол. Вздрогнув, она посмотрела на друидов - никто не шелохнулся от внезапного шума, потому она быстро забыла и про снадобье и про наведенный шум.

Аннабель большой деревянной ложкой положила в тарелку варёную картофелину обильно усыпанную зеленью, квашеной капусты из миски и кусок рыбы, пахнувший дымом. Оглядев присутствующих, она заметила, что все едят руками. С лёгкой ухмылкой Аннабель откусила от картофелины, как от яблока. Простые сытные яства на время отвлекли от давящей тяжести ее пребывания в Рогбан.

—Возьми хлебушка, сегодняшний, — с участием протянул ей Геронтий ломтик. — И яичко. Придаст сил. — Его забота была тем самым теплом, которое ей сейчас было необходимо. — Подействовал - то отвар? Стало легче?

—Спасибо, я пока не поняла. Думаю, от ваших заботливых рук у меня точно все пройдет. — Аннабель хотелось ответить добром на участие Геронтия, и в ответ на свои слова получила добрую искреннюю улыбку. - Спасибо большое, - кивнула она и откусила кусочек хлеба. Он был свежим, мягким, и от него ещё шёл лёгкий пар. Аннабель понюхала мякушку, и рот наполнился слюной.

Все ели молча, уткнувшись в тарелки, что позволило Аннабель разглядеть присутствующих: семерых мужчин в балахонах и Августа в обычной одежде - простые штаны да рубашка. «Интересно, почему он здесь? — промелькнуло у неё. — Видимо, семеро стариков здесь главные, но кто тогда этот парень?»

— Аннабель, — окликнул её один из семерых, чьё имя она ещё не знала. Его голос, звонкий и молодой, что никак не подходило его лицу, испещрённому морщинами. — Не хочешь ли о чём-нибудь спросить?

— Почему Август одет не как вы? — выпалила она. Август резко выпрямился. По его пятнистой коже пробежала краска. В его глазах вспыхнуло то самое презрение, которое Аннабель уже видела у ротонды.

—Я ученик, — прорычал он с неприязнью взглянув на Аннабель, — Я годы потратил на это. - Наступила недолгая, но тягостная пауза.

—Простите, — промямлила она, смущённо уткнувшись в тарелку.

—Август не носит наши одеяния в силу своего возраста, — мягко, но твёрдо вмешался Геронтий, бросив успокаивающий взгляд на юношу. — И пока не имеет права полностью присоединиться к нам. Но скоро и он предстанет в таком же облачении.

—То есть?

—Он — наш будущий преемник, — громко произнёс Геронтий, давая понять, что вопрос закрыт. Остальные кивнули.

—Понятно. Буду знать, — Аннабель откусила ещё хлеба и запила его молоком из поданной Геронтием кружки. Напиток был тёплым, с медовым привкусом. Дома она молоко не любила, но здесь оно показалось невероятно вкусным и сытным.

На мгновение в зале воцарилась тишина, более красноречивая, чем любые слова. Семеро друидов вновь переглянулись, и в их усталых глазах мелькнуло нечто общее — глубокая, старая скорбь, как будто они получили подтверждение давним худшим подозрениям.

—Что ж, обсудим всё завтра, — заключил Бажен.

Глава X: совет семерых

После полуночи в одной из самых высоких и просторных башен состоялось собрание. Лунный свет едва пробивался сквозь высокие окна, слабо освещая края массивного стола, за которым пустовали несколько стульев. В напольных канделябрах догорали свечи, отбрасывая на стены легкие тени, но их света не хватало, чтобы разогнать мрак, сгущавшийся в углах.

На массивных тумбах у стен груды лежали свитки — серые, пыльные, с осыпавшимися краями. Многие годы их не разворачивали. В этих древних летописях хранились пророчества, среди которых было предсказание о падшей звезде и о приходе тьмы.

Когда семь стульев наконец заняли, совет начался.

— Худшее, о чём мы ведали, уже здесь, — голос старейшего, Анания, прозвучал глухо, нарушая тишину. — На днях к нам прилетел сокол с восточных рубежей. — Он извлёк из-за пузыхи свиток, исписанный убористым почерком. — В нём говорится: где ступал Вольмир, жизнь угасает. Растения гниют на корню, животные гибнут от голода. Люди в панике бегут под защиту наших стен. Многие погибают, а иные... исчезают.

— Как исчезают? — переспросил один из друидов.

— Бесследно, — Ананий сжал свиток в костлявых пальцах. — В письме сказано, что людьми овладевает нечто. Кожа их становится землисто-серой, взгляд — пустым, без жизни. Они больше не похожи на людей. Милвар, старейшина крепости Утгард, полагает, что причина в отравленной воде или массовом помутнении рассудка.

— Истинной причины не нашли?

— Нет, — покачал головой Ананий. — Лес почернел, зелень не всходит, всё затянуто паутиной и окутано туманом.

— Туман? — кто-то недоверчиво переспросил.

— Непроглядный, — подтвердил Ананий. — Люди забивают щели мокрыми тряпками и боятся выходить на улицу. А паутина... Ею покрыта добрая половина лесов. Спускается с вершин до самой земли, плотная. Откуда она взялась — неясно. Но пауков никто не видел.

— Насколько много паутины?

— Многие леса покрыты ею наполовину. Она стелется от верхушек деревьев до земли, плотная, как одеяло. Пауки, похоже, не меньше метра-полтора.

— О таком я впервые слышу. Может, это отголоски великанов с тех земель?

— В письме ничего о них нет. В прошлый раз из-за Вольмира из тьмы выползали существа, которых мы считали мифом. Почему теперь только паутина?

— Но разве это не напоминает вам “Паутину Скверны” из легенд о Падших Великанах? Говорили, их колдуны могли призывать тени из иных миров.

— Великаны давно сгинули вместе со своими колдунами! - внезапно ударил по столу друид, - мы говорим про Вольмира! Видимо его методы изменились, — медленно проговорил Варлаам, прежде чем Ананий успел ответить. Все взгляды обратились к нему. — Или же сила его ещё не восстановлена до конца. В прошлый раз твари были его армией, молотом, что крушил города. А туман и паутина... — старик сурово сжал губы. — Это удушающее покрывало. Они не ломают стены, они вытягивают саму жизнь из земли. Сначала он лишает мир сил, сеет панику и безумие. И лишь когда защитники ослаблены, являет свою истинную мощь. Не сомневайтесь, твари придут. Если мы дадим ему время. Напомнить, как всё начиналось в прошлый раз? Сначала земля теряла силы, потом из тьмы выползали твари, которых мы считали мифом. Солнце скрылось за туманом, воздух пропитался смрадом. Дети пропадали в чаще, а магия, которую мы оберегали, таяла на глазах. Люди сходили с ума — кто от страха, кто без видимой причины. — Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание слушателей. Немногие в этой комнате помнили те времена. — Вы были слишком юны или предпочитаете

не вспоминать. А я видел. Видел, как наш предводитель вёл нас на первую битву с Вольмиром. Мы шли по земле, утопая в крови павших. Он шёл вперёд, и кровь стекала по его рукам, но он не останавливался, ослеплённый своей целью.

— Но как Вольмир выжил? — раздался вопрос.

— Помню смутно. Всё случилось в мгновение ока. Он вобрал в себя благодать всех ангелов, что были с нами. Помню ангел— лица я его не видел— попытался поразить его, но Вольмир оказался сильнее. — Варлаам замолчал, прислушиваясь к завыванию ветра за ставнями. — Сила ангелов не должна была задержаться в смертном надолго. Она должна была рассеяться. Я уверен, он черпает силу извне. И я молюсь, чтобы мои догадки не подтвердились. Но вопрос остаётся: куда он пропал тогда и что случилось с ангелом? Мы не слышали о нём, и вот... всё началось вновь. Знали ли мы? Да! Были ли готовы? Нет.

— Вы считаете, он мог все эти годы держать кого-то в живых? — спросил Товий, самый молодой из друидов, до сих пор хранивший молчание.

— И да, и нет, — уклончиво ответил Варлаам.

— Так что же нам делать? — в голосе Товия звучала отчаяние.

— Укреплять стены. Собирать уцелевших. Предупредить всех, кого ещё можем, — перечислил Варлаам, его взгляд был тяжёлым. — Но каменные стены не остановит того, что идёт. Мы всю ночь говорим о симптомах болезни — о тумане, паутине, безумии. Но мы упускаем корень. Пророчества, пылящиеся на тех полках, говорили не только о падшей звезде, но и о пробуждении Тьмы. Аннабель — не случайная гостья. Она часть этого древнего замысла, хоть и не ведаёт о том. — Он сделал паузу, дав этим словам проникнуть в сознание каждого. — Если мы готовимся к войне, то и она должна готовиться к своей роли. Девочке нужно рассказать правду.

— Ольгерд, — заключил Ананий. — Мы доверяем это тебе.

Глава XI: правда

Аннабель провела всю ночь, ворочаясь на жесткой кровати, собранной из подручных материалов. Доски, уложенные на брусья, служили основой, а набитый гусиным пухом одеяло — тонким матрасом. Подушки, пахнущие сырыми перьями, постоянно впивались колючими кончиками в щеку и мешали уснуть.

Стоило ей найти хоть немного удобную позу, как сон сразу накатывал, но покоя не приносил. Ей снилось, будто она мчится сквозь лес, объятый ярким пламенем. Огонь не щадил ее кожу, причиняя жгучую боль даже во сне. Аннабель бежала все глубже в чащу, сердце переполняло страх, но она не знала, от кого бежит и куда. Затем пожар сменился плотным туманом, и раздался мелодичный мужской голос, звавший её. Он звучал как песня до тех пор, пока в очередной раз не произнес имя Аннабель грубо и властно. Аннабель проснулась.

Солнечные лучи, пробиваясь через открытое окно, слепили ее. Под окном слышались стук молотка и голоса рабочих — мужчины чинили стены замка. Аннабель лежала на спине, все тело затекло и ныло после ночи на жестком матрасе.

— Меня будто избили, — пробормотала она, пытаясь размять затекшие мышцы. Размяв голени, колени и бедра, Аннабель вздохнула и потеряла лоб. Спина неприятно заныла, когда она спустила ноги на пол. Потратив пару минут на попытки ее размять не увенчались успехом, — Мда, видно она еще долго будет болеть, — Аннабель потеряла ребра и почесала затылок, на котором со вчерашнего вечера образовалась шишка.

— Надо же, — Дрожащими пальцами Аннабель коснулась ее, сморщилась и решила больше не трогать. — я даже не почувствовала ее вчера.

Она опустилась на рядом стоящий стул и оглядела свою новую комнату: голые каменные стены, старый заброшенный камин, простой шкаф в углу. Пространства было немного, но в этих четырех стенах она чувствовала себя в относительной безопасности и полном уединении.

На столе лежал скудный завтрак: кусок хлеба, кувшин с водой, пара кусочков козьего сыра и зеленое яблоко. Аннабель умылась, поливая руки из кувшина, и прополоскала рот. Сделав бутерброд из сыра и хлеба, она подошла к окну.

На улице кипела работа. Мужчины достраивали сарай, заделывали пробоины в стенах и устанавливали новые железные ставни. Солнце играло на их вспотевших спинах. Аннабель перевела взгляд на троих друидов, столпившихся у древнего дерева в центре двора. Они о чем-то оживленно спорили, указывая вверх. Она наблюдала за ними минут десять, пока это не наскучило.

Кроссовки, грязные и поцарапанные, но еще целые, она нашла в углу комнаты. Толстовка тоже была в пятнах, но другой одежды не было. Несмотря на теплый день, Аннабель натянула ее — нельзя было разбрасываться последним своим добром. Высунув нос из комнаты и убедившись, что в коридоре пусто, она вышла и направилась к лестнице, ведущей во двор.

На улице было еще многолюднее, чем казалось сверху. Во двор въезжали повозки с беженцами и припасами. Один мужчина, спрыгивая с телеги, бережно держал на руках бляющую козу. Людей было много, поэтому никто не обращал на Аннабель внимания. Она подошла к дереву, чья крона уходила в небо, но друидов возле него уже не было. Крупные листья дерева излучали лёгкое сияние. Она им залюбовалась, потому не сразу услышала приближающиеся шаги.

— Добрый день, Аннабель, — произнес Август. Он держал руки, как старшие друиды — у груди. И его осанка выдавала нескрываемую гордость. — Это наше священное дерево — Друидаль. Как тебе спалось на новом месте? — Нарочито вежливо поинтересовался Август.

— Неплохо, — сдержанно ответила Аннабель, стараясь не подавать вида, что его чванливый вид её раздражает. — Откуда столько людей?

—Отовсюду. Ищут укрытия за нашими стенами и помогают с укреплениями. Здесь безопаснее, чем у опушки леса или близ рек.

—И много вас уже собралось? — вспомнила Аннабель о лачугах у подножия замка.

—Несколько сотен. Мы перестали считать после третьей сотни, — ответил Август, лениво окидывая взглядом двор.

—Всем хватит места?

—Есть погреба, туннели, много заброшенных покоев. В случае осады как-нибудь укроемся.

—Осады? — Аннабель ошарашенно посмотрела на него, но он сделал вид, что не заметил её испуга.

—Тебя ждет Ольгерд, один из друидов — сказал он, указывая в сторону одного из переходов. — Я провожу. — Он сдвинулся с места, и Аннабель пришлось последовать за ним.

—Ты говорил, что ты ученик друидов. В чем заключается учение?

—Одна из моих обязанностей — кормить пришедших, находить им кров и следить, чтобы не замерзли и не умерли от голода. Я учусь нести ответственность.

—И что, хорошо получается? — слова сорвались с её губ прежде, чем она успела их обдумать. Август лишь коротко хмыкнул, не удостоив её взглядом. Он шёл, гордо вскинув подбородок, и Аннабель поняла, что его раздражающее самодовольство — неотъемлемая часть его натуры. Он завел руки за спину и скрестил их. Шагал он широко, явно делая сильный нажим на пятку, что был слышен удар его ноги по камню. У Аннабель было еще пару вопросов, но посмотрев в затылок Августу, она закатила глаза и оставила их при себе.

Все, кого они встречали, приветливо здоровались с Августом, Аннабель же старались не замечать, а некоторые бросали на её спортивный костюм короткие, неодобрительные взгляды. Все были в обычных тряпичных брюках на тесемках и такой же рубашке, мало на ком можно было увидеть кожаную безрукавку или кольчугу. Аннабель же была в обычном трикотажном спортивном костюме. Вскоре в коридорах стало пустынное, и она, сняв с себя душную толстовку, повязала её на пояс.

— Какой сейчас месяц? — спросила она, пересобирая волосы в тугий пучок, стараясь не задеть шишку. Волосы липли к шее, а футболка на спине стала влажной от пота.

—Середина июня, — сухо ответил Август, не оборачиваясь.

Аннабель удивилась — в её мире стояла ранняя осень. «Интересно, год здесь такой же длины?» — мелькнуло у неё в голове. — «Хорошо, что я не они» — промелькнуло у Аннабель, когда заметила, как сильно отличается её внешность от женщин замка. Они были грязными, кожа сильно загорелой, лицо изрыто морщинами, а глаза усталыми.

—Мы тебе не нравимся, и никто в этом не виноват, но постарайся хоть немного скрывать свое отвращение, — резко сказал Август, заметив, как она разглядывает людей, выходящих из соседнего коридора с котлом и мешками. — Люди это видят.

—У меня нет отвращения, — возразила Аннабель, переводя на него взгляд. — Меня просто устраивает, что я отличаюсь от вас.

Он ничего не ответил, лишь пропустил её вперед под низкую арку. Та открывала вход в сад, в то, что от него осталось. Указав на полуразрушенную беседку, Август ушёл. Земля была усыпана прошлогодними листьями, сквозь которые пробивалась зеленая трава. Рядом с беседкой росла молодая, но уже пышная ива. Из-за её ветвей вышел человек в балахоне. Аннабель не была с ним знакома, но припоминала его лицо за общим столом. Он был таким же старым, как и остальные друиды, но выглядел иначе: лицо гладко выбрито, морщины залегли лишь на лбу и у переносицы, а носогубные складки придавали ему детское выражение лица.

— Здравствуй, дитя мое — Аннабель невольно нахмурилась. Ей всегда было неприятно такое обращение от старших. — Меня зовут Ольгерд. Я один из семи друидов этого места. Присаживайся. — Ольгерд подошел к одной из каменных лавок у заросшего ромашками пали-

садника. Аннабель села на противоположный конец скамьи. Ольгерд был спокоен и доброжелателен, она же — напряжена и готова к обороне. Аннабель не смотрела на него, но чувствовала на себе его изучающий взгляд. — Я понимаю, что тебя здесь всё пугает и отталкивает. Но нам ты можешь доверять. Я здесь для того, чтобы объяснить тебе все, — он глубоко вдохнул и замолчал, собираясь с мыслями. Спустя несколько минут он продолжил. — Ты уже слышала, что твой приход не был для нас неожиданностью. В наших древних хрониках было предсказание о белом воине, что явится, дабы противостоять надвигающемуся злу. Но сказано это было так давно, и так часто пересказывалось, что истинный смысл был утерян, превратившись в полузабытую легенду.

—То есть, вы хотите сказать, что было пророчество... обо мне? — уточнила Аннабель, наконец посмотрев ему в глаза. Они были тёмно-карими, почти чёрными.

—Назвать это пророчеством было бы слишком громко. Скорее, предвидением, озарением. Оно было явлено в мирные времена, когда никто не придавал ему значения. Люди жили, растили детей. В наших летописях, тех самых, что пахнут пылью, с высохшими чернилами, хранилось предсказание. Друид Лугайд сказал, что, когда тени начнут поглощать свет, явится воин с волосами цвета пепла и глазами, словно небо. Рождённая меж мирами, она принесет с собой и гибель, и спасение. Но сказано это было очень давно... Даже в нас, друидах, уже мало кто нуждался, и наши ряды редели. Мы становились отшельниками. Лишь иногда находились те, кто желал перенять наши знания. Чаще это были сироты, которых мы подбирали на улицах. Лугайд был стар, слеп и глух, праздновал свой двухсотый день рождения, а вскоре после своих слов умер. Многие сочли это предсмертным бредом и быстро забыли. В летописи это было внесено лишь как любопытный факт его жизни.

—А вы? Вы тогда уже были друидом?

—О, нет, — покачал головой Ольгерд. — Я застал летописи, помнившие те дни. Вскоре после кончины Лугайда, много друидов сменилось, а потом пришло и мое время. К нам в подмастерья взяли мальчика-сироту. Я к тому времени сам лишь недавно стал полноправным друидом. Мальчик был невероятно талантлив и обладал редким качествами — пытливость и жадность до знаний. Да, — Ольгерд кивнул, погружаясь в воспоминания. — Он был жадным. В нем было божье благословение: он был красив, умен, талантлив и на редкость добр. Его любили все: и мы, и простой народ. Он схватывал всё на лету, и ему всегда было мало. Совет не мог нарадоваться на него. Тогда нас было больше семи. Традиционно основных друидов семеро, которые могут входить в совет, но правило это не строгое. Нас было тринадцать на тот момент.

— Не самое счастливое число, — заметила Аннабель.

—Отчего же? — удивился Ольгерд.

—Я читала, что в скандинавских мифах за столом сидело двенадцать богов, но потом явился тринадцатый — Локи, бог хаоса. Его не звали, и это его оскорбило. Он убил одного из богов, что положило начало цепи смертей.

—Вот как... — Ольгерд был искренне поражен. — Возможно, ты и права. Ибо вскоре наши друиды тоже стали умирать. — Он замолчал, и на этот раз молчание затянулось. Аннабель осторожно коснулась его руки. Она показалась Аннабель ледяной. — Мы все тогда думали, что Вольмир — так звали того мальчика — возглавит совет и станет путеводной звездой для этого мира. Мы открыли ему доступ ко всем знаниям, но ему было мало. Никого это не настораживало, друид должен впитывать всю мудрость мира. Последняя же ступень обучения — самая важная и сокровенная.

—Почему?

—Именно тогда избранный проходит божественную силу. Не многие подмастерья доходят до нее, потому что не справляются с некоторыми стадиями обучения. У кого-то не хватает здоровья, кому-то не достает ума, а кто-то просто не достоин.

—А Август что проходит?- Аннабель стало очень интересно из-за чего Август испытывает такую гордость.

—Август сейчас на второй стадии и учится нести ответственность за людей — кормить, обустроить их быт, давать им все необходимое, включая внимание.

—Да, он говорил.

—Еще друиды должны уметь исцелять. Это следующая ступень. И пусть путь Августа кажется тебе медленным, но мы, наученные горьким опытом, теперь понимаем: именно так и должен воспитываться друид. Без спешки, с осознанием каждой ступени.

— А как происходит исцеление? — спросила Аннабель.

— Увы, это знание доступно лишь посвящённым, — мягко, но твёрдо ответил Ольгерд. — Но не в нём была коренная ошибка нашего обучения. — Он тяжело вздохнул. — Мы открыли Вольмиру доступ к тайным архивам, где хранились книги о высшей магии. Большинство из них было посвящено ангелам. Такие книги могли читать только те, кто действительно достоин. И как нам показалось, Вольмир был достоин.

-И он был достоин?

—Нет,— Ольгерд покачал головой,— но тогда мы этого не знали. Мы были ослеплены его потенциалом. Летописи гласили, что ангелы являлись в наш мир лишь раз, полвека назад, во времена Великого землетрясения. Тогда один из них явился друиду Лугайду, открыв ему некоторые тайны. Тот записал их, но потом умер от болезни, которую ангелы исцелять не стали. И вот, когда Вольмир погрузился в изучение этих манускриптов, случилось невероятное — к нам явился ангел.

— Может, Вольмир воззвал к ним?

— Возможно, — задумчиво произнёс друид. — Честно говоря, мы никогда об этом не думали. Тот юноша был неземной красоты по имени Рафаэль. Светловолосый, крылатый, с доброй душой. Он сказал, что странствует по мирам и случайно забрёл в наш. И остался. Подружился с Вольмиром. Пойдём, я покажу тебе.—Ольгерд поднялся и повёл Аннабель из сада в коридор, к стене, покрытой фресками. На первой фреске были изображены двое юношей, освещённые солнцем на фоне буйной зелени. — Как видишь, они были неразлучны, — продолжил Ольгерд. — Мы поощряли эту дружбу, веря, что союз двух великих умов принесёт благо. Но Вольмиром двигала не только любознательность. Рафаэль обладал силой от природы, а Вольмир... был лишь одарённым человеком. Его съедала жажда могущества, равного ангельскому. Правда тогда мы даже не догадывались об этом. Их дружба длилась три года.

— Три года? — удивилась Аннабель. По предыдущему рассказу ей казалось, что прошло не больше двух-трех месяцев.

— Ровно три. И тогда Рафаэль ушёл. Не попрощавшись. Он становился похожим на человека, терял свою сущность. Сказал об этом лишь нам, не решившись ранить Вольмира. Рафаэлю было трудно уходить, этот мир подарил ему не только друга, но и брата в лице Вольмира, однако Вольмир воспринял уход как предательство.—Ольгерд показал на следующее изображение: Вольмир в библиотеке, окружённый свитками, с горящим взглядом.— Сначала он искал Рафаэля, а потом погрузился в книги с болезненной одержимостью. Он отказывался от еды и питья, порядком исхудал, стал похож на тень себя прошлого. Он кричал на нас, говорил, что мы не понимаем чего-то, — внизу фрески было маленькое изображение, где Вольмир кричал на трех друидов. Его лицо было обезумевшим, волосы встрепанными, кожа стала иметь синеватый оттенок — нездоровый, под глазами залегли фиолетовые мешки.- Требовал самые древние, запретные гримуары. Когда мы отказывали, в его глазах загорался тот самый огонь. Кто-то в гневе назвал его Чернокнижником, и клеймо прилипло к нему навсегда.

— И вы позволили ему продолжать учиться?—удивилась Аннабель.

— Никто не позволял. —Ольгерд горько усмехнулся.-Он сам взял, мы просто смотрели. Все пытались постичь знания о магии, но не всем это удалось. Ведь изучать магию могли только

сильные духом. Поначалу мы думали, что Вольмир убит горем, но потом стали замечать его безумие. И только тогда мы все же решили собрать совет старейшин, чтобы поговорить о поведении нашего подопечного. Разговор был недолгим, никому не нравилось, как он начал с нами разговаривать, да и тайны темной магии нам были чужды. Друиды считаются белыми магами. Тогда мы пригласили Вольмира к нам, высказали свое недовольство, если кратко. И пригрозили прекратить его обучение сию же минуту, если он не перестанет безумствовать. Но он согласился с нами, извинился и стал прежним. У нас отлегло от сердца. Долго он не заходил в библиотеку, помогал нам и простым людям. Был приветлив и общителен, словно и не было тех годов, которые он провел в науке. Но однажды ушел он в лес. Нам сказал, что хотел побыть наедине с природой и набраться ее мудрости. Помню я тогда его похвалил,— Ольгерд улыбнулся, но отрицательно качал головой,— так он делал целый год. То в лес уйдет, то на речку или в чистое поле. Конечно, он стал чуть замкнутым, но это был его единственный порок на тот момент. Когда пришло время становится друидом, в круг семи он не вошел. Стало нас четырнадцать. Некоторые на голосовании были против него, но он все же стал одним из нас. Все забыли про тяжелые времена Вольмира, только между собой шепотом все еще называли его «чернокнижником». Прошел еще один год, Вольмир помудрел и повзрослел. Помогал людям и оттачивал свое мастерство, и также продолжал уходить в леса и поля.

— А потом вернулся Рафаэль?

— Да. Мы ждали радостной встречи, но Вольмир смотрел на него взглядом, полным холодного расчета. Вскоре Вольмир исчез. А мы нашли Рафаэля в лесу. Его тело ещё светилось, но жизнь давно ушла. Мы не знали, что Вольмир нашёл способ убивать ангелов. Возможно, Рафаэль по доверчивости сам открыл ему эту тайну.—Ольгерд смахнул слезу.— Мы похоронили Рафаэля в саду. И наш вечно мёртвый сад зацвёл впервые. Смерть, породившая жизнь... Розы с шипами стали расти у гробницы. До этого долгие годы сад был бесплоден. Сейчас он живет на силе Рафаэля и дает нам некоторые растения для снадобий. А потом пришли другие ангелы. -на следующей фреске трое человек с крыльями заходили в ворота замка. — шли тихо и были немногословными. Они попросили тело Рафаэля, но мы показали гробницу, и было решено оставить все как есть. Двое из ангелов —Всинес и Арстел— расспрашивали про убийцу. Про Вольмира, но мы никогда не говорили, что это именно он его убил. Мы не хотели в это верить, хоть это и было очевидно. Никто не хотел оставлять смерть Рафаэля безнаказанной, но и не хотели причинять вред Вольмиру. Мы его вырастили и считали своим сыном.

— И вы им солгали? — тихо спросила Аннабель.

— Мы не выдали Вольмира. Не потому, что верили в его невиновность, а потому, что знали: признание станет для них смертным приговором. Он уже убил одного. Что он сделал бы с тремя? Мы цеплялись за призрачную надежду, что он одумается. Отворачивались от лучей смерти, что вспыхивали на горизонте. Такие лучи появлялись на месте смерти ангелов. Их могло насчитываться в день по два, иногда больше, когда-то было и затишье. Однажды мы вышли на разведку к такому лучу. Но добравшись, на месте уже росло огромное дерево. Очень похожее на Друидадь, но с ликом, полным скорби. Мы заметили, что эти деревья переговариваются между собой. Шепчутся день ото дня, но мы, конечно, не понимаем о чем они говорят.

—Тогда с чего вы решили, что они говорят?

—Если прислушаться, то можно услышать звук, похожий на писк комара. Так мы и поняли. Их мы прозвали дубы-тролли. Самые большие деревья в лесу и самые сильные, связанные друг с другом общей болью. Мы поняли, что Вольмир даже сильнее ангела, но долго не могли признать свою ошибку. Ведь признать свою ошибку значило признать, что выпустили в мир нечто, с чем не способны совладать.—Ольгерд перешёл к последней фреске, изображавшей чудовищную битву. — И тогда он сам пришел к нам. Но это был не человек, а воплощение голода. С чёрными глазами-безднами и кровавыми белками. Он сказал: «Это я, ваш любимый

Вольмир. Я пришёл занять своё место». С ним говорил Фгар, ныне покойный. Он пытался прогнать Вольмира, но тот продолжал стоять и улыбаться.

— Вы его прогнали?

— Прогнали. В ту же ночь на нас обрушился каменный дождь. В полночь пришло его войско. Мы держались, сколько могли. Наша магия, созданная для защиты жизни, была бессильна против того, кто жаждал смерти. Мы возводили стены, взращивали терновник... но не могли нанести смертельный удар.—Голос Ольгерда дрогнул.—На помощь нам спустились ангелы. Кажется, один из нас им молился,—Ольгерд задумчиво почесал бровь, — Уже и не помню. Сейчас мне кажется, что Вольмир этого и добивался. Вольмир был верхом на грифоне, а рядом с ним его помощник —Ренальд. Очень безжалостный воин. Такой же свирепый, как и его хозяин. Они крушили нас, обрушивали огонь и воду, а мы старались дать отпор. На одного из нас у Вольмира приходилось шесть воинов. Ангелы помогали нам, но Вольмир убивал их с особой жестокостью.

Я видел, как он пожирал сердца ангелов, поглощая их силу. Каждое сердце делало его сильнее. В отчаянии мы, тринадцать друидов, объединили силы с Древом. Наша магия ударила в Вольмира... а он впитывал её, как губку! Но потом друиды один за другим стали падать замертво, пока мы не оборвали круг магии. —Ольгерд замолк, собираясь с духом.— И тогда из-за спин его воинов метнулась тень. Один из ангелов с кинжалом в руке из осколка гробницы Рафаэля вонзил лезвие Вольмиру в плечо.

— И это подействовало?

— Это его отвлекло и на мгновение ослабила защиту. Выжившие друиды собрали последние крохи магии для удара... но он оказалчя быстрее. Вскочил на грифона, подхватил ангела и исчез во вспышке багрового света. Все исчезло. Не только Вольмир, но и вся его армия. А ангела, пытавшегося нас спасти, мы так и не нашли. Бог только знает, что сделал Вольмир с этим бедолагой.—Ольгерд опустил голову. — Всё было кончено. Мы хоронили павших три дня. Рассвет в то утро был кроваво-красным.

Глава XII: кровавая поляна

—Я понимаю вашу боль, — Аннабель подбирала слова с осторожностью, стараясь не ранить чувства Ольгерда, но своей роли в этой истории еще не понимала. — Мне искренне жаль и людей, и ангелов, но при чём тут я? Я не знакома с вашим миром! Мне нужно вернуться домой. Наверняка уже всю полицию на уши подняли, чтобы меня найти.

—Это касается тебя напрямую, — терпеливо ответил Ольгерд. — Если мы верно истолковали знамение, лишь ты можешь нас спасти.

—Но как? Как я могу справиться с тем, кто сильнее даже ангела? Вы сами говорили, что это не пророчество, а теперь настаиваете на обратном! Я в жизни не держала меч!

—И не нужно. Владеть мечом — лишь один из путей. Твоя сила в ином. Ты должна пробудить в себе магию. Уверен, твоя сила превосходит даже мощь Вольмира.

—Какая магия? Я не волшебница! —Диалог окончательно стал для Аннабель абсурдным.

—Не задумывалась, почему у тебя такие волосы и глаза? Ты не такая, как все. Твоя магия настолько велика, что даже влияет на внешность.

—Это альбинизм. Редкое заболевание, такое случается, но это не магия, как принято в вашем мире считать! Пожалуйста, давайте вернёмся к вопросу о моём возвращении!

—В этом я бессилён. Но ты не сможешь уйти, пока не исполнишь предназначение.

—То есть вы будете удерживать меня силой? — Аннабель прищурилась и скрестила руки на груди.

—Нет, дитя моё. - Ольгерд улыбнулся, - Но ты и сама не захочешь покинуть нас. Скоро ты поймёшь это. — Ольгерд вернулся к скамье и уставился заворуженно в небо.

Аннабель снова посмотрела на фрески, и по ее коже прошли мурашки и озноб. Слова друида задели за живое, но Аннабель знала, что ничем не сможет помочь.

Раздражённая его загадочностью, Аннабель покинула сад. Ей хотелось домой, но щемящее чувство долга уже пускало корни в её сердце. «Я не воин, — думала она, — ни магии, ни навыков, лишь белые волосы!»

Она быстро пересекла несколько мрачных, лишённых окон коридоров и вышла к Древу в центре замка. Листья его тихо шептались, и Аннабель, привлеченная их шелестом, переступила ограждение. От кроны шло небольшое сияние, как и от листьев. Аннабель уже была готова положить руку на нее, но не успела.

—Не трогай его! — Послышался резкий окрик. Это был Август, спешивший к ней из башни. — Никто, кроме друидов, не может к нему прикасаться! Для простого человека оно опасно!

Аннабель быстро отошла, бросив на дерево последний взгляд. Друида, как ей казалось, шептал, зазывал, просил притронуться к его листьям и коре. Но под злым взглядом Августа их крохотная связь, не успевшая укрепиться, оборвалась. Аннабель презрительно фыркнув в сторону Августа, направилась к поселению у стен замка.

Улицы были почти пусты: все жители трудились на стройке укреплений или в полях, окучивали картофель и возделывать пшеницу. Аннабель прошла мимо покосившихся, почти развалившихся домиков, в высоту ее роста; некоторые косые и где-то разваливались и очень мало пригодных для жизни. Древесина была поедена термитами, но она все еще служила кому-то домом. Рядом с домами висело несколько редких гирлянд из выстиранного тряпья.

Достигнув окраины, она остановилась, прикрыв глаза от солнца. Впереди лежала сухая потрескавшаяся дорога в густой лес, манивший своей прохладой.

«Я пришла оттуда, — подумала Аннабель. — Может, там и есть путь домой?» Решимость вернуться пересилила усталость. Жара была знойной, пыль вздымалась с каждым шагом.

Сожалея, что не взяла воды, Аннабель пошла вперёд по пустынной дороге, не в силах заставить себя вернуться в место, что было ей почти таким же чужим, как и родной дом.

Спустившись по вырубленным в склоне ступеням, она оказалась на зелёной поляне. Высокие сосны, казалось, подпирали небо. Аннабель прищурилась и посмотрела вверх, солнце слепило, и она почувствовала давно забытую свободу.

Остановившись на середине поляны, она огляделась. Пение птиц было таким звонким, какого она не слышала в своём мире. Закрыв глаза, она глубоко вдохнула, воздух был с ароматом полевых цветов.

Стоило ей вновь взглянуть на лес, как в памяти всплыли надгробия родителей. «Кто теперь будет ухаживать за их могилами?» — с тоской подумала она, оглядываясь на величественный, даже в руинах, замок. С момента своего появления в Рогбане, Аннабель была сильно озабочена своим положением, но почувствовав легкость, воспоминания предательски полезли в голову.

— Ладно, не буду об этом, — внушила она себе и шагнула под сень деревьев, постоянно при этом прокручивая историю друидов в голове. Она проигрывала в голове битву между Вольмиром и друидами, представляла красоту Рафаэля и жестокие глаза Вольмира. Мысли перескакивали с одной картинке на другую и не приносили желаемого покоя.

Внутри леса царила гробовая тишина. Воздух был прохладным. Чем глубже она заходила, тем мрачнее и сырее становилось вокруг. Сквозь плотный полог листвы едва пробивался свет. Вверху кроны сосен были красными, почти алыми, и напоминали кровь. Тишина вокруг стояла мертвенная, что Аннабель слышала, как ступает ее нога на землю.

Ноги намокли в кроссовках от сырой листвы. Утренняя роса так и не успела высохнуть. Руки замёрзли и стали, словно лед. Аннабель спрятала ладони в рукавах и пыталась согреть их теплом своего тела, но тщетно.

Небо стало практически не видно, только изредко, легкие мимолетные лучи. Они подсказывали Аннабель, что было достаточно светло, чтобы двигаться дальше. По нему Аннабель, как по компасу, сверялась, все чаще и чаще поднимая голову кверху.

Обилие зелени поражало взгляд Аннабель. Мох рос под ногами, на пнях и коре деревьев и иногда заглушал ее шаги. Мягкая зелёная подушка пахла сыростью и плесенью; старыми сухими листьями была укрыта земля. И когда Аннабель остановилась, то услышала шуршание недалеко от себя. В лесу она была не одна, но сама так никого и не встретила. С улыбкой она пошла дальше, размышляя о звуках леса. Но внезапно она наткнулась на дуб-тролль, уже знакомый ей по рассказам Ольгерда.

— Ты ли это? — шепотом спросила Аннабель. Дерево ответило лёгким шелестом и едва заметным сиянием. — Не ожидала тебя увидеть. Мне рассказывали твою историю. Она ужасна. И мне очень жаль, что все так произошло. — Шёпот листьев продолжался, но оставался неразборчивым. Аннабель села напротив него, но так близко, на случай, если ей захочется дотронуться до него. После предостережений Августа, Аннабель пока не решалась. В голове все еще отчетливо звучали его слова. — Жаль, что я не понимаю тебя. Ты общаешься с деревьями, похожими на тебя, но никак не с людьми. — и с каждым ее словом шелест усиливался, — хотела бы я знать твою историю из твоих уст. — с грустью для себя осознала Аннабель.

Она уже было собралась прикоснуться к коре, но за спиной хрустнула ветка. Обернувшись, она никого не увидела, лишь алеющие в траве маки, которые видела еще в первый свой день. Аннабель подошла ближе и рассмотрела получше, чтобы убедиться. Это был тот самый мак

Она чуть успокоилась, однако оборачиваться стала чаще, продолжая спотыкаться об собственные ноги. — И как вы тут умудряетесь расти? — она не стала их срывать, вспоминая дурманящее чувство после него. В метре от нее рос ещё один мак. Так она шла по их следу вперед. Их становилось больше, и ядовитый аромат все сильнее стал проникать в легкие Аннабель.

Сначала пришло головокружение, а за ним и тревога. Тревога, что в лесу она не одна. Аннабель учащённо заозиралась, спотыкаясь на ровном месте. Что-то желтое маячило то тут, то там, но Аннабель поначалу не могла различить, что за огоньки летают. Пока один из них не пролетел мимо нее так близко, что она смогла узнать в нем светлячка.

Сладкий, дурманящий аромат сменился гнилым смрадом.—Спать хочется, — простонала она, безуспешно пытаясь прогнать сон. Ноги стали ватными, и вскоре она с трудом поняла, что вышла на огромную поляну, буквально усеянную маками. Небо уже давно сменило цвет со светло-голубого на черный, и вместо пушистых облаков на нем сверкали звезды и сияла луна. Но маки были распушены, как при дневном свете, и продолжали источать ядовитый аромат, который Аннабель вдохнула, едва ступив на поляну.

Аннабель дошла до середины поляны, и ноги сами подкосились. Она опустилась на колени, уставившись вперед. Ей казалось, что до края рукой подать — метра три, — но это было не так. Она продолжала вдыхать маковые пары и терять разум. Аннабель зевнула еще и еще.

—Ползи, — проговорила она и снова зевнула.

На коленях она поползла дальше. Чтобы выбраться из капкана, оставалось преодолеть десять метров, но все, чего ей хотелось, — это лечь и уснуть.

— Ползи...

Аннабель легла на бок и закрыла лицо руками.

—Хочется спать... — она зевнула. — Всего пару секунд полежу...

Секунды пошли на минуты. Прошло двадцать минут, и, казалось, любой на ее месте должен был потерять надежду, но Аннабель резко вскочила. Мнимая бодрость вспыхнула в ней и так же быстро угасла.

Аннабель завизжала во все горло и отползла назад. Она чувствовала бешеное биение собственного сердца, но ненадолго. Маки делали свое дело, успокаивая сердце и усыпляя ароматом разум и тело. На коленях она поползла вперед, цепляясь за сырую землю и пропуская ее между пальцев. Аннабель широко зевала вновь и вновь. Она попыталась прикрыть рот рукой, но ладонь была полна земли. Запах прелой почвы заставил ее открыть глаза и ужаснуться. Между маками лежала на треть обглоданная червями голова оленя.

Аннабель закрыла глаза, сглотнула подступающую тошноту и поползла наискосок. Перед глазами все еще стоял образ мертвого оленя с обглоданными кусками плоти и пустыми глазницами, а каждый раз, когда она касалась земли, ей казалось, что по рукам и между пальцев ползают опарыши.

— Шаг, — приказала себе Аннабель и остановилась. Сон так и норовил свалить ее с ног, что сил на движение уходило в разы больше. — И еще шаг.

Каждый цветок, который удавалось нащупать, она срывала и с ненавистью швыряла прочь. Это придавало ей сил ползти вперед, хотя на вырывание маков уходило еще больше энергии. И она снова сдвинулась с места. Так она и продвигалась, пока голова снова не опустилась на землю, а тело уже заставляло себя ползти по-пластунски.

Страх гнал кровь по жилам, и она буквально чувствовала ее бурление. Особенно в виске: пульсация была такой сильной, что на мгновение ей показалось, будто из носа течет кровь. А может, так и было — Аннабель так и не рискнула открыть глаза.

Она приказала себе встать, что стоило недюжинных усилий. Села, все еще не открывая глаз, уперлась руками в колени и оттолкнулась. На полусогнутых она простояла тридцать секунд. Аннабель открыла глаза и вытерла нос. На запястье остался кровавый след, который она стерла о штанину, но кровь продолжала сочиться из носа, заливаясь в рот и пропадая за воротником кофты.

Аннабель немного выпрямилась, чтобы разглядеть конец поляны, но в глазах двоилось, и вместо желанного выхода она увидела смутный силуэт в чаще. Он не двигался, и лица его не

было видно, но Аннабель отчетливо представила себе человека. Указав на него окровавленным пальцем, она сделала шаг вперед. Но колени, и без того трясущиеся от напряжения, подвели ее, вернув во влажную землю.

И на этот раз Аннабель поддалась. Она окончательно опустила голову на сырую почву. Не было для нее чувства приятнее, чем прикосновение влажной земли к щеке. Оно было нежным и пушистым, словно она лежала на пуховой перине где-то дома. Аннабель запустила пальцы в землю, и видения червей больше не беспокоили ее. Ей привиделось, будто она берет за руку отца, — ощущения были такими же теплыми, какими и сохранились в памяти.

Аннабель поводила головой, углубляя щекой ложбинку в земле, но в мыслях она видела, как зарывается лицом в одежду отца. И она улыбнулась. В душу пришло спокойствие.

И звуки шагов, приближающиеся к ней, были лишь эхом шагов отца, которого Аннабель видела в своем сне. Когда босой незнакомец присел рядом на корточки и зачесал прядь волос ей за ухо, Аннабель ощутила лишь прикосновение отца.

— Впервые вижу, чтобы кто-то так рьяно и с боем пытался преодолеть эту поляну, — гортанно проговорил мужчина, но его слов Аннабель уже не различала.

Незнакомец приблизил свое лицо к Аннабель и дотронулся кончиком носа до ее щеки. Аннабель улыбнулась, видя во сне, как папа целует ее в щеку.

Затем послышался треск веток, и мужчина исчез, а с ним — и видение Аннабель. Она все еще была в плену своего сознания, но явственно почувствовала, как тело плывет. Ей привиделось, будто она лежит в гамаке посреди леса и вдыхает его ароматы.

Леший нес Аннабель в свою хижину. Нес ее высокий, крупный мужчина с темными каштановыми волосами. Он тяжело ступал по земле, отчего вся лесная живность пугалась, хоть и знала его лично.

Глава XIII: Виссарион

Аннабель лежала на маленьком узком диване с потертой зеленой обивкой, отчего колени пришлось согнуть. Лунный свет, пробивавшийся через окно, мягко освещал её лицо. Она не открывала глаз, только прислушивалась к звукам, своим ощущениям, и просто наслаждалась ароматом полыни, яблок и еловых веток.

Приоткрыв веки, она заметила, что комната наполнена дымом из соседней комнаты, где мужчина, принеший её сюда, ставил на огонь большой казан. Убедившись, что он стоит спиной, Аннабель внимательно осмотрела комнату. Под потолком висели десять пучков сушеных трав — она узнала тысячелистник, борец и небольшую веточку белладонны.

Привстав на локтях, увидела за окном лунную ночь. На столе стоял подсвечник с огарками свечей, а слева от дивана была дверь. «На улицу?» — мелькнуло в голове. Мысль о бегстве казалась абсолютно нормальной. Сбежать бесшумно и быстро.

Голова ещё кружилась после поляны с маками, потому шаги были аккуратными и неторопливыми. После того, как половицы предательски скрипнули, Аннабель зажмурилась и тихонько исподтишка взглянула на лешего. Его все ещё занимал казан. Аннабель почти дошла до двери и уже каснулась кончиками пальцев холодной дверной ручки, как за ее спиной раздался спокойный голос: — Ты не выйдешь из леса без моей помощи, — похожую фразу Аннабель уже слышала от друида. По телу пробежали мурашки, и она опустила руку. — тебя просто съедят волки.

Аннабель все ещё стояла спиной к лешему и тупо смотрела в дверь, не решаясь сделать шаг вперёд или назад. Над дверью она заметила веточку чертополоха: «Хозяин боится нечистой силы?» — удивилась Аннабель и обернулась, леший как раз запел песню:

—Ах! Темный лес и вы луга,

Куда идет моя нога,

Не знаю, где теперь сижу,

Не знаю я, на что гляжу,

А в мысли всё одно, — раздался из соседней комнаты бархатный баритон.

Аннабель заглянула за угол другой комнаты и увидела высокого мужчину с широкой спиной в голубой рубашке и длинными каштановыми волосами, заплетенными в тонкие косички.

—Я почти закончил, — сказал леший, не оборачиваясь. — Можешь сесть за стол.—приглашение прозвучало по-доброму, и Аннабель покорно заняла место за грубым деревянным столом.

—Пустыни мест прекрасных сих

Внимайте тайну мук моих,

В какой печали стражду здесь,

И в чем мятется дух мой весь,

Влюбился я в нее, — продолжал он петь, пока Аннабель тихо разглядывала грязные пятна на своей кофте и штанинах. Внезапные воспоминания о червивой оленьей голове вызвали приступ тошноты. Пока она снимала кофту, на столе появились железный чайник и две глиняные кружки. Аромат из носика чайничка был свежим и луговым. Приподняв крышку, она увидела плавающий шиповник, ягоды малины и незнакомые травы.

Она хотела было положить локти на стол, но увидела свои грязные ладони. Тщетные попытки их оттереть краем рукава кофты разозлили Аннабель, и она бросила эту затею, на время спрятав руки под столом.

Спустя пару минут не дожидаясь разрешения, Аннабель налила ароматный чай и обхватила кружку руками, пытаясь согреть заледеневшие пальцы. За долгое пребывание в лесу,

Аннабель успела сильно продрогнуть. Чай немного согрел ладони и пустил волну тепла по телу. Подув немного, Аннабель сделала маленький глоток. Напиток обжег язык и губы.

За обдыванием чая ее застал хозяин дома. Аннабель смутилась, осознав, что несколько минут разглядывала его, но леший делал ровно то же самое. С характерным звуком он опустил доску на стол, Аннабель и леший мгновенно очнулись от пристального изучения друг друга.

На доске, которую он буквально уронил на стол, лежал козий сыр и свежий хлеб. Рот наполнился слюной, живот неожиданно заурчал. Борода придавала мужественности, а длинноватые распущенные волосы с множеством косичек делали из него викинга. С ним Аннабель его сравнила в первую секунду. Двигался леший, словно кошка, быстро, плавно и грациозно.

—Бери, выглядишь голодной, — сказал он, не поднимая глаз. Аннабель еще не успела разглядеть глаза лешего, он стоял с низко опущенной головой, — и чай пей, он успокоит. — приятный тембр голоса все чаще заставлял Аннабель задуматься о новом чувстве - безопасности рядом с ним.

—Вкусный чай, — произнесла Аннабель, делая глоток. — Я видела шиповник и малину. А что ещё? — тема чая казалась Аннабель нелепой, но других тем она пока не находила. Слишком неловко чувствовала себя один на один с лешим.

—Тысячелистник, ромашка и чабрец. Собирал на лугу. Возьми, — он протянул ей бутерброд.

Пока они ели, Аннабель разглядела его лицо: молодое, с янтарными глазами и татуировками на висках и костяшках пальцев.

—Как тебя зовут? — робко спросила она, дрожащей рукой подливая чай.

—Виссарион. А ты здесь, я так понимаю, новенькая? — его вопрос прозвучал нарочито холодно, хотя необычная внешность девушки явно его заинтересовала. — Как твое имя?

—Аннабель. — чуть заикаясь она представилась. — А ты всех здесь в лицо знаешь? — Аннабель глаза не поднимала, все также смотрела в кружку. Ей никогда не нравилось смотреть в глаза. И с незнакомцами всегда держала взгляд в стороне, лишь изредка позволяя глянуть. Пронзительные глаза Виссариона заставляли чувствовать себя неудобно, а блеск в них наводил мысли о насмешке.

—Практически. Ты здесь недавно, да? — на его вопрос Аннабель кивнула, — и как тебя занесло в мой лес? — Виссарион не мог оторвать глаз от ее белых волос — необычных для этого мира. А глаза Аннабель голубые с мелкими прожилками фиолетового оттенка были подобны небу, что так часто Виссарион видел над головой. Обрамляющие белые ресницы порхали вверх и вниз пушистым пером. Аннабель заинтриговала его еще в лесу, когда он видел ее блуждающей в чаще и разговаривающей с дубом-троллем. Неподдельная искренность к мертвому существу, покоящемуся в корнях, тронула Виссариона. Именно эта доброта и спасла ее на поляне с маками.

—Просто гуляла, — соврала она. — А ты здесь один? — когда она на секунду посмотрела ему в глаза, сердце лешего ёкнуло.

—Я не один. В лесу много зверей. — Разговор прервался. Аннабель чувствовала его пристальный взгляд и смущалась. Щеки покрыл легкий розовый румянец. Холодными пальцами Аннабель чувствовала разгорячённое лицо, и это ее волновало. Желая переменить тему, она спросила:

—Эта поляна... — с придыханием спросила она, — что это за место? У меня были галлюцинации. Я видела голову оленя... — ее передернуло.

—Тебе не привиделось, — спокойно ответил Виссарион, не отрывая глаз от румянца и сверкающих глаз Аннабель. Она усердно старалась не смотреть ему в глаза, но иногда их взгляды пересекались. — Этой поляне много лет. Все, кто туда попадают, засыпают вечным сном. Трупы просто тлеют. — Аннабель застыла, сжимая в руке недоеденный бутерброд. — во время сна они видят разное, кто-то хорошее, кто-то плохое. Мы этого никогда не узнаем.

—Это могло случиться и со мной?—Аннабель начала кусать губы от нервов.

—Не знаю. Ты сопротивлялась. — Он придвинулся ближе. Их лица разделяли сантиметры. — Может, ты и осталась бы жива.

—Я так не думаю, — шепотом ответила Аннабель, — я видела отца, — призналась она, —он умер, но сегодня я встретила его вновь. И мне не хотелось от него уходить. Наверное, я сдалась.

—Тосковать по умершим — нормально. Это еще не говорит о том, что ты опустила руки.

—Знаешь, —Аннабель наклонилась чуть ближе, — во сне папа гладил меня по голове и обнимал. Это было так реально, словно наяву. Если эта поляна смертельна, то пусть моя смерть придет именно так. — последние слова прозвучали обреченно. Это не ускользнуло от Виссариона, и он нахмурил брови.

—Я... — Виссарион откашлялся, прочистив горло, — я соболезнаю тебе, —Аннабель кивнула, — пережить смерть родителей никому не пожелаешь,— Аннабель вновь кивнула. Эти слова она уже слышала несколько раз, — но боюсь, что те чувства, что ты испытывала во сне к отцу реальны. И тебя действительно гладили по голове, только не твой отец. А Ренальд. Ни только меня поразила твоя стойкость перед этой поляной.

Аннабель побледнела: — Ренальд? Друиды рассказывали... но я не помню.. —Виссарион видел, как глаза мечутся из стороны в сторону, лихорадочно ища в голове отрывки воспоминаний, — но я не помню, кто он. — Аннабель резко схватилась за руки Виссариона в мольбе, — расскажи мне про него!— Виссарион смотрел, как ее рука покрывает тыльную сторону его руки. Он аккуратно подвигал большим пальцем по ее руке, но Аннабель этого не заметила.

—Ренальд помощник Вольмира. Та еще гнусь. Вольмир, он же чернокнижник, — Аннабель активно закивала, давая понять, что имя ей знакомо.—взял себе подпевалу для мерзких делишек. Но на самом деле он простой убийца, жадный до крови. Ренальд часто ходит по лесам, селениям в поисках вот таких заплутавших, как ты, чтобы сделать из них рабов. — Аннабель ошеломленно переспросила «рабов», но Виссариона решила не перебивать, — а поляну он уже давно облюбовал. И сделал из нее ловушку для людей и друидов. Если человек его устроил, то забирает его на службу к Вольмиру, а если нет, то просто оставляет догнивать на поляне. Наверное, сегодня он планировал сделать одно из двух с тобой, но он испугался чего-то и ушел.

—И что, друиды попадались в его ловушку?

—Один раз, когда еще не знали о ее существовании. Не думаю, что он остался жив, а там, кто знает?—Виссарион задумался.

—Сильных они забирают, а слабых убивают, правильно ?

—Не всех они убивают. Чаще забирают на службу. Не знаю, что ими движет. Может, гипноз, может страх, но что-то точно ими управляет.

—Может вера? — вопрос был риторический и в ответе не нуждался. — Иди со мной и будешь жить или против меня, и ты умрешь. — проговорила Аннабель, впервые долго глядя ему в глаза. — и ты знал, что они делают это с людьми и ни разу не вмешался!? Просто смотрел!? — с каждым словом голос Аннабель креп из-за несправедливости .

—Я обычный охранник леса. —оправдывался Виссарион, —и не лезу в борьбу Вольмира.

—Если бы не ты, меня бы убили...

—Или ты пошла бы на службу к Вольмиру, — закончил за нее Виссарион.

—Ни за что! — воскликнула Аннабель, вскакивая так резво, что роняет лавку на пол.

—Как быстро ты стала преданной, — с улыбкой произнес Виссарион, только в глазах Аннабель не увидела восхищения, скорее горечь.

—Дело не в преданности! Мне рассказывали про него! И подлее человека я просто не встречала! Лучше,—она запнулась, но потом осмелела, — быть мертвой, чем рабом!

—Вряд ли у тебя был бы выбор. Думаю, ты заинтересовала Ренальда. Никто еще не проходил поляну. В тебе есть сила.

—Сила? Типо магии?— Аннабель прищурилась,— Или сила духа?— она покривлялась, изображая саму себя.

—Думаю и то и другое. Я знаю, что было предзнаменование, также я знаю, что друиды надеяться на тебя. Они верят, что ты принесешь мир.—Аннабель насторожилась и отошла поднять лавку.— и все, во что верят друиды, правда. Тебе по силам победить Вольмира.

—Это не так,— обреченно вздохнула Аннабель. Она села обратно на лавку, смирившись с тем, что ей придется встретиться с таинственным Вольмиром. И понять, о чем говорят друиды. Аннабель приняла и тот факт, что застряла в чужом мире. Настораживало только спокойствие, с которым она это осознала. — я сомневаюсь, что я тот человек. Я ничего не умею. И все, что меня окружает, должно меня пугать, но страха нет. Я только переживаю, что он настигнет в тот момент, когда придется быть очень сильной и отважной, понимаешь?— слова Аннабель произносила тихо. Это дало понять Виссариону силу духа девушки, сидящей напротив. Ее не пугала неизвестность, не пугало место и истории, Аннабель только боялась своего страха.

—Ты там, где и должна быть,— умиротворенно сказал Виссарион и улыбнулся —«Наступят темные время. Весь мир пострадает и будет в крови и рабстве, но придет человек из вне и принесет с собой войну кровопролитную. И занесет праведник меч над головой и оросит землю каплями алыми и принесет спокойствие в мир». — пока Аннабель слушала, волосы на теле дыбом вставали. От удивления она приоткрыла рот. — ты тот праведник. Тебе не обязательно владеть мечом, чтобы поразить Вольмира. Ты просто можешь оказаться в нужном месте в нужное время. — Виссарион встал и подошел к дивану посмотреть в окно,— Иногда пророчества утрированы, потому не стоит сильно заикливаться на них. Но Вольмир знает о твоём приходе и захочет избавиться от тебя.

—То есть захочет меня убить?! Это,— Аннабель обхватила плечи руками,— это успокаивает,— она встала и подошла к Виссариону. И когда она встала, осознала, что все происходящее ее не устраивает,— а вообще-то! Мне плевать! Не буду я ни с кем драться и тем более убивать! — она активно жестикулировала руками, заряжая воздух негативной энергией. Виссарион кожей чувствовал ее недовольство.

—Я обратил на тебя внимание на поляне не просто из-за того, что ты там лежала и тебе нужна была помощь.— после его слов Аннабель застыла и устремила в него ошарашенный взгляд.— Твои волосы,— Виссарион подошел и взял выбившуюся прядь не расчесанных волос в руку. От такого жеста Аннабель затаила дыхание. Она не смела поднять глаза на Виссариона.— я редко встречал людей с такими волосами. Среди здешних людей таких нет,— Аннабель быстро стрельнула глазами, и снова опустила их. Электричество, проходящее между ними, не давало ей дышать.

—Это редкое заболевание,— заблеяла она,— оно генетическое. От мамы досталось. — после ее слов Виссарион удивленно поднял брови вверх, но быстро совладал с эмоциями и стал прежним,— в моем мире это редкость, но случается.— Виссарион еле различимо закивал головой.

—Иногда цвет волос не просто цвет. Когда я тебя нес с поляны, я почувствовал что-то в тебе.— Он смотрел на нее сверху вниз, и стоял так близко, что на волосах Аннабель чувствовала его дыхание. От него пахло свежим хлебом и скисшим молоком, но запах был ей приятен. — Такое случается, когда я подхожу к дубам—тролям, чтобы послушать их мысли.

—Ты их слышишь?— Аннабель посмотрела ему в глаза, и больше не захотелось их отводить. Ее круглые глаза, полные удивления, смотрели на него выжидающе.

Губы Виссариона, сжатые в жесткую линию, привлекали. Аннабель никогда не влюблялась, но Виссарион стал для нее первым мужчиной, на которого хотелось обратить внимание.

—Каждого,— прошептал Виссарион. Он крутил ее локон в пальцах. — Сегодня я не собирался гулять по лесу, но что-то тянуло меня пойти. Теперь понятно с чем это было связано.

—Никто не может слышать дубы. Почему же ты слышишь?— Аннабель посмотрела, как Виссарион вертит в руках ее волосы. Иногда пальцы случайно касались ее щеки. И каждое такое невинное прикосновение заставляло нервничать. Слишком близко они стояли друг к другу, а тихий тембр его голоса сопровождался мурашками.

—Я же леший.— Виссарион пожал плечами,—ты что-нибудь знаешь о таких, как мы?— Аннабель отрицательно покачала головой,—леший— это ангел, который за провинность был сослан с небес.— он вздохнул, но от Аннабель не отошел,— я долго падал.

—Падал? В прямом смысле?— от удивления Аннабель вновь подняла глаза на Виссариона. В его глазах цвета янтаря была глубокая грусть, больше похожа на незакрытую рану.

—Да. Будто тысячи ножей проткнули меня в тот день. И меньше во мне оставалось ангельского,— на этом слове Аннабель схватилась за руку Виссариона, которой он гладил ее волосы. Тот вздрогнул, ожидая почувствовать силу, схожую с силой дуба или с той, что почувствовал ранее, но этого не произошло. И он с досадой отошел от нее.

—Ангел,— зачарованно произнесла Аннабель,— но крылья, где они?

Виссарион сделал еще шаг в сторону и стал развязывать завязки на рубашке, а потом снял ее вовсе. Весь его торс был усыпан черными иероглифами, а когда он повернулся спиной, Аннабель увидела два обгорелых корня из его спины. Черные, с смолой на кончиках перьев.

—У меня до сих пор в носу запах горелых перьев. Они горели заживо, ощущение сродни тому, что их обрубили топором,— дрожащей рукой Аннабель дотронулась до обгорелых остатков крыльев, и Виссарион вздрогнул. Они все еще кровоточили, хоть и было ясно, что рана старая. На пальцах оставались капельки крови.— я упал в лес и с тех пор живу здесь. Такова жизнь падших ангелов. Кто куда упал, там и остался.

—За что тебя изгнали?— Аннабель провела рукой по плечам Виссариона, там где были иероглифы, но он резко повернулся к ней лицом, не позволяя довести рукой до поясницы.

—За неповиновение,— сурово ответил Виссарион.

Глава XIV: два падших

Аннабель наблюдала в окно, как зарождается рассвет. Робкие лучи солнца пробивались сквозь зеленую листву. Аннабель с приятным чувством вспомнила, как встречала похожие рассветы, сидя дома на окне. Тогда жизнь была другой, ее отец был жив, а сама она не проваливалась в иной мир. Аннабель улыбнулась. Ведь именно тогда ей казалось, что ее жизнь такая сложная и непонятная, она считала себя несчастным ребенком, который потерял мать. Сейчас ей казалось это все пустым. Ее отец погиб, мать умерла уже очень давно.

Вдалеке ухнула сова, и она очнулась от размышлений. Аннабель пригладила грязные волосы и откашлялась. «Зачем сейчас-то надеяться на то, что и так очевидно? Она умерла! Давно надо было признать этот факт, а я все откладывала. Наслаждалась болью и разрешала людям себя жать. Видимо я любила это.»—Аннабель потеряла лоб, как делала это почти всегда, когда перед ней стояла сложная задачка. Рассвет в самой гуще леса показал ей насколько жизнь изменилась на до и после, будто прошло очень много лет, и она повзрослела. Аннабель снова улыбнулась, но очень быстро, что даже сама не сразу поняла, была ли это улыбка или простая ухмылка. Но нет, это была улыбка. Не горькая, как раньше, а улыбка смирения.

— Мне пора, — произнесла она, надевая кофту через голову. Виссарион с удивлением посмотрел на нее. Он ожидал от нее множества вопросов, паники или истерики, но не как не простого смирения. Аннабель выглядела абсолютно спокойно, что отчасти пугало Виссариона. Она была сдержана в эмоциях, что не давало Виссариону хоть приблизительно представить, о чем она думала. Буквально пару минут назад она была для него, как открытая книга, но сейчас книга закрыта и для нее нужен ключ.

— Разве ты не хочешь спросить о том, что тебя интересует? — он сложил руки на груди, прислонившись к стене. Он старался сдерживать свои эмоции, но ее спокойствие стало выводить его на новое для него чувство. Паники.

— Думаю, нет, — ответила Аннабель, перебирая браслет на запястье. Каждое движение рук и ног отзывалось в ней усталостью, но она держалась, как самый настоящий воин. Воин, которым ей хотелось, чтобы видел ее Виссарион. И он и правда видел ее очень сильным человеком. За те часы, что они провели вместе, он узнал, как много она потеряла, но самое главное — не потеряла себя. Она была эмоционально растерзана, но из всех сил старалась быть сильной. — Это не так важно.

— Задай вопрос. — настойчиво произнес Виссарион. В его нахмуренных бровях читалась серьезность. Он не хотел отпускать ее просто так. Тех часов, проведенных вместе, ему показалось мало. Ему хотелось узнать о ней больше: какой цвет ее самый любимый; нравится ли ей лето или, может быть, она любит зиму; какой цветок самый любимый. Он очень сильно желал забраться ей в душу. И он стал понимать, что имела ввиду Топаз, когда хотела отказать от холодного ангельского существа и заменить его на тепло человеческой любви.

— За что тебя конкретно наказали? — выдохнула Аннабель и повторила его позу со скрещенными руками. Ее пальцы немного тряслись, что не ускользнуло от внимания Виссариона. Ему хотелось взять ее ладони в свои и унять дрожь, согреть ее холодные руки в своих горячих не по-человечески руках. Он улыбнулся, а она держалась воинственно.

— Я хранил секрет подруги. — продолжил Виссарион. Он видел, что Аннабель удивилась. Для простого человека такая провинность была бы незначительной и даже правильной, но не для ангела. Ангелы не имели права на чувства, на эмоции, они никогда не могли жить, как люди. Не имели право быть людьми. Этот грех наказывался ссылкой или убийством. Виссарион ни единожды видел, как убивали его собратьев за тот или иной грех. Видела это и Топаз. Убийство ангела всегда делали на всеобщее обозрения, чтобы остальные знали, что бывает с непокорными. Это имело свой успех. Ангелы становились жестче, властнее, хладнокровнее,

но не все. Те, в чьих жизнях побывал человек, уже не были другими. Эта судьба настигла и Топаз. Она стала другой. Более внимательной к чужой боли, имела свои мысли и переживания, могла наперечить другому. Виссарион никогда не понимал ее. Как можно было отказать от всемогущества ради человека? Все, что он понимал — это дружба. На тот момент это был его единственный человеческий порок среди ангельской сущности. Порок, который стоил силы. Тот грех, за который он будет расплачиваться всю жизнь. А жизнь ангела — это вечность. — Ангелы могут путешествовать по вселенным, но не все имеют на это право. Только высшее руководство, скажем так. Но Топаз было не остановить. — Он покачал головой. — Она всегда была любопытной. Особенно если никто не отвечал на ее вопросы, она искала ответы самостоятельно. Ангелам, как правило, нельзя показываться на глаза человеку. Никто не должен знать о нас. Только в определенных обстоятельствах ангел может раскрыть свое существование. Однажды Топаз пришла ко мне и сказала, что решила посетить другие миры, хотя это было строго запрещено. Я попытался ее отговорить, но после сотой неудачной попытки, я просто сказал быть осторожной. В следующий раз она уже рассказывала, как влюбилась в человека. Я никогда не видел ее такой счастливой. Она больше не хотела оставлять своего человека, мои попытки были безуспешны. Да и кто остановит, если ты влюблён? — Виссарион улыбнулся и зыркнул на Аннабель. Ему стали понятны все мотивы Топаз. — ее прогулки продолжались некоторое время, а потом она пришла и сказала, что уходит, чтобы создать семью.

— И что потом случилось? — затаив дыхание, спросила Аннабель. Виссарион видел, как у нее на виске запульсировала венка, а в глазах был испуг. Ему не хотелось долго мучать ее в догадках.

— Она попросила помощи, хотела сбежать. Умоляла так, что я не устоял. Я скрыл ее уход своей магией. Ее не нашли, но побег все же раскрыли. Меня наказали за помощь ей. Они хотели выведать ее местоположение, чтобы вернуть и тоже наказать, но я не раскрыл тайны. Хватало и одного наказанного ангела.

— Но ты же ни в чем не виноват! — воскликнула Аннабель. — Почему ангелы не могут быть счастливы, как люди?

— В том-то и дело, что ангелы не люди.

— Но как она тогда могла создать семью с человеком? Дети..? Такое возможно? — в глазах Аннабель Виссарион увидел сомнения. Он и сам раньше сомневался, но перестал, когда увидел Аннабель на поляне с маками. При взгляде на нее он вспомнил, как Топаз рассказывала о своей любви к человеку. В тех рассказах она примечала самые глупые, по мнению Виссариона, детали. А сейчас он и сам заметил, как Аннабель кусает губы, как внимательно слушает и нервничает, как потирает лоб в раздумьях и заламывает пальцы. Ее глаза бегали по комнате, не желая встречаться с его глазами. И это его забавляло. Как никогда он понимал Топаз.

— Да, отказываясь от своей природы, ангел может стать подобным человеку и завести детей.

— Ребенок будет ангелом?

— Лишь наполовину, — вздохнул Виссарион, с беспокойством глядя на Аннабель. — Но такие дети считаются грехом. За это наказывают и родителей, и детей. Обычно и тех и других убивают в назидание другим.

— Надеюсь, с Топаз и ее семьей все хорошо, и их не нашли! Это же очень жестоко! Хорошо, что в моем мире таких вещей нет. Я бы никогда не подумала, что ангелы, чьи лики люди рисуют на валентинках, кому поклоняются, могут быть настолько безжалостны.

— Думаю, с ребенком точно все в порядке, — произнес Виссарион уклончиво, но Аннабель не уловила скрытого смысла.

— Это бесчеловечно!

— Но мы и не люди.

— Вам доступно сострадание, чувства!

— Не всем это дано. Также как и не всем людям.

— Да, — вздохнула Аннабель. — Я пойду. — Она направилась к двери, сохраняя в сердце сочувствие к Виссариону.

— Я провожу тебя.

Они вышли на лужайку, за которой начинался густой лес. Солнце светило ярко, но под сенью деревьев царил полутьма. Земля была сырой и пахла плесенью. Аннабель обняла себя за плечи и пошла за Виссарионом, который прокладывал безопасный путь.

— Вольмир же убивает ангелов. Но ты тоже ангел — почему его не боишься? — вопрос показался Аннабель вполне логичным, потому ждала четкого ответа на него.

— От ангела во мне осталось немного. К тому же я защищен рунами, — Виссарион засучил рукав, показывая иероглифы на коже. — Они скрывают мою природу. Во всяком случае стараются.

— И он ни разу не пытался напасть?

— Пытался. Чувствует меня, но не может распознать. Я для него как тень, блуждающая рядом с ним.

— Может, мне сделать такие же? — задумалась Аннабель. — Если придется столкнуться с Вольмиром, преимущество не помешает. — Аннабель пробиралась через ветки, отводя каждую опасную хворостину от своего лица. Поваленные пни на пути заставляли прикладывать не дюжие усилия, потому Аннабель быстро запыхалась.

— Боюсь, тебе они не подойдут, — Виссарион решил пока не раскрывать свои предположения. — Сильная магия может навредить.

— Оно и понятно, — проговорила Аннабель, спешно передвигая ноги, шаг Виссариона был для ее ног слишком быстрым. — Я же просто человек. — Виссарион тихо вздохнул, — что нужно Вольмиру от ангелов? — Аннабель нагнала Виссариона и поравнялась с ним. Через чащобу просачивался свет, они были недалеко от выхода из леса, — я понимаю, что вы самые сильные существа, но что он получает, убивая вас? — Виссарион остановился. Он смотрел на Аннабель, но взгляд стал отрешенным.

— Благодать. — он слотнул, — Источник нашей силы.

— И как он ее получает? — тихо спросила Аннабель, видя, как Виссарион старается найти ответ на ее вопрос.

— Не знаю. — и Виссарион действительно не знал. Раньше он не задавался такими вопросами, но слова Аннабель застали его врасплох. — За века я не встречал оружия, способного убить ангела, пока не появился Вольмир. Это загадка. — В его глазах мелькнули тревога и разочарование.

— Что происходит с ангелом, лишенным благодати?

— Он становится человеком. Но Вольмир убивает их, чтобы не мешали.

— Разве переизбыток силы не опасен для него? — Аннабель заметила непонимание в его взгляде. — В книгах обычно пишут, что слишком много магии может быть опасно. Разве обычный человек способен выдержать такую мощь?

— Благодать в Вольмире долго не держится. Она иссякает. В ангелах она восполняется, но Вольмир...

— Человек, — закончила Аннабель. — Один из друидов предположил, что у Вольмира есть пленный ангел, чью силу он черпает. Если ангелы восстанавливают благодать, может, эта теория верна?

— Он использует его как источник! — прошептал Виссарион, и его глаза вспыхнули. — Это гениально! Мерзко, но гениально! — Он резко повернулся к Аннабель, схватив ее за плечи. — Кто-то из ангелов жив! Мы должны спасти его!

— Что? Спасти? — ошарашено спросила Аннабель. — Мы?

— Иди к друидам, скажи, что я буду искать ангела и как найду присоединюсь к вам! Мы сможем победить Вольмира, лишив его силы! — Виссарион отступил, осознав свою горячность. — Иди прямо, не сворачивай. Я скоро буду.

— Одна? — но Виссарион уже скрылся в чаще. О нем говорили только тяжелые шаги и хруст веток. Аннабель посмотрела в указанном направлении и, глубоко вздохнув, собирая волю кулак, пошла вперед.— подумаешь пару метров пройти надо, — съехидничала она и поторопилась выйти прочь из леса. Быстрый шаг в одночасье сбил дыхание.

Она двигалась как можно быстрее, и чем ближе был край леса, тем легче становился путь. Наконец, она выбежала на открытое пространство, и яркое солнце заставило ее зажмуриться. Она даже позволила себе улыбнуться солнцу. К тьме в лесу Аннабель быстро привыкла, но она вселяла лишь страх и тоску. А солнце в мгновение выкинуло страх из груди.

Аннабель взобралась на бугор и побежала по сухой дороге, пока не начала вновь задыхаться. Тяжелые шаги поднимали пыль под ногами, оседающую на обуви толстым слоем.

Тело горело под палящим солнцем, во рту был привкус крови. Аннабель облизнула пересохшие губы, бросила кофту на потрескавшуюся дорогу, и перешла на шаг. Люди в полях все так же работали, не подозревая, что их мирное время подходит к концу.

Вспомнив решительный взгляд Виссариона, Аннабель снова ускорила шаг. Кровь колотилась в висках. Не видя ничего от усталости и страха перед будущим, она сбила с ног мужчину. Тот злобно посмотрел на нее и выругался, однако его слов Аннабель не услышала. В ушах был лишь стук ее сердца. Настолько сильный, что перебивал не только окружающие ее звуки, но и собственные мысли. Аннабель не могла медлить — сердце подсказывало недоброе. Перед глазами стояло суровое, полное решимости, лицо Виссариона. Так она представляла человека, идущего на смерть.

Глава XV: испытание огнем

Виссарион расстелил перед камином своей комнаты грубую, линялую шкуру бурого медведя. Ее он добыл с уже умершего животного: тот день он хорошо запомнил, до мельчайших деталей, будто произошло это вчера.

Медведица до последнего защищала своих детей, бросаясь на врага с рыком отчаяния, но смерть все равно победила. Стрела охотника нашла сердце и застряла в груди.

Виссариону пришлось выхаживать троих медвежат, а шкуру забрал себе, чтобы медведи чуяли знакомый запах и скорее к нему привыкли. Тело бедного животного он сжег, чтобы оно никому не досталось.

Позже шкура медведицы стала служить ему в качестве накидки в холодные ночи и ярким напоминанием о смерти. Подросшие медвежата долго были его спутниками жизни, но вскоре время их разлучило, оставив после себя лишь воспоминания в виде шкуры.

Камин уже несколько месяцев Виссарион не разжигал. Зима выдалась теплой, за ней солнечная весна и прекрасное жаркое лето. Внутри кирпичного камина привольно жили пауки и плели свою белую, кольхающуюся на ветру паутину. Виссарион рукой смахнул плоды их стараний и подкинул дров. Сегодня камин ему был необходим.

Бревна не сразу разгорелись. Пришлось неоднократно задувать сено, поднимая тучи искр в небо, прежде чем разошелся хороший жаркий огонь. Сгорала сухая трава и прошлогодние дрова, комната сразу наполнилась едким туманом. Виссарион сел прямо напротив огня, пододвигаясь металлической решетке как можно ближе, и поджал под себя колени.

Дрожащие языки пламени отражались в глазах Виссариона, лоб блестел от капелек пота. Он долго не мог собраться с духом, ему предстояло приложить не дюжие усилия, чтобы найти пропавшего ангела, а главное подвергнуть себя опасности, которая, после содеянного, может ждать его на каждом шагу. Он отвык от риска. Его жизнь в роли лешего была недолгой, но он привык жить в безопасности и беззаботности, которое давал ему лес. Он стал отшельником, общение с людьми ему заменяли дубы-тролли.

— Я должен был догадаться, — произнес Виссарион, развязывая шнурки на рубашке, — должен был догадаться, что кто-то выжил! А я просто взял и сдался! — он скинул с себя рубашку, вытащил из камина раскаленную кочергу. От нее шел жар. Виссарион долго не сводил глаз с красного железа. И, набрав воздуха побольше, приложил кочергу к запястью, на котором были иероглиф, и выжег его до основания. Первый рисунок дался ему просто, он отделился лишь стиснутыми зубами. Виссарион бросил кочергу обратно в камин, чтобы вновь ее раскалилась, и положил ладонь на ожог, дабы убавить саднящую боль. Рана постепенно стала превращаться в волдырь.

— Осталось еще двенадцать, — сдавленно проговорил леший, отнимая руку от остатков первого иероглифа. Виссариону предстояло убрать то, что защищало его от Вольмира много лет. Леший сделал глубокий от напряжения вдох и на выдохе вновь приложил раскаленный край на предплечье. С нажимом и без промедлений он выжигал второй и третий рисунок на своем теле. Причинять себе боль было не самым простым делом, хоть отчасти и привычным. Однако уже на шестом рисунке Виссарион не смог сдерживать эмоции. Его силы были на исходе, и все чаще стали посещать коварные, изнуряющие мысли бросить затею.

Последний рисунок был на левом боку и, когда он был выжжен, Виссарион рухнул без сознания. Он пролежал около десяти минут, пока огонь в камине практически не потух, а кожа покрылась страшными, вздувшимися нарывами.

Виссарион раскрыл глаза, когда почувствовал ласковое, прохладное дуновение ветра на пальцах рук. Вместе с ветром в его жилах стремительно и сладостно забурили остатки благодати, ее Виссарион принял с жадным удовольствием. Он забыл, что значит быть ангелом и

ощущать всемогущую силу в своих руках. В душе зародилось то самое забытое чувство неуязвимости.

Но благодать сыграла с ним злую шутку. Волдыри от ожогов медленно превращались в небольшие рубцы. От страха истратить благодать впустую Виссарион сел так быстро, как только позволяло изможденное, израненное тело.

Остановить заживление он был не в силах, поэтому сразу вошел в транс. Его сознание отделилось от тела в поисках пропавшего ангела. Это всегда было легко, ангелы излучали сияющий, голубоватый свет — ауру, который было видно с любого края света. Его сознание помчалось, словно птица, на запад и на восток, но отзвуков ангела там не было.

Север был безжалостно бескрайним и пронизывающе холодным. На него у Виссариона ушло больше сил, чем на другие. Когда он мысленно карабкался по обледенелому морозному склону, то еле различимый отзвук ауры мелькнул невдалеке. Очень слабый, он то возгорался, то потухал.

Но добраться до него Виссарион не успел, силы его покинули слишком быстро. Тело на четверть восстановилось, но он нашел то, что искал.

— Давай еще раз, — с хриплой решимостью он сжал кулаки, закрыл глаза и попытался настроиться на энергию пропавшего ангела. Его энергии не хватало, и Виссарион стал использовать магию своей души. Это имело свои последствия такие как: эгоизм и жестокость, овладеющие его сердцем, однако Виссарион был готов пойти на это даже ценой своей добродетели.

Болезненно, по грамму душа истончалась, оставляя на своем месте леденящую пустоту и черствость. Виссарион чувствовал это, как точечные, колющие прикосновения кусочков льда к его телу. Вместе с душой уходила и физическая сила.

Виссарион увидел расплывчатую картинку: снежный склон, непогожая метель и большая орда, прятая от ветра в каменной пасти ущелья. Виссарион бестелесный и невидимый, но всевидящий, пролетел рядом с воинством. В их глазах была тупая кровь и жажда убийства.

Зачарованные магией Вольмира они стали больше похожи на безвольных марионеток, чем на живых людей. Их действия были непоследовательными и неумелыми, ни один из воинов орды был не в состоянии самостоятельно разжечь огонь. Ими должен был повелевать их командир, управлять и указывать, что делать. Виссарион насчитал около двух тысяч человек.

«Дела наши плохи» — с горечью подумал он, разглядывая оружие орды и их палатки, но среди них не было ни Вольмира, ни Ренальда. Виссарион облетел лагерь трижды, прежде чем понять, что хозяин орды находится в пещере. Вход в нее охраняли свирепые подобие домашних животных — грифоны.

Виссарион протиснулся между зверьми, и его обдало сухим, погребным жаром. Внутри было много факелов, но все равно было весьма мрачно. Тусклость нагонял Вольмир со своей темной загробной аурой.

Вольмир стоял у стены и пристально смотрел на карту, Ренальд сидел позади за столом с запрокинутыми на него ногами. Острым кинжалом он лениво ковырял под ногтями. На лице была самодовольная ухмылка. Виссарион будучи бестелесным духом прошел к Вольмиру и встал перед его лицом. Пылающие красные, жадные до смерти, глаза смотрели сквозь лешего.

— Когда-нибудь я буду также стоять перед тобой и перережу тебе горло от уха до уха за все, что ты сделал, — Вольмир его не видел и не слышал, Виссарион был для него лишь прозрачным отзвуком ветра, ударяющимся о стены. — ты убийца, — с ненавистью плюнул Виссарион прямо ему в лицо. Вольмир тут же перевел взгляд прямо в янтарные глаза Виссариона, лицо исказилось в уродливой гримасе злобы и мести. Испуганный такой переменной Виссарион отошел в сторону, но Вольмир и Ренальд смотрели прямо ему в след.

«Ладно, они не могут меня видеть» — пытался успокоить себя Виссарион, поворачивая в один из туннелей горы. В первом он не нашел ничего полезного: простые железки, мечи и ножи, беспорядочно разбросанные по полу. Во втором же туннеле Виссарион увидел металли-

ческие прутья: клетка. Под неровным пламенем одинокого факела лежал человек. Скрюченный в беспомощный клубок в самом углу, он не двигался. Виссарион сделал два шага вперед, но остановили его глухие эхо шагов — это Ренальд и Вольмир куда-то торопились. И трусцой выбегали из пещеры. Виссарион не видел лица человека, только его спину, изувеченную, исполосованную, кровавую.

— Эй, — беззвучно шепнул Виссарион, но пленник, конечно, его не услышал.

Пока Виссарион сидел в пещере и пытался хоть как-нибудь заглянуть в лицо ангелу, которое он спрятал в ладонях, Вольмир с Ренальдом верхом на грифоне уже были на пути к лесу. Однако Виссариону и не приходило в голову, что находясь в трансе, он полностью потерял связь с телом, которое стало явственно, как маяк, излучать благодать. Это не ушло от внимания Вольмира.

Тучи сгустились, ветер крепчал, набирая мощь и свирепость, но тело Виссариона этого не ощущало, ведь его дух был далеко на севере. Стволы деревьев стали опасно клониться к земле, пока одно из них не треснуло пополам, оглушив своим грохотом несколько птиц. Небо и вовсе потемнело, затянувшись тучами, когда Вольмир и Ренальд стали кружить над беззащитным зеленым хвойным лесом. Вольмир провел рукой по небу и с окраины, недалеко от дома Виссариона, начался яростный смерч. Он шел наискосок, неумолимо ломая на своем пути деревья и поднимая их высоко в небо.

— Тебе он не нужен? — скептически спросил Ренальд у хозяина, — его сердце неплохо восстановило бы твои силы.

— Его сил не хватит даже чтоб залечить порез на моем пальце. Он бесполезен! Пусть умрет.

— И ты считаешь, этого достаточно? — с холодным высокомерием поинтересовался Ренальду своего предводителя, глядя на смерч. — как-то тут прохладно, — он зевнул и расслабился, сидя на спине грифона. Он вновь стал ковырять лезвием под ногтями, переставая интересоваться происходящим. Вольмир воспринял это замечание, как личное оскорбление, и воссоздал пляшущий огненный шар в руке. Он крутил его и бросал с ладони на ладонь с минуту, а потом один за другим метнул в лес.

Один из огненных шаров упал близко к дому Виссариона. Это вывело лешего из состояния транса. Когда он открыл дверь, лужайка уже полыхала, и огонь понемногу подбирался к стенам жилища. От огня небо было не видно. Пламя живо перепрыгивало с дерева на дерево, сжигая дотла все на своем пути. Еще один огненный шар с оглушительным ревом упал на крышу дома.

Виссарион отбежал от него. В лице был шок от увиденного: его ребенок — лес — умирал, а Виссарион был беспомощным. В кончиках пальцев он еще ощущал толику энергии, но этого не хватило бы, чтоб потушить весь лес. Сила, пришедшая на энергии его души, была соблазнительной и тем опасной. Виссарион не хотел стать вторым Вольмиром. Он и так чувствовал холодное прикосновение жестокости на своей груди, и этого было достаточно, чтоб остановиться. Тяжелая ледяная ладонь, сжимающая его сердце, будет с ним всю оставшуюся его жизнь.

Огонь продолжали летать в небе и падать на землю, создавая дымящиеся котлованы. Виссарион отошел еще на пару шагов от дома, смотрел и по сторонам и в небо, пытаясь разглядеть своего противника, но огонь полностью застилал небо, а дым все прибывал, сгушался и невыносимо душил.

Гарь проникала в легкие и перекрывала кислород. Виссарион закрыл рот и нос рукой, но было уже поздно, дым успел едким налетом осесть в легких. На полусогнутых ногах он пытался идти по лесу в поисках укромного места, однако его не было.

Сухая листва горела лучше бумаги, деревья падали, оставляя после себя только горький тлен и уголь. Глаза слезились и уже с трудом удавалось моргать.

Огонь не прекращался, с ним и дым, тяжелой грудой давящий на легкие. Виссарион упал на колени и попытался ползти. Он зажмурил глаза, посидел с минуту с опущенной головой. Это не помогло, густой туман не давал шанса посмотреть дальше двух метров.

—Черт бы тебя побрал!— Виссарион откинул прилипшие волосы с лица и вновь выругался.

Над головой раздался зловеющий хруст, за ним и оглушительный шум падающего дерева. Виссарион успел откатиться в сторону, но сук соседнего дерева упал на него поперек.

Дух в мгновение выбило, в боку что-то жутко хрустнуло. Лицо прижалось к обжигающе рыхлой горячей земле, и в нос залетела земляная труха.

Виссарион закашлялся и попробовал встать на локти, но полено оказалось слишком тяжелым, а боль в боку не позволила сделать лишнее неосторожное движение. Силы павшего ангела были на исходе.

Он не сразу почувствовал, как обугленное дерево прожгло рубашку и стало быстро выжигать кожу.

Виссарион напрягся и попытался выползти. Сучки дерева больно карябали кожу и приносили не менее ужасную боль, чем огонь и сломанное ребро. Он цеплялся за землю и камни, как за спасательный круг. С закрытыми глазами, на ощупь, он вытягивал себя из лап смерти.

И после того, как ему удалось выбраться из-под дерева, Виссарион перевернулся на спину. Кожа на ней облезла и от переизбытка боли, Виссарион уже мало чего чувствовал. Земля слегка охладила саднящую спину, но облегчения Виссарион нечувствовал. От недостатка свежего воздуха лешийзакашлялся и захрипел, каждый вдох приносил острую, режущую боль в груди.

Сердце старалось гонять кровь и кислород; билось оно так быстро, что вот-вот выпрыгнет. Небо было в огне и стало плясать перед глазами. Картинка перед ним спуталась, он перестал различать небо от огня и деревьев. Виссарион закрыл глаза и стал прислушиваться к биению своего сердца. Все, о чем он думал, это успокоиться и идти дальше. С каждым промедлением он чувствовал огонь в спине и боль в груди, но сил не находил, чтобы подвигать хотя бы пальцем руки. Когда очередная ветвь упала недалеко от него, он перекатился на бок, сморщился от боли, и вновь закашлялся. Глаза он уже почти не открывал, доверяя лишь слуху.

Желание прибегнуть к магии души стало навязчивой и мерзкой идеей своего спасения. И каждое движение, отдающееся невыносимой болью, заставляло его задуматься о ничтожности человеческой жизни и слабости тела перед неминуемой угрозой.

Его лицо и тело было в липкой саже, рубаха держалась на одном плече. Пока он полз на животе вперед, каждый камешек и ветка впивались в кожу живота. Боли было так много, что тело перешло в состоянии шока, но ползти он продолжал. Бесцельно. Вперед. Однако двигался не к выходу из леса, а вглубь. Его желание выжить уже было обречено на провал.

Через несколько минут глаза застелило серой пеленой, Виссарион остановился. Лоб лежал на теплой земле, и на мгновение ему показалось, что дышать стало легче. По телу прошел липкий холодный пот, и он осознал, что наступил конец.

— Я должен был ей сказать правду, — едва слышно прошептал Виссарион, готовясь сделать свои последние вдохи, — прости... —и потерял сознание.

Аннабель была в башне старейшин, когда увидел зловеющий дым в небе. Она подбежала к окну и перегнулась через подоконник. Лес пылал, как гигантский факел. Внизу люди продолжали работать, словно ничего не происходило. Аннабель отметила, что они испытывают пугающее безразличие. Она обернулась и заметила, что друиды продолжали сидеть за столом, глядя на свои ладони в гробовом молчании.

— Лес горит, — констатировала факт Аннабель, но никто ничего не ответил, даже не поднял глаза, — вы что, ничего делать не будете? — она стремительно подошла к столу и обло-

котилась ладонями на него. Она осмотрела каждого друида, но никто и бровью не повел. А потом она осознала одну истину, — там же Виссарион! — в ужасе прошептала она и посмотрела на окно. Лес был полностью в огне, — надо ему помочь! — она снова посмотрела на друидов, но молчания никто не нарушил, — вы будете спасать его? — но в ответ на очередное молчание Аннабель отчаянно ударила кулаками по столу и вышла из башни.

— Она может натворить бед, — равнодушно произнес Ольгерд, когда дверь за Аннабель закрылась.

— Нам все равно ее не остановить, — ответил Авдий. И все единогласно закивали. — Тем не менее, если она выживет, то, может быть, ее сила проявится. — все друиды закивали в тревожном молчании, — И лес явно поджог Вольмир. Нам нельзя выходить из замка, чтобы не подвергать себя опасности.

— Аннабель не вытащит Виссариона одна! — это был Геронтий. Ему не хотелось обречь девочку опасности. — нам надо ей помочь! Мы же друиды в самом деле!

— Наши силы не так велики, как может показаться на первый взгляд.

— В таком случае сидите здесь, а я помогу Аннабель. Одним друидом больше, одним меньше, какая разница, если мы сидим здесь!?

Аннабель спускалась по винтовой лестнице практически бегом, спотыкаясь и перепрыгивая через одну, а то и две ступеньки. Она уже запыхалась, когда прошмыгнула последние две ступени и громко ударилась ступнями о пол.

Она оттолкнулась и помчалась по двору замка, пока не остановилась у ворот. Рядом с ней остановился один из горожан, он сделал из ладони козырек и безучастно всматривался в лес.

— Что, — Аннабель тяжело дышала, — случилось? — она уперлась руками в колени и пыталась отдышаться.

— Сначала был ураган в лесу, а потом он просто загорелся. — мужчина пожал плечами и ушел. Картина горящего леса его больше не интересовала.

— Из леса кто-нибудь приходил? — крикнула Аннабель ему вслед, но мужчина отрицательно покачал головой, — значит Виссарион еще там.

Аннабель набрала воздуха в легкие и бросилась по сухой пустынной дороге. Земля легко пружинила стопу, и ей было почти легко, если бы не сжимающий сердце страх перед огнем. Ей было страшно сгореть и не найти Виссариона. Она добежала до зеленого задымленного бугра, когда ее дыхание наконец сбилось.

Во рту снова был противный привкус крови. Аннабель попыталась набрать воздуха в легкие, отдышаться, чтобы хватило сил бежать дальше. Жар уже касался ее кожи. Было душно, что Аннабель хотелось в момент оказаться в холодной воде.

Однако Аннабель все равно пустилась бежать с бугра к лесу. Ноги не поспевали за ее ритмом, но себе она пообещала больше не останавливаться, боясь, что чувство самосохранения будет сильнее, и она откажется от своих намерений.

По приближению к лесу, пришлось сбавить темп. Аннабель искала более менее свободный проход. Таких было не много, и когда она уже хотела окончательно остановиться и все обдумать, в гуще мелькнула пустота, которая зазывала Аннабель.

Она разогналась и перепрыгнула через горящую траву, закрывая лицо руками. Только лоб и щеки все равно обдало огнем, и она почувствовала под пальцами, как мелкие волоски на голове и брови закрутились. Аннабель потеряла лицо, сгоняя колющее чувство.

От яркого огня в глазах рябило, но эту часть леса еще не успело полностью поглотить огнем. Она побежала, прикрывая глаза. С трудом различая хоть что-то в гуще оранжевых оттенков, Аннабель бежала там, где было меньше огня, надеясь, что ее все же выведет на крышу дома Виссариона.

Аннабель взяла чуть левее, обегая упавшее дерево, но ее остановил большой горящий пеня, который она не заметила, пока оглядывалась назад.

Споткнувшись о корягу, она не упала, но успела подставить ладони. Это промедление сыграло с ней злую шутку. Кисти от удара больно засадило. В легких уже было много дыма и резкая остановка вызвала сильный кашель.

Аннабель схватилась за живот и прикрыла правой рукой рот. Кашель не останавливался, отчего она стала задыхаться.

«Надо задержать дыхание и перетерпеть» — подумала Аннабель, прибегая к тактике борьбы с икотой. Это сработало и кашель немного унялся, только горло стало першить.

Пригибаясь к земле она пошла вперед. От кашля лицо покраснело, и глаза заболели. Она положила ледяную ладонь к щекам — они горели, однако Аннабель чувствовала, как ее ударило в холодный пот.

Держась за живот и прикрывая рот, она шла вперед, уже не сильно разбирая дорогу. Дыма было достаточно, также как и огня. И в душе Аннабель казалось, что сбилась с пути и уже не найдет Виссариона. Глаза стало невыносимо резать от дыма, но она все же старалась всматриваться в огонь, чтобы найти дом.

На маленькой уцелевшей полянке она остановилась осмотреться. И будто бы вдали ей показалась крыша. Аннабель взяла чуть правее и чуть скорее, сколько позволяло ей самочувствие, она двинулась дальше. Дорогу ей уже выбирал огонь. В глубине его было больше, чем на окраине.

Она стала чаще останавливаться, чтобы отдышаться. Перед собой она видела только дым и, оранжевый от огня, лес. Когда она сделала глубокий вдох, то поняла, как много ядовитого дыма в нее попало. И ее мучительно стошнило. Стошнило водой, ведь это последнее, что она ела. По коже пошла мелкая дрожь и вновь холодный пот. Тело стало подводить и терять силы быстрее. Она упала на колени и схватилась за горло. Удушливый кашель вернулся.

И она закричала так сильно, как могла: — Виссарион! — голос был другим. Осипшим, еле различимым, таким, какой Виссарион никогда бы не услышал. И она крикнула еще раз, чуть громче: — Виссарион!

Когда на ее клич никто не отозвался, Аннабель сдалась, она обхватила голову руками, и задышала себе в колени с двух минут. Но потом где-то из кустов услышала тихий хрип и кашель, она подняла голову, пытаясь найти, где был звук.

Аннабель решила пойти на звук, который, как ей показалось, исходил в метре трех от нее. Она ползла на четвереньках, обходя кусты и дерево, пока за следующим не разглядела бледную в сажеруку. Аннабель взялась за нее и потянулась к обладателю. Под пальцами она нащупала что-то мягкое и сырое — это были волдыри, которые набухали и лопались под ее пальцами.

Виссарион был в полусознательном состоянии. Он лежал на спине и тяжело дышал; было ясно, что каждый вдох дается ему с трудом, но он все еще боролся.

— Эй, Ви... — но не договорила. Она взяла его лицо в свои руки и нежно погладила большими пальцами его щеки. Виссарион в ответ только закричал, однако глаз не открыл. Аннабель смотрела на него с надеждой, пока горящие ветки падали подле них. — я вытащу тебя, — Аннабель посмотрела на тропу, с которой пришла, чтобы убедиться в ее целостности. Ни одна упавшая обгорелая ветка не сказала ей об этом, но это был единственный путь, который был проверен.

Она обхватила Виссариона за плечи, попыталась взвалить на себя, но леший оказался для нее слишком тяжелым. От тяжести Аннабель уронила его на землю, и он вскрикнул.

— Прости, прости, — виновато прошептала она, глядя его по лицу, утешая. — погоди, я сейчас что-нибудь придумаю. — она осматривала лес, но он все также был в огне.

— Уходи.. — просипел Виссарион.

— Я тебя не брошу, — ответила Аннабель, даже не глядя на него. Она все еще была увлечена лесом.

Аннабель обхватила руку Виссариона крепче, оттолкнувшись ногами от земли, потянула его в сторону. Виссарион тихо захрипел: — потерпи чуть-чуть, — и еще раз потянула его в сторону. Только с двух подходов она сошла с места ровно на метр. Виссарион с каждым движением стонал, его глаза все еще были закрытыми. Аннабель еще сделала шаг и закашляла.

Внезапный ветер еще сильнее разогнал огонь и поднял дым с пеплом. Приступ кашля не уходил, но Аннабель снова и снова отталкивалась от раскаленной земли, таща за собой Виссариона.

Вскоре он и вовсе замолчал, переставая давать признаки жизни. А Аннабель легла спиной на землю, держа Виссариона за руку. По щекам потекли холодные слезы. Она поняла, что это и ее конец тоже.

«Умереть от удушья не самая лучшая смерть.» — с тоской подумала Аннабель, глядя в призрачное далекое голубое небо, а слезы одна за другой стекли по щекам и терялись где-то в волосах. Сердце стало замедлять свой ритм, Аннабель ожидала его последнего удара. Но, к ее несчастью, он не наступал. Приходило только полное бессилие. Она чувствовала, что не сможет пошевелиться даже ради своего спасения.

Она прислушивалась к звуку огня, тлеющих листьев и падающих веток. Но неожиданно среди шума ей послышался обнадеживающий звук воды. Аннабель перекатилась на бок, разняла свои руки с Виссарионом.

Было мутно в глазах, тропы были не различимы, вокруг был только огонь. Она проползла на животе вперед на ощупь. Глаза с трудом раскрывались, но слух заострился. Она проползла на животе метр, второй, третий, четвертый, пока под собой не почувствовала обрыв. От счастья Аннабель пошире раскрыла глаза и перед собой увидела неширокую, но быструю речку, уходящую вглубь леса, обходя огненные равнины.

Аннабель почувствовала первый проблеск облегчения и отзвук спасения. С надеждой в сердце она вернулась к Виссариону, и склонилась над его лицом: — сейчас выберемся, — уверенно прошептала Аннабель, — я придумала кое-что, — и прислонила свой лоб к лбу Виссариона. Он показался ей лихорадочно горячим и влажным, что ужаснуло ее, — давай отсюда выбираться, — прошептала она с еле различимой улыбкой. Она схватилась за его руку, чтобы тянуть дальше, но Виссарион промычал, что с первого раза Аннабель не смогла различить. Она подползла к нему, чтобы лучше слышать: — Мне больно, пожалуйста, не двигай меня, — слабым голосом сказал Виссарион.

— Больно? — неоднозначно переспросила Аннабель, глядя на Виссариона, а потом на тропу, что ведет к воде, — Ну да, точно, — спохватилась она, — тогда я тебя понесу! — с отчаянной решимостью сказала Аннабель.

Она перекинула руку Виссариона через плечо и постаралась его приподнять, заведомо зная, что не сможет сдвинуться и с места с такой ношей. Аннабель почувствовала, как хрустнули ее колени, и ослабила хватку.

И она снова потащила Виссариона за руку по земле, слыша, как он стонет от боли. От каждого вздоха боли Виссариона, по щеке Аннабель стекала новая слеза.

Она протащила Виссариона вперед, и эти пару метров показались ей непреодолимыми километрами. Когда обрыв показался перед глазами, Аннабель буквально рухнула на колени, задыхаясь от тяжести. Она с трудом разняла свои руки, пальцы заостенели и не слушались. Аннабель завалилась на бок у обрыва, прислонила щеку к земле и зашлась в горьком рыдании. Ей не хватало сил, чтобы сделать последний рывок. Слезы текли не переставая, и она была им рада, хоть что-то влажное коснулась ее горячих саднящих щек.

— Толкни меня, — едва слышно прошептал Виссарион, и Аннабель в мгновение замолчала. Она резко села, стерла тыльной стороной ладони слезы с щеки, шмыгнула и привстала на колени. На ее лице остались разводы от слез и грязи.

— Сейчас, — закивала Аннабель, понимая, что в теле остались только инстинкты.

Она повернула Виссариона на спину, чтобы посмотреть в лицо, его глаза были открыты. — Мне просто надо было отдохнуть, — она улыбнулась. Виссарион видел, как блестели ее глаза от слез, ресницы были мокрыми и склеились, а под слоем сажи виднелись красные щеки, но она улыбнулась сквозь боль.

Аннабель зачесала выбившуюся челку, откашлялась и обхватила Виссариона за пояс, попытаясь посадить. Леший был не в состоянии контролировать свое тело, потому практически сразу стал заваливаться на бок, но Аннабель вовремя его подхватила за пояс. Она встала и пошатываясь стала тащить за пояс Виссариона с бугра.

Спина быстро дала о себе знать, и в глазах уже стало темнеть, но стоило ногой ступить в ледящую воду, Аннабель открыла второе дыхание.

Она затащила Виссариона в речку, которая была глубока, что дна Аннабель не почувствовала. Она тянула Виссариона за руку, но сама была по самые уши в воде и часто отплевывалась. Вода чуть взбодрила и дала немного сил, но вскоре и они кончились, как только мышцы стали каменеть от усталости и холода.

Грести и тянуть за собой Виссариона оказалось не легче, чем тащить его по земле. Руки быстро устали, ноги стали часто путаться между собой. Ее все сильнее стало тянуть на дно; ее пару раз накрыло водой, и в третий раз выныривать из воды уже не хотелось.

И когда она вынырнула из воды, то поняла, что не сможет долго держаться. Виссарион был расслаблен и спокойно плыл за ней на спине, но Аннабель приходилось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы самой оставаться на плаву. По берегу не было ни метра свободного пространства, все было в огне. Аннабель не хотелось больше вдыхать дым и кашлять.

«Когда-нибудь лес кончится и нас точно прибьет к берегу, надо только потерпеть. Расслабься! Зачем ты так напрягаешь ноги? Успокойся! Вода тебе друг, почувствуй ее помощь.» — упрямо успокаивала себя Аннабель, пока тянула по воде Виссариона. Мантры спасали на пару тройку минут, а потом все снова возвращалось, но Аннабель не переставала себе это повторять, только стала говорить их шепотом.

— Все одно испытание в твоей жизни, и ты справишься. Расслабься. Самое страшное позади. — и с каждым словом вода все норовила попасть в рот, но Аннабель, как настоящий воин, боролась и с ней.

Они проплыли над горящим деревом, оно было перевалено с одного берега на другой. Их лица были в каких-то паре сантиметров от кусачих языков пламени. Когда они его проплыли, Аннабель обернулась, чтобы посмотреть еще раз на ужас, который творится с лесом. Она стала замедляться, руки быстрее уставали. Вода, что сначала даровала облегчение и силы, стала действовать в обратную сторону. зуб на зуб перестал попадать, Аннабель стала дрожать мелкой, неконтролируемой дрожью всем телом.

«Наверное, и губы посинели.» — подумала Аннабель, вспоминая, как мама прогоняла ее из воды, приговаривая про синие губы.

Со временем Аннабель стала ощущать илистое дно под ногами, а между огнями разглядела просвет солнца и небольшую полянку, не задетую огнем. В ту сторону Аннабель и потащила Виссариона, понимая, что в воде больше не может находиться.

Она тянула Виссариона по воде, пока уровень воды не снизился ниже колена. Она в мгновение почувствовала тяжесть в ногах, будто ей на плечи положили тридцать килограмм. Ноги подогнулись и плохо слушались. Аннабель буквально волочила их за собой.

Аннабель обхватила Виссариона за грудь и с последним усилием вытащила на берег, на мокрый песок. Ей удалось совсем чуть вытащить его из реки, ступни все еще обмывала вода.

— Виссарион? — ее зубы громко стучали, когда она нависла над ним. Аннабель заправила тяжелые мокрые волосы за уши; с них ручьем текла вода, тело продолжало содрогаться от холода. Но на ее зов Виссарион не откликнулся. В испуге Аннабель положила голову ему на грудь и прислушалась — сердце ровно и спокойно билось, этот звук стал ее счастливым

моментом во всей этой ситуации. Так она и оставила голову у него на груди, подвалившись к нему под бок. Его тело было горячим и согревало ее.

Смутное чувство безопасности, которое она ощущала рядом с Виссарионом, было одним из решающих моментов. Аннабель смотрела, как вода лениво бьется о маленькие камешки у берега, и продолжала дрожать. Она чувствовала, что они спаслись, но страх за их жизни не уходил. А когда Виссарион тяжело вздохнул и положил свою ладонь ей на плечо, Аннабель с чувством глубочайшего облегчения выдохнула.

— Мы спаслись, — блаженно прошептала Аннабель и позволила себе забыться.

Глава XVI: цена спасения

Аннабель открыла глаза и увидела пасмурное небо, местами почти черное; на нее падали холодные капли дождя, которые мучительно медленно стекали по щекам и лбу. Одна из капель, тяжело упавшая на кожу, окончательно пробудила ее. Она лежала на жестких грубо сколоченных носилках, которые двое мужчин несли обратно к замку. Монотонное покачивание почти убаюкивало, но острая боль в спине при каждом шаге носильщиков возвращала ее к суровой реальности.

Закрыв глаза, Аннабель попыталась вспомнить последние часы. Воспоминания пролетали, как кадры в фильме: яростный огонь, пожирающий лес, едкий удушающий дым, выжигающий легкие, и всепоглощающий страх, сменяющийся хрупкой надеждой, когда ее пальцы наткнулись на бездыханную руку Виссариона в пепле и дыму.

Она зажмурила глаза, пытаясь отогнать навязчивые образы. Несмотря на резь в легких, она дышала легче, наслаждаясь чистым воздухом, который позволял ей вдохнуть его полной грудью, не испытывая страха. Когда носилки наконец опустили на деревянную лавку внутри замка, она облегченно выдохнула.

В спине ощущалась неприятная, тянущая боль, и, как бы ей ни хотелось, она не смогла быстро подняться. Аннабель бегло осмотрела незнакомое помещение и снова закрыла глаза, чувствуя, как ее сознание пытается уплыть. Потребовалось несколько долгих минут и три попытки, чтобы окончательно собраться с силами и осмотреться. Вдалеке она заметила спину одного из друидов, который что-то растирал в ступе. Когда он повернулся, Аннабель узнала Ольгерда.

— Ты уже пришла в себя? — спросил он, подходя ближе. Лицо его выражало искреннюю заботу. — Ты нас всех перепугала. Это было опрометчиво с твоей стороны! — добавил он, усаживаясь напротив и вертя ступку в руках, — и очень смело. Но пообещай, что больше не будешь так рисковать. Мы с трудом нашли вас среди всего этого огня, страшно представить что было бы, если бы нам это не удалось.

Аннабель приподнялась на локтях, но от резкой боли скорчилась. Боль, тупая и ноющая, пронзила все тело. Ольгерд помог ей сесть, но дискомфорт не исчез. Она почувствовала, что одежда все еще мокрая и холодная, прилипла к коже. По телу прошел мелкий озноб.

— Давай обработаем раны, — сказал Ольгерд, беря её за запястье, на котором зиял глубокий длинный порез. Аннабель удивленно посмотрела на руку и не смогла вспомнить, когда это смогло произойти. В ее памяти все сохранилось в оранжевых нечетких образах, сопровождающие болью в спине и руках.

Друид аккуратно нанес зеленую пахучую мазь, которая слегка пощипывала, а затем перевязал руку лентой. — Тебе повезло, что у тебя всего лишь порез, остальное — ссадины и синяки. С хорошим отдыхом всё быстро заживёт, — он накрыл её плечи толстым шерстяным одеялом, и Аннабель облегченно выдохнула, ощущая желанное тепло.

— У меня спина болит, — просипела Аннабель. Голос был хриплым и чужим. Горло саднило, во рту стоял привкус гари. — Больно двигаться. - в памяти всплыли образы ее борьбы с огнем, окруживших ее и Виссариона.

Ольгерд положил свою широкую ладонь ей на поясницу, Аннабель вздрогнула. Он осторожно водил рукой по спине с небольшим нажимом. Каждое движение отзывалось свежей волной боли, и она не могла сдерживать гримасу. Спустя пару минут боль понемногу утихала, и Аннабель даже смогла чуть выпрямиться. Ольгерд еще дважды круговыми движениями провел по ее спине и отнял руки.

— Чувствую себя избитой собакой, — Аннабель обхватила себя руками. Она не поднимала головы, боясь, что любое движение вернет боль. Все ее существо было сосредоточено на

попытке не чувствовать. — Все болит, — она медленно повертела рукой в воздухе, прикусывая потрескавшиеся губы, — и в ушах звенит. — Она зажмурила глаза. — И одежда мокрая, — с грустью подытожила она.

— Я помогу с одеждой и головной болью, — сказал Ольгерд, уходя к столу. — Есть одно снадобье, которое отлично помогает от боли. — Он насыпал в глиняную кружку сушеные листья и залил их горячей водой из стоявшего на жаровне котла. Аннабель не видела его действий. Она попеременно закрывала и открывала глаза, стараясь держать себя в сознании. — Держи, — он поднес ей кружку с горячим напитком. — Это мята. Она поможет.

Аннабель сделала осторожный глоток. Травяной настой был золотистого цвета и пах летним лугом. Он обжег воспаленное горло, но почти сразу же принес успокоение. — М, будто медом горло смазали, — выдавила из себя Аннабель. Именно такое сравнение ей приходило в голову всегда, когда боль проходила после какого-нибудь лекарства.

— Выпей всю кружку, а я схожу к поварихам за одеждой. — и он ушел, оставив Аннабель одну.

— Боль уйдет, все пройдет, — прошептала она в кружку и допила остатки напитка. Тепло разлилось по животу, и ей стало немного легче. Дверь открылась, и Ольгерд вернулся со свертком, который положил рядом с ней на скамью. — А что это за комната? Здесь столько склянок и трав, — заметила Аннабель, глядя вокруг. Помещение было просторным, вдоль стен стояли шкафы, доверху заставленные банками и пузырьками с зельями. Пучки сушеных трав свисали с потолка, наполняя воздух горьковато-сладким ароматом. Посередине стояли деревянные столы и лавки, похожие на ту, на которой она сидела.

— Это лекарня. Мы здесь лечим людей и обрабатываем раны. Почти все друиды — лекари, так что таких комнат в крепости несколько. Переодевайся и выходи, я провожу тебя отдохнуть. — С этими словами он снова вышел за дверь.

Со стопами Аннабель слезла со скамьи и развернула сверток. Внутри оказались легкая льняная рубашка, просторные штаны из жесткой ткани и кожаные полуботинки. Она с трудом сняла мокрую одежду и натянула рубашку, с облегчением ощущая сухую ткань на коже. Штаны были чуть велики, но она подтянула их на талии, заправила длинные штанины в сапоги, и накинула одеяло. Одежда ощущалась лёгкой и свободной, словно её не было вовсе. Свои мокрые вещи она взяла с собой, чтобы просушить. У двери её ждал Ольгерд.

— Где Виссарион? Я хочу его видеть. — В голосе Аннабель звучала не просьба, а требование. Несмотря на слабость, ей нужно было убедиться, что он жив. Мысль о том, что он мог не выжить, заставляла ее сердце сжиматься.

— Он отдыхает. К нему нельзя, — ответил Ольгерд, и его взгляд стал уклончивым. Аннабель заподозрила неладное.

— Я все же хочу увидеть его! — Ее настойчивость, подкрепленная страхом, заставила Ольгерда передумать.

—Иди по коридору прямо до конца, потом налево и вверх по лестнице. Вторая дверь справа. Запомнила? — Аннабель повторила его слова про себя, затем пошла своим маршрутом. Ноги после долгого пребывания в воде были ватными и с трудом поддавались. После каждой ступени она останавливалась отдохнуть, облокачиваясь на стену. Она стояла с закрытыми глазами ровно до тех пор, пока в голове не всплывали образы горящего леса, свою тошноту и тот ужас, который сжимал ее горло. Аннабель покрепче взялась за одеяло и попыталась более не останавливаться. Выйдя из огня живой, она до сих пор боролась с ним в мыслях.

У двери Виссариона она остановилась, глубоко вдохнула, собираясь с духом, и толкнула дверь. Было не заперто.

Комната была залита тусклым светом, пробивавшимся сквозь ставни окна и пару огарков на столе. На кровати лежал Виссарион, лицом к входу. На звук открывающейся двери он не отреагировал.

Аннабель неслышно подошла. То, что она увидела, заставило ее кровь похолодеть. Его спина с обугленными крыльями и плечи были туго перебинтованы, но белая ткань местами пропиталась алой кровью. Аннабель непроизвольно прикрыла рот рукой. Между бинтами угадывались очертания ужасных ожогов, кожа была вздута волдырями, сочилась жидкостью.

Аннабель прошибло в пот. Воспоминания нахлынули, и ей стало тяжело стоять. Она облокотилась о спинку кровати. Его руки, лежавшие поверх одеяла, были забинтованы, и сквозь ткань проступали темные пятна от коричневой мази.

Лицо Виссариона было изможденным, искаженным гримасой боли даже во сне. Аннабель осторожно села на край кровати. Под тяжестью ее веса кровать скрипнула, и леший открыл глаза. Взгляд его был мутным и неосознанным.

Аннабель положила свою руку ему на лоб и поняла, что Виссарион еще не выбрался из огня — кожа пылала сухим, опасным жаром. Ее рука в сравнении с его кожей была льдом. Аннабель почувствовала мелкую дрожь в его теле, потому поправила одеяло. Она хотела уйти, чтобы дать ему отдохнуть, но Виссарион слабо сжал ее пальцы.

— Не уходи, — прошептал он, почти не открывая рта. — С тобой я в безопасности. — И, казалось, снова уснул. Сердце Аннабель сжалось от жалости и чего-то еще, более теплого чувства, которое настигло ее еще у него в хижине. Глаза наполнились слезами, которые медленно стекали по щекам и терялись где-то под одеждой.

Она прилегла рядом, стараясь не задеть его раны, и устремила взгляд на его лицо, которое, хоть и выглядело более спокойным, все еще выдавало боль. Она осторожно положила руку ему на щеку и заметила, как брови дернулись, но глаза он уже не открыл. Аннабель смотрела на него, не веря, что несколько часов назад они были в огненном плену, а сейчас находились под защитой замка и друидов.

— Я рада, что ты жив, — прошептала она, накрывая ладонь Виссариона своей.

— Я тоже, — тихо ответил он, Аннабель улыбнулась и сморгнула слезы. — Отдохни. Ты боролась за нас двоих. Я чувствую, что твои силы иссякли.

Поддавшись усталости и успокоенная его дыханием, Аннабель закрыла глаза. Тело всё еще ломило, в ушах звенело, но она с удовольствием расслабилась, отдаваясь во власть сна. Аннабель подремала около двух часов, то просыпаясь от кошмаров, то снова проваливаясь в забытие. Ей снова снился горящий лес, она бежала сквозь стену огня, чувствуя, как пламя лижет ее кожу, оставляя после себя кровавые пятна. Сквозь сон она чувствовала боль в спине и руках.

Она дергалась и мотала головой во сне, пока не раздался громкий шум за окном. После первого гремящего звука Аннабель дернулась, но не открыла глаз. Когда последовал второй грохот и сильный толчок, от которого задрожали стены, она резко села на кровати.

Схватившись за голову, она потеряла глаза. В ушах дребезжало. Не успев понять, что происходит, она вновь почувствовала толчок, на этот раз более сильный. Сердце заколотилось в предчувствии беды. Подбежав к окну, Аннабель выглянула на улицу.

Глава XVII: стрела в небо

Поля, которые люди еще днем окучивали, сейчас полыхали яростным огнем. Пламя стремительно и неумолимо приближалось к домам у стен замка. Хотя стояли глухие сумерки, зарево пожара зловеще освещало небо, и Аннабель отчётливо видела в нём силуэты больших птиц.

— Что происходит, Аннабель? — хрипло спросил Виссарион, едва приоткрыв глаза. Выглядел он не лучше, чем пару часов назад. — Почему молчишь? — Она не ответила, лишь тихо подошла и крепко обняла его за шею, прижавшись лицом к его больному плечу.

— Что случилось? — встревоженно повторил он и стал успокаивающе гладить её по спине. — Что там за окном? — Только тогда Аннабель разняла руки и посмотрела ему в глаза.

— Огонь. Снова всё в огне, — её собственный ледяной тон поразил её. — Похоже, кто-то поджёт поля. Специально.

Виссарион попытался быстро сесть, но еще не зажившие раны мгновенно замедлили его. Лицо в одночасье побледнело, а с губ сошел тяжелый выдох, но усилием воли Виссарион поднялся, всем весом опираясь на Аннабель. Они медленно подошли к окну.

— Это Вольмир, — с обречённостью в голосе произнёс Виссарион и отошёл. В его осунувшемся лице Аннабель увидела непривычный ей испуг. — Он пришёл за мной. До этого у него не вышло меня убить, решил довести дело до конца.

— Что? Как это за тобой? — Аннабель не понимала. — Ты же надежно скрыт от него, или я что-то в прошлый раз упустила? — Она пристально смотрела, как он вновь и вновь подходил и уходил от окна и опирался руками о подоконник. В его потухших глазах отражалось безжалостное пламя. Его взгляд был ей знаком, ведь именно так она представляла свои собственные глаза. Глаза, которые смогли пережить смерть.

— Я снял с себя руны, — тихо произнёс он, судорожно схватившись за плечо, будто оно внезапно заболело.

— Как это снял? — голос Аннабель дрожал от недоумения. — Они же в прямом смысле вбиты в твою кожу!

— Я выжег их огнём, — его слова заставили Аннабель отойти от него на пару шагов. Ей казалось, что все ожоги, что она видела на его теле, были получены в результате пожара в лесу. От услышанного ее передернуло.

— То есть как? — Она перемялась с ноги на ногу. — Весь этот безумный огонь в лесу... — Аннабель запинаясь, вспоминая, как из последних сил тащила его через горящий лес. — Мы чудом спаслись! Я тащила тебя через весь этот ад!

— Да, — бесстрастно согласился он, — ты действительно чудом спасла меня, но эти ранения я нанёс себе сам, чтобы найти ангела.

— Но ты мог погибнуть!

— Я нашёл ангела. Я знаю, где он! — его слова звучали отрешённо и задели Аннабель. — Я думаю, мы можем освободить его из плена! Поверь, все, что произошло в лесу не стоит того! У нас есть оружие против Вольмира, — Виссариона взял ее за плечи и слегка потряс, — мы сможем его убить! — его глаза на минуту заискрились ненавистью. В них Аннабель не узнавала глаза цвета янтаря, запавшие ей в душу. По щекам Аннабель потекли слёзы. Она вспомнила, как несла его через лес, человека, который для неё значил многое. Сейчас перед ней стоял другой Виссарион, его она не знала.

— Я спасла тебя! — всхлипывала она. — Я хотела, чтобы ты выжил! А ты... как кукла! — Она повернула его лицо к себе, но в его глазах не было ни благодарности, ни сожаления. — Ты очень нужен мне сейчас, именно ты! А не какой-то ангел!

— Мы должны спасти ангела. И тогда война будет выиграна. Нет ничего важнее!

—Но..— Слова и искренние слёзы Аннабель, казалось, не трогали его. То, что он использовал магию души все же изменило его. Хоть Виссарион и сам это понимал, он был не в состоянии остановиться. Глаза Аннабель, обрамленные белыми ресницами, на которые он любовался в своей хижине, более не трогали его сердце, остались лишь воспоминания.

Аннабель вытерла слёзы и шмыгнула носом.

— Боюсь, ты сгорел в том лесу окончательно.— с горечью произнесла она, выходя из комнаты.

—Нет, я просто стал самим собой,— молча дополнил Виссарион, но Аннабель его слов не услышала. Виссарион понимал, что нанес ей рану куда больнее, чем те, что есть у нее сейчас. Виссарион превратился в себя прежнего - машина, исполняющая приказы. Он вернул свое ангельское эго, хоть ангелом он и не был больше. —Ты не должна идти в лес! Вольмир не должен знать, кто ты! Не ходи в лес, — Виссарион смотрел на неё, но в его глазах была пуста. Магия, которую он черпал от души, чтобы найти ангела, выжгла в нем часть человечности. Она просыпалась и так же быстро испарялась.— Он не должен тебя видеть!

— Он или ты?

— Он. Ты чрезвычайно важна! И ты должна быть в полной безопасности.

— Я не буду сидеть сложа руки, когда людям по-настоящему плохо! Я не представляю для него никакой угрозы, даже если кто-то твердит обратное! — С каждой фразой в её голосе росла обида. — Я просто человек. Я не смогу победить Вольмира, но я могу помочь раненым, приготовить еду голодным или хоть как-то потушить этот проклятый огонь! А если ты считаешь, что я чудом смогу спасти мир, то ты глубоко ошибаешься! Я даже тебя спасти не смогла.

— Тебе и правда по силам одолеть Вольмира. — Виссарион упрямо не хотел обращать внимание на ее слова о нем. Ему не хотелось доставлять ей боль своим безразличием, с которым он боролся в глубине души.— Я никогда не ошибаюсь.

— Это твоя первая роковая ошибка, — с этими словами Аннабель решительно вышла из комнаты.

— Я не ошибаюсь, ведь ты ангел, — тихо произнёс Виссарион, но Аннабель его уже не слышала.

Она побежала вниз, к шумному внутреннему двору, где у величественного дуба сутились люди с звенящими ведрами. Торопливо, пока спускалась по лестнице, она стерла слезы с щек, сделала два глубоких вдоха через нос и выдохнула через рот. Ей не хотелось, чтобы кто-то видел ее слезы.

Массивные ворота замка были распахнуты настежь, и она видела, как поселение за стенами горело. Люди кричали от ужаса, кто-то был охвачен пламенем, а тех, кто чудом успел спастись, поспешно пропускали внутрь

Аннабель не раздумывая подбежала к Ольгерду, который растерянно встречал раненых и направлял их в переполненную лекарню.

—Могу чем-то помочь?

Ольгерд был в саже и слишком встревожен, чтобы сразу ответить на её вопрос. Он быстро осматривал каждого раненого и отправлял по разным комнатам. Его глаза осматривали раны с такой скоростью, что лицо выглядело отрешенным.

—Ну же, не томите!

— Я пытаюсь хоть как-то помочь людям, мне сейчас некогда! Сходи к Августу, он командует у стен крепости, — отрывисто сказал он и ушёл в лекарню за последним раненым человеком.

Едкий густой дым пеленой висел над небом, но яркое зарево пожара давало достаточно света, чтобы Аннабель смогла разглядеть Августа у крепостной стены.

Она бежала пробираясь к стене, неуклюже сталкиваясь плечами с обезумевшими от страха людьми. Аннабель ловко проскочила через узкую сторожевую дверь. Август громко управлял спасательными отрядами по тушению огня.

— Давайте – давайте, нам нужна ещё вода! Больше воды! — командовал он, передавая пустые звонкие вёдра и возвращая их наполненными. Когда Аннабель подбежала, он посмотрел на неё с недоверием. — Что ты здесь делаешь?

— Я хочу помочь! — в её голосе звучало отчаяние. Жар от огня обжигал её ещё не зажившую нежную кожу. — Что нужно делать?

— Твоя помощь не нужна! Помоги Ольгерду с ранеными!

Но Аннабель быстро выхватила у него два ведра полных до краев водой и бросилась к горящим домам. Она вылила одно ведро, затем другое на стену дома, но это было каплей в море. Она вернулась к Августу:

— Ты можешь вызвать дождь? — глядя на нее с вызовом, Август прищурился. Аннабель ответ поняла: Август был еще слишком мал, чтобы знать такую магию. — тогда надо найти свободного друида, который сможешь нагнать дождь! — Но Август крепко схватил её за локоть и силой потянул обратно к замку.

— Я сказал тебе не приближаться к пожару! Иди в укрытие и сиди. Защита замка не полностью распространяется на дома близ стен.

Как бы там ни было, твоя жизнь важна.

— Как и жизнь всех остальных! — Она вырвала руку и снова взялась за вёдра. — Кого охранять, если все сгорят. Если друиды могут вызвать дождь, то пусть сделают это немедленно. — Аннабель остановилась и обернулась к нему, — сделай это, ради бога! Иначе мы все погорим.

— Я поищу кого-нибудь из друидов. — уже более миролюбиво ответил Август.

— Тогда делай! А я побуду полезной! — И они разошлись в разные стороны.

Крики раненых сливались с треском огня и шипением воды. Огонь перепрыгивал с крыши на крышу, поглощал своими дьявольскими щупальцами сено, поля и людей. Их трупы аккуратно лежали в стороне и пахли подгорелым мясом. При взгляде на них, у Аннабель подступила тошнота к горлу, но она сглотнула. И, отвернувшись, пошла дальше, молясь не оказаться на их месте.

Аннабель приняла из дрожащих рук старого мужчины два полных ведра. Он упрямо поднимал их из колодца, пока по его лбу обильно струился пот. Она скупое, скорее из понимания беды, улыбнулась ему и побежала обратно, расплескивая воду по пути. Ужас, охвативший ее сердце, только усиливался. Она чувствовала, как по телу бежит холодный пот, и руки слегка подрагивают.

Когда она выплеснула воду на пылающую стену, до неё донёсся пронзительный детский плач. Это был безудержный крик, разрывающий сердце. Она бросила вёдра и побежала на звук. Дверь в горящий дом была распахнута и объята пламенем. Аннабель прикрыла рот и нос рукой и нырнула в дом.

Внутри огонь уже пожирал мебель и балки, но ещё оставались маленькие нетронутые участки. Аннабель с содроганием вспомнила лес, острую боль от ожогов и удушливый дым, но, как и тогда, решила не сдаваться.

— Где ты? — закричала она, заходя в одну из комнат, но там никого не было. Она прижимала воротник рубашки к носу, чтобы можно было хоть чуть дышать, но дыма и огня, конечно, было больше. — Я помогу, где ты?

В соседней задымленной комнате, в углу, ещё не тронутым коварным огнём, она увидела плачущую девочку. — Иди ко мне! — Аннабель протянула к ней руки. Девочка не сопротивлялась, и Аннабель, подхватив её, прижала к себе, укрывая её лицо своим плечом, и направилась

к выходу. Она чувствовала, как девочку бьет дрожь. Ее саму была такая же, но она старалась быть сильной ради них двоих.

На улице к ней подбежали двое мужчин, предлагая забрать девочку, но Аннабель отказалась. Она так сильно прижимала ребенка к себе, что пальцы заостенели.

Боль от недавних ожогов вспыхнула с новой силой под жарким дыханием пожара.

— Я сама её отнесу, — она шла медленно, девочка на удивление была тяжелой. Еще в доме она этого не заметила, но когда все было позади, ощутила настоящую тяжесть.

Она быстрее дошла до аптеки, где Ольгерд, Товий и Бажен поспешно перевязывали раны и поили людей снадобьем.

— Ольгерд, — крикнула Аннабель, — возьми её, — она бережно усадила девочку на табурет. — Я нашла её в горящем доме.

— Ты что? — Ольгерд, торопливо осматривая девочку, выглядел встревоженным. — Тебе нельзя было идти в огонь! Зачем ты туда полезла? — Он протянул ребёнку чашку с питьём, а затем подошёл вплотную к Аннабель. — Не ходи никуда больше! — Он внимательно осмотрел её лицо и руки, пока не убедился, что кроме сажи и копоти, серьёзных повреждений нет.

— Я попросила кого-то из вас вызвать дождь! А вы все еще здесь! Почему вы ничего не делаете? — Аннабель отстранила от него руки.

— Мы не волшебники, чтобы вызывать его по велению! — прищелкнул языком Ольгерд. Замечание Аннабель его задело. — мы и так его вызывали, чтоб потушить лес, воспользовавшись силами Древа. Если мы сделаем это вновь, оно окончательно ослабнет и станет беззащитным.

— Если не погасить огонь, он переберется внутрь и сожжет дерево! Нужно сделать выбор! А сейчас нет ничего страшнее огня, с остальным разберемся позднее.

— Я не могу принять решение в одиночку, надо посоветоваться с остальными, — уже более спокойно сказал Ольгерд. Он знал, что в словах Аннабель была доля правды, но этот риск мог стоить им всей жизни. — Пока что нам надо разобраться с грифонами Вольмира. Их сдерживают чары Древа, но если мы воспользуемся его силой, они с легкостью пробьют щит замка. Будет слишком опасно.

— Их нужно отогнать? — Аннабель не совсем понимала, к чему он клонит.

— Хотя бы проконтролировать, чтобы никто не просочился сквозь защиту. Август сейчас командует стрелками на башне за пределами защиты Древа, но, похоже, безуспешно. Может, ты сможешь помочь им.

— Спасибо. — Аннабель быстро выбежала к древнему Древу и посмотрела вверх, пытаясь найти Августа. Она заметила его на южной башне и бросилась туда.

В небе сгустились грозные тучи, и воздух запахло дождем, но ни одной капли пока не упало.

— Август! — закричала Аннабель, пробираясь сквозь толпу мужчин, натягивавшими тетивы. — Август!

Надменный Подмастерье друидов сначала делал вид, что не слышит, но когда она позвала в третий раз, он наконец не выдержал.

— Ну чего тебе, чужачка? — он обернулся к ней. В лицо было недовольство. Август смотрел свысока, нахмутив брови и сжав губы. На его колкий вопрос Аннабель закатила глаза. Откровенная неприязнь Августа её раздражала.

— Нужна помощь? — спросила она, глядя на грифонов, круживших высоко в небе. Стрелы от них легко отскакивали, словно они были в броне.

— Какая здесь от тебя помощь? Лучшие охотники-стрелки не могут отогнать грифона, а ты внезапно сможешь? — Аннабель пожала плечами. Она и сама знала, что не сможет даже натянуть тугую тетиву. Грифоны летали над замком и над лучниками, пытаясь ухватить хоть

кого-то своими острыми когтями. Но стрелы, выпущенные одновременно, отпугивали их и либо застревали в их толстой шкуре, либо улетали мимо. — Я так и думал. Ты здесь лишняя, уйди! — Он отвернулся, снова отдавая команды стрелкам. Грифоны лавировали в небе, как мелкие рыбешки в речке. — Натянуть тетиву! Целься! Стреляй! — он командовал шестью уставшими лучниками на стене, но все попытки были тщетны.

Аннабель уже собиралась уйти, когда один из мужчин, поджарый, с испачканным потным лбом и грязной косынкой на голове, схватил её за локоть. Из-под косынки выбивался рыжий кудрявый локон. Его миндалевидные глаза блестели в свете огня, а юное лицо было серьёзным.

— Я знаю, что в одной из дальних башен есть старая баллиста, способная убить кого угодно. Но нас туда не никто пустит, а для тебя, вроде как, двери открыты. Если правда хочешь помочь, найди её, — тихо сказал он, чтобы никто не услышал, и, улыбнувшись, добавил: — Только не подстрели никого из нас! Удачи!

Аннабель кивнула и спустилась вниз, в лекарню, чтобы расспросить Ольгерда об оружии. Она застала его за перевязкой раненого мужчины. Друид усердно обматывал бинтом его спину и руки, скрывая глубокие рваные порезы. За спиной мужчины Аннабель смогла разглядеть колчан со стрелами.

— Это от когтей одного из грифонов, — мрачно пояснил Ольгерд, когда Аннабель подошла ближе. — он вышел за пределы защиты замка, вот его и схватили. Чудом смог вырваться и заползти в купол Древа. Такие раны будут заживать очень долго. — Вздохнув, он взглянул на Аннабель. — Ты вся в грязи. Была за стеной? — Она кивнула. — Чудом осталась жива. Там столько грифонов, тебя кто угодно мог бы схватить. Не делай так больше, а то...

— Да-да, хватит, — нетерпеливо перебила его Аннабель. — Мне сказали, что в одной из башен есть баллиста. В какой именно?

— В юго-восточной, — ответил Ольгерд не задумываясь. — Но ей давно никто не пользовался, боюсь, она даже не работает. А что такое?

Аннабель лишь махнула рукой, выбегая на улицу.

Перед тем как подняться на башню, Аннабель заметила, как Геронтий, Товий и Ананий собрались у корней Древа, возложили руки на ствол и замерли в безмолвной молитве.

Юго-восточная башня была самой дальней и наполовину сгоревшей; у неё частично отсутствовала крыша и часть стены. Она никогда там не бывала и не знала, какая лестница ведёт к ней. Во дворе она столкнулась с друидом Варлаамом и хотела спросить дорогу, но он опередил её, частично прочитав ее намерения в голубых испуганных глазах.

— Я чувствую, что ты замышляешь что-то опасное, но в то же время отважное, — он указал пальцем на неё и хитро прищурился. — Иди через весь замок до упора, затем налево, также до упора. Там будет неприметная такая дверь — она скорее всего не заперта. За ней будет то, что тебе нужно, — он кивнул и отвел от нее глаза. Он понимал, что ее затея опасна для них всех, но был готов пойти на риск ради спасения людей.

— Спасибо, — торопливо сказала Аннабель, приложив руку к груди в знак благодарности, Варлаам сделал тоже самое.

Она быстро нашла нужную дверь. Аннабель бросила короткий взгляд назад, полный решимости, на пустой коридор, и резко открыла дверь, за которой оказалась винтовая лестница.

— Чёртовы лестницы, — раздражено пробормотала она, остановившись на полпути, чтобы отдышаться. Ей оставалось преодолеть ещё около тридцати крутых ступеней, что она и сделала, собрав всю волю в кулак. На площадке у двери она оперлась о шершавую стену, пытаясь восстановить дыхание. Ноги дрожали от усталости.

Дверная ручка была железной и ржавой и поддалась не сразу.

— Ты должна быть открытой! — сквозь стиснутые зубы пробормотала Аннабель, изо всех сил потянув дверь на себя. Но та лишь жалобно скрипнула. — Я не позволю какой-то старой

дряхлой двери остановить меня! — Она упрямо уперлась ногой в стену и дёрнула изо всех сил, пока между дверью и косяком не образовалась узкая щель. Протиснуться внутрь было непросто, но полностью открыть дверь ей так и не удалось. Впрочем, теперь это было и не нужно. Она глубоко вдохнула и протиснулась через небольшую щель.

С трудом переставляя задеревеневшие ноги — мышцы ныли от подъёма — Аннабель быстро оглядела круглое пыльное помещение. Вдоль стен стояли три сосновых шкафа, а в центре находилась баллиста.

Она была не заряжена, и стрел рядом Аннабель не увидела. Перебирая разбросанные по полу свитки, она искала что-то похожее на огромное железное копьё.

Тщательно обыскав пол и заглянув во все потаенные углы шкафов, где находились лишь ненужные пергаменты, она уже отчаялась. За одним из шкафов она краем глаза заметила то, что показалось ей блестящий наконечником. И с восторгом в груди, она подбежала к ней, древко оказалось напололам сломано.

В минутном гневе она отшвырнула бесполезный обломок. Надежда быстро таяла. Она была готова отказаться от этой безумной затеи.

Отчаянии она запрокинула голову к потолку, мысленно ругая всё на свете. Простояв так с минуту, Аннабель решила уйти.

И почти машинально, без особой надежды, она провела рукой по верхней полке шкафа. Пальцы наткнулись на остриё, и резкая боль пронзила пальцы. На них остались небольшие капельки крови, которые Аннабель растерла о штанину.

Она вытащила две тяжёлые железные стрелы длиной в полтора метра. И покрутила в руке — они оказались весьма тяжёлыми.

Интуитивно, не имея никаких знаний, она неумело уложила стрелу в жёлоб, направив наконечник в небольшое окно. Нащупав тетиву и ржавый механизм спуска, она нашла нужный рычаг.

— Ну, если не получится, то и бог с ним, — устало пробормотала она, прицеливаясь в темное небо. Грифонов в поле зрения не было, поэтому она смело высунулась в окно, чтобы их найти. Хищные птицы по-прежнему кружили над замком, временами опасно снижаясь.

Вернувшись к орудию, она ждала, пока в зоне поражения окажется хотя бы одна цель, грифоны не заставили себя долго ждать.

В небе мелькнуло чёрное крыло, и она, закрыв глаза, нажала на рычаг. Но механизм был старым и не сработал, а грифон скрылся из виду. Аннабель нажимала на спуск снова и снова, но тот упрямо не поддавался.

Она уже до крови кусала губы от злости и беспомощности, видя, как грифоны пролетают мимо, оставаясь недосягаемыми.

Когда терпение окончательно лопнуло, Аннабель в слепой ярости ударила по рычагу, и тот неожиданно сработал.

Отдача была чудовищной. Её отбросило, и она, падая, сильно ударилась спиной и затылком об пол. Удар полностью выбил воздух из груди. В глазах моментально потемнело, оттого Аннабель не сразу поняла, что произошло. Она схватилась за грудь, нащупывая место, которое, как ей казалось, болело. Она лихорадочно дышала, боясь не надыхаться, и всматривалась в небо, стараясь нормализовать зрение — все плясало.

Не вставая, она прощупала затылок, но ничего кроме пульсации не почувствовала. Голова от удара заболела тупой ноющей болью.

Она с трудом села, пытаясь собраться: — Нельзя, — сдавленно прошептала Аннабель, имея в виду, что нельзя просто так сдаваться. Она поползла к окну. Стрела пролетела мимо цели, не задев ни одного грифона. Тогда, опираясь на стену и прижимая руку к звенящей голове, она пошла за второй стрелой.

Голова гудела, затылок пульсировал, а спина ныла, в глазах плавали тёмные пятна. С усилием сглотнув горький ком в горле, она старалась не думать о боли, распространяющейся злостной паутиной по всему телу.

Опираясь на баллисту дрожащими руками, она кое-как взвела тетиву. Ухватившись за рычаг обеими руками, она подняла прицел, наведя его чуть выше полыхающих крыш.

Пошатываясь, Аннабель осторожно отошла от баллисты, чтобы её снова не отбросило. Но ноги подкосились, и она опустилась на колени. Оставшись сбоку от орудия, она обеими руками дёрнула за спусковой рычаг. Стрела со свистом полетела в небо.

Аннабель не стала ждать результата; от тяжести в голове её замутило. Она опустила голову на холодный каменный пол. Ей совсем не хотелось вставать, и она уже решила остаться здесь, удобно свернувшись калачиком на полу. От холода по телу побежала дрожь. Она засунула руки под тонкую рубаху и обхватила себя ладонями, но дрожь не унималась.

Сознание постепенно стало затуманиваться, сердцебиение замедлилось. Но сквозь этот обманчивый покой стали пробиваться отдаленные крики людей у стен башни. Звуки множились, и каждый вопль отдавался в её голове новой пульсацией.

«Неужели все-так попала?» — слабо мелькнуло у неё в голове. Аннабель уперлась локтем в пол, приподнялась и, найдя шаткую опору в неподвижной баллисте, встала на ватные ноги. Она ещё плохо держалась, голова кружилась, но одна только мысль о возможной победе придавала сил. Она подошла к окну и с высоты увидела на площади, около Древа, чёрного грифона с торчащей стрелой в боку. Внутри она безудержно ликовала, но на лице это почти не отразилось.

Она хотела немедленно спуститься, чтобы увидеть свою первую добычу ближе, но, обернувшись, увидела в дверях Виссариона с бледным испуганным лицом. Аннабель сделала шаг к нему с натянутой улыбкой, болью в глазах, но ноги подкосились. Виссарион успел подхватить её.

— Что ты наделала, глупая? — сдавленно прошептал он, крепко держа её в объятиях. Он бережно заправил прядь волос ей за ухо. Он смотрел на нее не отводя взгляда, но в душе он боролся с любовью к Аннабель и, поработившей часть его души, холодностью. Виссарион старался всеми силами удержать в себе доброту души, он крепко держался за воспоминания тех чувств, которые он начал испытывать к Аннабель.

Виссарион чувствовал, как Аннабель слабеет в его руках, но его поразила улыбка на её лице — улыбка победителя.

— Я убила грифона, — едва слышно, но гордо прошептала Аннабель. - Я хочу на него посмотреть! — но веки её предательски смыкались. Адреналин давно ушел и оставил после себя усталость, боль от удара об пол и саднящее от каждого прикосновения тело после пожара. — помоги мне. — Аннабель полностью обмякла, понимая, что без поддержки не сделает и шага.

— Хорошо, — и Виссарион подхватил её на руки. Ожоги напомнили о себе, и он невольно скривился. Он успел донести ее до ступеней, но Аннабель прошептала:

— Я сама, — неожиданно сказала Аннабель. Ей было жаль его. Его руки были в бинтах смоченные кровью. — Всё в порядке. Я просто упала. — И Виссарион осторожно опустил её на ноги. Она стояла неуверенно.

— Давай я лучше отведу тебя отдохнуть? Нет смысла смотреть на мертвого грифона. — Виссарион держал её лицо в ладонях, пытаясь поймать её блуждающий взгляд. Но Аннабель упрямо отводила глаза. — А тебе нужен сон, долгий и крепкий. Ты плохо выглядишь, — с грустью констатировал Виссарион. Аннабель и сама понимала, что выглядит не лучшим образом. Хоть зеркал в Мелроде и не было, Аннабель могла представить на что стали похожи ее волосы: белый спутанный комок, который не поддавался на ее уговоры, а тело было похоже на большое

синее пятно — удар о череп, блуждание по горящему лесу — дали свои плоды. Теперь к списку ушибов добавится и удар об пол от удара баллисты.

— Сначала я увижу грифона! — с упрямством сказала она. Она сделала шаг к двери, но силы изменили ей. Виссарион поддерживал её на первых ступенях, а затем снова понёс на руках.

Она то открывала глаза, то закрывала, чувствовала только невесомость и горячие руки Виссариона на своем теле, и, когда она в очередной раз открыла глаза, заметила, что они недалеко от Древа.

С мрачного, затянутого тучами, неба капали мелкие холодные капли дождя. Аннабель с наслаждением подставила лицо под капли. Они стекали со лба и по щекам, успокаивая саднящую от огня кожу. Аннабель почувствовала легкое облегчение.

«Им все же удалось.»— с улыбкой подумала Аннабель, глядя в небо. Где-то за серыми тучами просвечивалось яркое солнце. Это был любимый момент Аннабель : в воздухе пахнет сырой землей и зеленью, небо мрачное, но под ним скрывается бледной точкой солнце.

На огромной площади толпился народ вокруг мёртвого грифона. Виссарион, тихо опустив Аннабель на ноги и продолжая её поддерживать, растолкал плотное кольцо зевак. Аннабель разглядела окружающих ее людей и заметила, как сильно устали их глаза и руки от бессонной ночи, как глубоки их раны после пожара, но это не остановило их перед лицом опасности.

Аннабель заметила среди толпы и Августа. Он стоял поодаль, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с непроницаемым лицом. В его взгляде не было благодарности — только холодное любопытство.

— Ты и правда попала, — раздался голос за спиной. Аннабель посмотрела на Августа с вызовом и высоко подняла лицо, — Август стоял у нее за спиной, мрачный и уставший. — Не думал, что у тебя хватит духу.

Из укрытий потихоньку выбирались женщины и дети и также подходили к толпе у Древа. С опаской, боязливо они смотрела на труп грифона с испуганными глазами. Кто-то дёрнул её за штанину. Аннабель опустила глаза — та самая девочка, чумазая, с огромными испуганными глазами.

— Спасибо, — прошептала девочка и тут же убежала в толпу. Аннабель даже не успела ей что-либо ответить, как девочка скрылась за одной из дверей хлева.

Аннабель сквозь пелену усталости смогла рассмотреть получше: все друиды, сидевшие на корточках у лап грифона, о чём-то шептались. Она поняла, что все смотрят не на грифона, а на человека, лежавшего под ним.

— Как он мог упасть внутрь? — услышала Аннабель чей-то удивлённый шёпот.

— Ведь купол должен защищать!

— Это же слуга Вольмира, он управлял грифоном!

Аннабель была удивлена не меньше. Ей и в голову не могло прийти, что кто-то может повредить защиту замка, которую так старательно удерживает Древо. Ей была неизвестна его настоящая сила и его история, но друиды поклонялись ему и ей этого было достаточно, чтоб понять его могущество.

Геронтий, стоявший рядом с телом, медленно поднялся. Лицо его было мрачнее тучи.

— В тот миг, когда стрела поразила грифона, мы вызывали дождь, — глухо произнёс Геронтий, глядя на Аннабель. В его глазах читалась тяжёлая вина. — Мы воспользовались силой Древа, чтобы погасить огонь. Желание пойти против силы природы — опасная вещь. За это надо платить.

Купол на секунду ослаб — ровно настолько, чтобы тяжёлая туша проломилась сквозь него. А этот, — он указал на человека под грифоном, — видно на нем сидел и управлял им. — Он кивнул на человека под грифоном. Тот был ещё жив — грудь слабо вздымалась, на губах пузырилась кровь.

— Вольмир знал, что мы пойдём на это, — тихо добавил Ольгерд. Он вышел из лекарни, чтобы посмотреть на сбитого грифона. Его руки были частично в крови, которую он пытался оттереть лоскутом мокрой ткани. — Он ждал. Это была ловушка. Сжечь поля, чтобы мы ослабили защиту. Думаю, он хотел сам сюда попасть, но видимо не успел, или он даже и не планировал. Сложно узнать его настоящие намерения. — Ольгерд почесал бровь.

Аннабель похолодела. Она спасла замок от огня ценой того, чтопустила врага.

— Я... я не знала... — прошептала она, но Виссарион только крепче сжал её талию.

— Ты не могла знать, — тихо сказал он. — Ты сделала то, что должно. А с этим... мы разберёмся.

Человек под грифоном зашевелился и открыл мутные глаза. В них горела ненависть, узнаваемая — та же, что была в глазах Вольмира.

— Я здесь... — прохрипел слуга, глядя куда-то в сторону Виссариона. — Я не предаю... И потерял сознание.

Глава XVIII: пленник в маске

Аннабель открыла глаза, почувствовав резкий запах нюхательной соли. Первое, что она увидела, это забинтованную руку лешего, бережно протирающую ей лоб мокрой марлей, и хмурое лицо. Его лоб рассекли две глубокие морщины, которые не ушли даже после открытия глаз Аннабель. Аннабель убрала его руку, когда Виссарион в очередной раз приложил марлю ко лбу. Виссарион озадаченно поднял бровь, но не обронил ни слова.

Аннабель хотела привстать на локтях, но тело заломило. На помощь пришел Виссарион, он аккуратно поднял подушку у нее за спиной, помогая ей сесть.

Аннабель незамедлительно вытерла лицо рукавом рубахи, и с облегчением вздохнула.

— Ты выглядишь значительно лучше, — сказала Аннабель, смахивая волосы со лба. Виссарион действительно стал выглядеть чуть бодрее, чем пару часов назад. Лицо более не было землистого оттенка, а на забинтованных руках почти не было капель крови.

— Я же Ангел, хоть и падший, — пожал плечами Виссарион. — мы быстрее выздоровлеваем, чем люди.

— Понятно. Ну, а у меня всё ещё болит голова и тело, — простонала она. Виссарион ловким движением рук подхватил стакан с тумбы и уже протягивал Аннабель, — что это? — в нос ей ударил резкий неприятный запах, похожий на запах прелой мокрой одежды.

— Это травяной сбор. Он немного облегчит головную боль. А потом ты хорошенько выспишься, чтобы зажило все остальное.

— Спасибо, — Аннабель взяла кружку в руки и попеременно их меняла — напиток оказался очень горячим. Аннабель слегка подула и сделала маленький глоток. Несмотря на запах, питье оказалось вкусным. — Но спать я не хочу, — и она сделала еще один обжигающий глоток. — Тот человек, которого я сбила, где он? — после ее вопроса, лицо Виссариона стало еще более хмурым. По челюсти лешего забегали желваки.

— Его отнесли в хлев. Там охраняют и решают, что с ним делать. — процедил сквозь зубы Виссарион. Он нарочно не смотрел ей в глаза, не желал выплескивать на нее свою злобу. Злобу на Вольмира, на отсутствие благодати в себе, на предстоящую войну, в которой Аннабель должна сыграть решающую роль.

— Так кто это был?

— Ренальд, — коротко ответил Виссарион, прикрывая глаза рукой и массируя переносицу - голова раскалывалась от множества мыслей. И самая главная - как уберечь Аннабель от войны, но ответ пока не нашелся.

Аннабель наскоро, как могла, скинула с ног нечто, похожее на одеяло, и свесила ноги с кровати. В спине и голове еще были отзвуки боли, напоминающие о схватке с баллистой, но Аннабель решила оставить жалость к себе на потом, когда для этого будет больше времени.

Все ее пребывание в Рогбане было связано с болью — новый день не был исключением.

Аннабель резво встала, ее немного пошатнуло, но она не приняла руку помощи Виссариона, сделав вид, что не заметила. Она постояла с минуту на месте, затем сделала шаг вперед - голова несильно кружилась.

Своей выходкой она удивила Виссариона, и он, словно тень, пошел за ней, готовясь в любой момент подхватить ее. Каждый шаг она делала так уверенно, словно ничего и не было.

Аннабель шла по замку вместе с Виссарионом в полном молчании, и остановились они у выхода, под козырьком.

С неба, как из ведра, лил проливной дождь. Аннабель подставила руки под капли и улыбнулась, обнажая зубы - вода была ледяной. Набрав горсть воды в ладони, Аннабель умыла лицо и шею. На секунду ей полегчало: в голове просветлело, она стала меньше болеть, но тут же

на плечи легли воспоминания, тот груз ответственности, который, как ей казалось, она несла за подбитого ею человека.

И она вышла под дождь полностью. Волосы и рубашка быстро намокли, и стали липнуть к телу. Ладонями она стерла капли воды с лица, но сильный дождь продолжал ударяться об щеки и лоб, оставляя свои мокрые следы на шее и руках, задерживаться маленькими шариками на пушистых ресницах.

— Аннабель, зайди под крышу! Ты заболеешь! — Виссарион взял ее за локоть и попытался втянуть под крышу. Сам он никогда не любил дождь, потому не понимал восторга Аннабель. — Давай, заходи, — и он буквально силой затащил ее под крышу. — Пойдем, тебе надо отдохнуть, — он продолжал тащить ее внутрь замка, — да и мне тоже, — уже чуть тише добавил Виссарион.

— Да прекрати! — Аннабель отбросила его руку со своего локтя, — я тебе что, корова что ли, так меня тянуть?

— Нет, — замялся Виссарион и остановился.

— Ну и все тогда, — буркнула Аннабель и повернулась к нему спиной, — я хочу посмотреть на дождь, подышать свежестью в конце концов. — Аннабель вдохнула полной грудью и ей показалось, что воздух действительно был свежим, ароматным, — у друидов - таки получилось вызвать дождь, — с улыбкой произнесла Аннабель и украдкой посмотрела на Виссариона. Он также стоял позади нее и хмуро глядел ей в спину. — За дождем всегда приходит солнце, — уже тише сказала Аннабель и обернулась к Виссариону, — где Ренальд?

— Аннабель... — со вздохом начал Виссарион, — тебе не надо... — он потянул свою руку к ней, но она сделала шаг назад, не позволив сделать задуманное.

— Нет, я все же его увижу! Хочу посмотреть в глаза убийцы! — бросила она, и ушла, надеясь найти кого-то, кто мог бы проводить ее к Ренальду. Дождь, льющий стеной, не позволял идти прямо. Аннабель сторбившись шла и глядела себе под ноги. Вода затекала в глаза и уши, рот и нос, стекала ручьем по волосам, попадая в ботинки, которые быстро намокли и наполнились водой. Шлепая обувью по дождевым ручьям, она остановилась у Древа.

— Имей ввиду, что я ненавижу дождь! — злобно пробубнил Виссарион, догоняя ее и беря за руку, — пойдем.

— Только если к Ренальду! — остановила она его. Лицо Виссариона все еще было недовольным. Дождь стекал по носу и падал тяжелой каплей куда-то вниз; вода застряла в его густых скученных бровях, а взгляд исподлобья показался Аннабель весьма угрожающим.

Она не понимала причину его раздраженности, но знала точно, что отступить не готова. Его одежда, как и ее, была насквозь мокрая. И хоть ее стала бить мелкая дрожь, а нос и руки замерзли, от Виссариона шло тепло. И Аннабель даже показалось, что от его тела шел пар.

— Да-да, — нехотя согласился леший, и Аннабель позволила отвести себя к одному из сараев. Он не смотрел ей в глаза, не пытался сменить тему, его поглотила злоба, с которой он пытался бороться. Он вновь и вновь возвращался к пустоте в своем сердце. Ту дыру, что выжгла благодать, было не залатать, но он старался. Аннабель только и слышала громкое грубое сопение рядом с собой.

— Если не хочешь, можешь не идти, — она положила свою холодную руку ему на грудь. Ладонь приятно обдало теплом. — Все в порядке, я и сама могу, — его эмоции не сменились. Более того, Аннабель заметила в них отрешенность - сейчас он был не с ней.

— Ага, конечно, — Виссарион толкнул дверь, и та со скрипом отворилась. Он пропустил ее вперед, а после закрыл за собой дверь.

Внутри они оказались не одни. Все друиды, Август и ещё один мужчина с ножом в руке смотрели на Аннабель и Виссариона с недоумением. В немом молчании все переглядывались.

— Чего вы здесь забыли? — сердито спросил Август, выходя вперёд со скрещенными на груди руками. — Идите отсюда, здесь вам не место!

— Успокойся, Август, — сказал Виссарион, делая шаг вперед, заграждая собой Аннабель.

Он возвышался над Августом и выглядел зловеще. — Это Аннабель его сбила, она имеет право здесь находиться.

— Давайте не будем устраивать шум, — вмешался Ольгерд, вставая между ними. — У нас есть дела поважнее. — он положил каждому на грудь ладонь и легонько надавил, вынуждая сделать шаг назад.— Аннабель, что тебя интересует?

Аннабель сделала несколько шагов вперед и посмотрела на человека, которого сбила. Он лежал ничком на сене, с руками и ногами, связанными верёвками. Это показалось Аннабель странным, ведь Ренальд и так не шевелился. Его глаза были закрыты капюшоном, а часть лица скрывала плотная маска. Кожаный костюм алого цвета, затянутый серебряными пряжками, полностью покрывал его тело, даже сантиметра кожи было не видно. Руки, прочно связанные на три узла бечевкой, были в кожаных перчатках.

— Ты, наверное, уже знаешь, что это Ренальд, — начал было Ольгерд, но Аннабель подошла ближе, и тут он остановил её.— Лучше не подходи.

— Он связан и не выглядит опасным, — отрезала Аннабель, не сводя глаз с Ренальда. — Тут даже лица не видно. Почему вы решили, что это он? — Она посмотрела на Ольгерда и других друидов, в её глазах отражался огонь свечей.

Геронтий подошел ближе к Аннабель и уже хотел взять ее за руку, чтоб наложить гипноз, но Аннабель, будто бы чувствуя неладное, успела обойти его и встать подле Виссариона. После случая в поле, когда Геронтий управлял эмоциями Аннабель, она обходила стороной любые прикосновения с его стороны. Геронтий понимая ее намек, скрестил меж собой пальцы и просто кивнул.

На вопрос Аннабель никто не ответил, но Август, подойдя к Ренальду, сорвал с него капюшон и злобно стянул маску. Под ней оказалась бронзовая кожа, изуродованная множеством шрамов от ожогов. Шрамы покрывали все его лицо, не щадя ни сантиметра. Там, где должны быть брови, были только изогнутые шрамы. Огонь пощадил только горбатый сломанный нос и пухлые алые губы.

Аннабель с нетерпением ждала, когда Ренальд откроет глаза, чтобы увидеть взгляд убийцы, но веки без ресниц были плотно сжаты.

— Что вы будете с ним делать? — спросил Виссарион у друидов и подтянул Аннабель себе за спину. Ему не хотелось, чтобы Ренальд увидел её, когда придет в себя.

— А что мы можем с ним сделать? — удивился Товий, выходя вперед под свет свечей. — Пусть сидит здесь. Мы не можем его отпустить.

— Я предлагаю выпытать у него местонахождение ангела. Я видел его мельком, но место мне не знакомо.—высказал свое предложение Виссарион. — Вдруг осознается.

— Ты хочешь его пытать? — воскликнула Аннабель с округлившимися глазами. — И чем ты тогда лучше него?

—Я не...— Виссарион уже был готов начать оправдываться, но не успел сказать и пары слов.

— Нет, — покачал головой Варлаам. — Аннабель права, пытать мы никого не будем. Нужно забрать у него всё оружие и оставить здесь. Утром будет видно, что делать дальше. Август, забери его оружие.

Друиды в основном согласились, и Август повиновался, поочередно бросая в железное ведро у сеновала, кастеты и длинный двуручный меч.

В этот миг случилось невообразимое. Ренальд резко сел и заглянул в глаза Августу, притягивая связанными руками его лицо к своему. Что-то сверкнуло, Аннабель сначала подумала, что перегорела лампочка, пока не вспомнила, что в этом мире их нет. Только потом она догадалась, что искры исходила из глаз убийцы.

Тело Августа дёрнулось, как под ударом тока, и ничком рухнуло на пол с глухим стуком. В сарае задрожали свечи, а некоторые и вовсе потухли.

— Нет! — вырвалось у Бажена. Он рванулся вперёд, кулаки сжаты, лицо искажено яростью. — Я тебя...!

Но Виссарион оказался быстрее и молнией подбежал к Ренальду, все еще сидевшему, и со всей силы ударил его в челюсть. Ренальд обмяк и потерял сознание.

— Сюда! — рявкнул Ольгерд, бросаясь к телу Августа. Его руки застыли в кулаках, и как бы Ольгерд не пытался их разжать, ничего не выходило. — что-то непонятное... — бубнил под нос Ольгерд, трогая кулаки Августа. Кожа в одночасье стала иметь серовато-синий оттенок - трупный.

Аннабель, содрогаясь всем телом, присела на колени рядом с Августом и положила два пальца на его шею. Пульса не было. Кожа была еще теплой, но под пальцами – мертвенно-неподвижная.

— Он... он мёртв, — прошептала она, голос сорвался. Она прикрыла рот рукой, но ужас уже прорвался наружу – по щекам потекли слезы. — она смотрела, как Ольгерд трогает его грудь и что-то шепчет, но ничего не происходило. Глаза Августа смотрели в потолок в полном недоумении.

— Август... — простонал Товий, пошатнувшись. Его лицо стало землистым. — Как?.. Что произошло?! — он подошел ближе и навис над Аннабель.

Варлаам закрыл лицо руками, его плечи содрогнулись.

Воин с ножом замер, оружие бессильно опустилось, глаза округлились от неподдельного ужаса. Он смотрел на Ренальда, как на воплощение кошмара.

Бажен всё ещё тяжело дышал, его кулаки дрожали, но вперёд он не рвался – ярость сменилась ледяным оцепенением.

Подняв затуманенные глаза на друидов, Аннабель увидела не просто осознание – в их глазах читался шок, горечь потери и первобытный страх перед тем, что только что случилось. Почти все отвернулись от Ренальда, не в силах смотреть на убийцу. Ольгерд сидел над телом, его обычно спокойное лицо было каменным, но в глазах бушевала буря.

В хлеву повисло молчание, тяжёлое, как свинец, прерываемое лишь неровным дыханием Варлаама и глухим стуком сердца Аннабель в ушах. Но ненадолго. Ренальд застонал, и Аннабель словно проснулась от сна.

— Чего вы стоите?! — гортанно крикнула Аннабель, поднимаясь. Все смотрели на неё в растерянности. — Завяжите ему глаза! Завяжите глаза! — Но никто ее не понимал. Аннабель оторвала лоскут от своей рубашки, отвернула взгляд и завязала глаза Ренальду узлом на затылке. Рубашка была испорчена, открывая её бледный живот. Оборванные края ткани елозили по лицу и одежде Ренальда, он приходил в себя, но уже ничего не видел.

Аннабель почувствовала, что его кожа горела, как при горячке. Ей стало тревожно за него, но, отойдя, она увидела тело Августа, и тревога в миг исчезла.

— Его нужно похоронить, — тихо, но чётко нарушила тишину Аннабель, пытаясь закрыть глаза Августу, однако они не поддавались. Он оставил свое тело в этом мире с широко распахнутыми глазами. — придется оставить, — спокойно добавила она, испытывая ужас, когда смотрела в пустые неподвижные глаза.

Говорила Аннабель ровным тоном, но пальцы ее дрожали, когда она поправляла прядь на его холодном лбу. Друиды согласно закивали.

— Виссарион, найди, кто сможет его похоронить. Нужно вырыть могилу. — Аннабель тоже попробовала разжать кулаки и сложить ему руки на груди, но тело заостенело, — очень странно, — добавила Аннабель, — как оно могло так быстро заоченеть?! — но никто не ответил на ее вопрос, и он так и ушел в неизвестность без ответа.

— Надо вынести, чтобы никто не видел. Волнение среди людей не к месту, — произнёс Виссарион. — Если увидят, что копают могилу, начнётся паника. Предлагаю отнести на место пожарища и сжечь его. Пусть он найдёт покой в пепле людей, которых защищал.

— Это не гуманно, — возразил Ананий. — Мы предаем земле, а не сжигаем человека вместе с душой!

— Виссарион прав. Это станет нашей новой традицией, — с какой-то отстранённой решимостью ответила Аннабель. — Его душа на небе и уже упокоилась, а тело — всего лишь пустоеместилище. Его нужно захоронить с остальными погибшими в огне. Так будет правильно. Пусть обретет покой среди своих. — в сарае она нашла длинную грязную простынь и накрыла ею тело Августа. Никто ее не останавливал - все также не могли смотреть в холодные глаза Августа.

— Я против, — отрезал Бажен. — Его нужно похоронить с почестями, как положено. Он был одним из нас, а не простым бродягой.

— Нет, — перебил его Ольгерд. — У нас война. Виссарион прав, шум не нужен. А Август хотел бы быть со своими людьми. Виссарион, найди, пожалуйста, двух человек, которые не слишком болтливы, но смогут помочь с телом Августа.

Виссарион вышел, за ним последовала Аннабель, не в силах больше смотреть на погибшего. У неё в первый раз на глазах умер человек, и от этого её охватила сильная дрожь. Та хладнокровная решимость, с которой она только что действовала, испарилась, сменившись леденящим душу ужасом. Она хватало воздух ртом, пытаясь отдышаться, но перед глазами все еще стояло лицо Августа. Дрожащими пальцами она потерла лоб и глубоко вдохнула: ее начала одолевать паника.

— Аннабель, жаль, что тебе пришлось это увидеть, — это был Ольгерд, который бесшумно подошёл к ней и погладил по спине. — Тебе нужно отдохнуть и набраться сил. Сегодня ты была воином, но воины тоже терпят неудачи и потери. Ты справились с баллистой, хоть тебе и не стоило туда лезть.

— Я только сейчас задумалась, что могла попасть в кого-то из людей, — Аннабель вспомнила баллисту и увесистую стрелу, она припомнила и боль от падения. — Я думала, что помогаю. Но... Сейчас я видела, как умер Август и поняла, что сама могла отнять жизнь. Пусть и случайно. — она замаялась. — Что за сила в Ренальде, что он смог вот так убить человека?

— Мы слышали, но думали, что это простые байки для устрашения. Теперь знаем, что все это правда. — с досадой вздохнул Ольгерд, — Ренальд обладает такой магией, что один его взгляд способен убить.

— Как у медузы Горгоны, — прошептала себе под нос Аннабель.

— Что?

— Ничего, — ответила она, думая о враге-убийце и не веря, что когда-либо увидит столь кровожадного человека. — но как тогда он может смотреть на Вольмира и в целом на людей, если у него такой убийственный взгляд?

— Не знаю, — Ольгерд пожал плечами, — может умеет контролировать это, — он снова пожал плечами, — раньше мы с таким не сталкивались. — он вздохнул, — Но ты молодец. Без тебя мы бы не поймали одного из самых опасных людей в этом мире. Но с этим приходит и своя ответственность. Вольмир это так просто не оставит. Остались считанные дни или часы, а ты плохо выглядишь. — Ольгерд обнял Аннабель, искренне, как близкого человека. И Аннабель это даже понравилось. Друиды, особенно Ольгерд, стали ей очень близки. Она обняла его в ответ. — Поспи, пожалуйста, — сказал он и ушёл.

Вскоре в хлев вошёл Виссарион с двумя рабочими и носилками.

Они вышли через две минуты уже с телом Августа, накрытого тканью. Только рука неподвижно свисала с носилок. Следом пошли друиды. Аннабель смотрела на это с замиранием

сердца, вспомнив отца и мать, холодные тела которых где-то далеко от нее, возможно, также несли. От мыслей руки сильнее задрожали, Аннабель хотелось отвлечься.

— Виссарион, можно тебя? — прокричала Аннабель, догоняя его в этой процессии.

— Ступай, Виссарион, мы справимся, — Варлаам похлопал его по плечу и вяло улыбнулся. Дождь давно закончился, и воздух наполнился сыростью, от того ноги вязли в грязных лужах. Виссарион шел к ней грозной поступью, сильно хлюпая водой в ботинках.

— Как ты? — Виссарион заглянул в её глаза и понял, что в ответе не нуждается. Её голубые глаза были полны скорби, усталости и злобы. Она горевала по погибшим, была измотана до предела, и лишь гнев на Вольмира не давал ей рухнуть без сил. Он заметил, как она кусает губы, как ее взгляд обреченно смотрит в землю. И только силой воли она сдерживает слезы, блестящие в ее глазах. — Они правы, тебе нужно отдохнуть. — Он взял её за подбородок и поднял лицо к своему. Ее глаза блестели. Блестели от слез, которые она еще не проронила. Она ничего не отвечала на его слова. Аннабель не находила ни одного подходящего слова. — Пожалей себя. Сегодня ты была храбрым воином. — губы Аннабель дрожали, но она все еще молчала. Виссарион поцеловал её в лоб холодными губами. — А я займусь Ренальдом. Его нужно допросить.

— Не надо его пытаться! — отчаянно прошептала Аннабель, но все же прижалась к нему. Виссарион крепко обнял её за плечи. Внутри он почувствовал отголоски себя прежнего. Аннабель возрождала в нем утраченную добродетель.

— Как ты можешь волноваться за него после всего, что он сделал?

— Именно поэтому я и волнуюсь, потому что видела, на что он способен! Но я волнуюсь за вас! — Аннабель посмотрела Виссариону в глаза, нахмутив брови. «Как он мог подумать, что я волнуюсь за такого, как Ренальд?» — пронеслось в её голове.

— Так или иначе, я должен выяснить у него про ангела, а тебе нужно поспать. Я буду на совете у друидов.

— Не надо его пытаться! — взмолилась Аннабель, высвобождаясь из его объятий. Губы все еще предательски дрожали, раскрывая Виссариону все ее чувства. Она до последнего не хотела показывать, что накопилось у нее в душе. — Не пытай! Иначе ты станешь таким же! — услышав эти слова, сердце Виссариона пропустило один удар. Он и не догадывался, что жестокость пыток может изменить его окончательно.

— Решим это на совете. А пока иди.

Аннабель сделала несколько шагов к замку, но остановилась и обернулась.

Виссарион уже почти вышел за ворота. Она смотрела ему в спину, и за долю секунды в голове выросла безумная идея. Ее ноги вязли в грязи, намокли от луж, но она бежала обратно к Виссариону.

Почти догнав, она поскользнулась и упала бы, если бы Виссарион в последний момент не подхватил ее под локоть. По ребрам пошла неприятная боль, и она сморщилась.

— Ты чего? — удивленно спросил Виссарион, поднимая брови. Он подождал, пока она встанет, одернет остатки рубашки и смахнет волосы со лба. — ну?

— А что, — она прокашлялась, — если обменять? — выпалила она. Виссарион не сразу уловил её мысль. Его брови поползли еще больше вверх, — Ангела на Ренальда. Я понимаю, что такого человека, как Ренальд, лучше не отпускать, но так мы спасём несчастного ангела и лишим Вольмира силы! — Виссарион еще с минуту обдумывал услышанное. Аннабель видела, как его лицо с озадаченного сменяется на радостное и даже ликующее.

— Ты гений! — воскликнул Виссарион и даже чуть подпрыгнул на месте, его глаза загорелись от предстоящей затеи. — Обмен... Да, Аннабель, это... это возможно! Гениально и просто! — Он резко обнял ее, в порыве, так сильно, что Аннабель не смогла сделать и вдох. — Иди отдыхай. Я немедленно поговорю с советом! — он побежал к друидам, и Аннабель слышала, как он вновь и вновь повторял слово «обмен» с полным воодушевлением.

Глава XIX: влюбиться, когда мир рушится

Аннабель легла в постель, чувствуя себя вымотанной как морально, так и физически. На ключице, рёбрах и коленях красовались фиолетово-синие синяки размером с ладонь, и рассекали ее белую кожу цветом грозовой тучи. Их она разглядела уже в комнате, когда снимала грязные штаны и порванную рубашку. Холодным пальцем она провела по ребру и охнула. Невинное прикосновение отозвалось жгучей болью.

Аннабель посмотрела на тряпки - изорванная и грязная одежда местных- и облегченно вздохнула, когда взяла в руки свою привычную футболку и спортивные штаны. Одежда была чистой и пахла речкой. Она провела рукой по штанине и улыбнулась - это была частичка привычного ей мира, с которым ей было тяжело расставаться. У нее от того мира не так много осталось : одежда и браслет. И ей хотелось как можно дольше сохранить эти вещи. Браслет постоянно весело позвякивал, когда подвески ударялись друг об друга, но после последних событий они были сильно грязными. И каждый раз глядя на них, Аннабель обещала себе их почистить, но руки так и не доходили.

Стоя в своей одежде у окна, Аннабель размышляла о времени. Времени, которое им отведено перед войной с Вольмиром. Война могла начаться в любой момент : завтра или сейчас. И неизвестность пугала Аннабель куда больше, чем факт ее участия в этой войне.

—Я не боец, — с этой мыслью Аннабель отошла от окна и села на край жесткой кровати. За последние часы она сильно намерзлась, потому легла не раздеваясь, укрывшись тонким одеялом. Жесткий матрас давил на ушибленные места, и Аннабель долго искала удобную позу. Она лежала, глядя в потолок с минут десять, пока не пришел сон. Глубокий, крепкий и без снов, который длился пятнадцать часов, но отдыха не принес спокойствия в ее душу. Аннабель встала разбитой: голова гудела от переизбытка отдыха, а тело ныло от сна в одной позе.

— Боже, — Аннабель кое-как села, державшись за голову. Во лбу сильно пульсировала кровь, и с каждым движением головы, Аннабель ощущала это отчетливее. Солнечный свет жег глаза и бил по голове. Аннабель жмурилась, пряча от солнца глаза. — Вернулась любимая головная боль, — бурлящая кровь не давала Аннабель спокойно наклониться или повернуть голову. Аннабель жала пальцами на лоб, желая, чтоб это поскорее кончилось. На бледном лбу оставались красные пятна от пальцев. — надо поесть. — и ей не надо было искать холл, где она ела с друидами. Кто-то уже давно позаботился о ней и принес завтрак в комнату, — наверное, Виссарион, — проговорила она с улыбкой. Эти слова согрели ее в это утро. Отчего-то ей стало приятно, что среди всех ужасов, окружающих их, он заботится о ней.

На столе лежали хлеб, сыр, кувшин с водой и кувшин с морсом. Аннабель сделала глоток и подавилась, схватившись за горло, которое тут же засадило. Морс оказался не только сладким, но и забродившим. Она поспешно заела горечь хлебом с сыром, и все утихло.

—Господи, и кому в голову пришло, что мне это понравится?!— в недоумении она отставила стакан подальше, соображая, что это вряд ли Виссарион. И злобно засопев Аннабель стала активнее пережевывать еду. В соседнем кувшине была чистая вода, которой она утолила жажду, умылась и прополоскала рот. Аннабель вновь выглянула в окно, но никаких ответов на мучащие ее вопросы она не нашла, потому решила выйти на улицу и побродить по округе. У выхода из замка ее никто не встретил. Пока Аннабель прогуливалась по площади замка, она заметила, что листья у Древа немного тусклее, чем обычно, - «Интересно, так было всегда?». Она постояла напротив него еще с минуту, затем обошла вокруг, и вновь остановилась. «С ним явно что-то не так! Надо будет спросить у друидов.»- и мысленно отметив этот вопрос, она отошла от Древа и пошла в сторону.

И спустя пару минут за ее спиной упал один большой камень из стены башни. От грохота Аннабель вздрогнула, и уже решила было пойти на шум, однако вовремя спохватилась. На звук побежало много зевак, и Аннабель решила, что это ее шанс.

Часто оглядываясь, она остановилась неподалеку от сарая, в котором сидел Ренальд. Она долго решалась, делать это или нет, но вскоре ее что-то подстегнуло на этот риск. Рабочий у хлева, сказал, что друиды и Виссарион еще на совете.

—Хорошо, дай я тогда пройду,— Аннабель хотелось посмотреть на Ренальда еще раз, посмотреть на его руки и забинтованные глаза, и кроваво - красный кожаный костюм, который сидел на нем, как вторая кожа.

—Запрещено,— гортанно ответил смуглый высокий мужчина, ни разу не взглянув на Аннабель. Он был как простой часовой, охраняющий опасный объект без единого движения. В руке у него Аннабель увидела дубинку, которую он то и дело крутил, будто бы желая ею воспользоваться .

—Я хочу с ним просто поговорить! Вдруг он что-то важное расскажет!— Аннабель уже сделала шаг к двери, но мужчина грубо пихнул ее в сторону,— Эй, ты что творишь?

—Сказано же тебе, запрещено!— он посмотрел на Аннабель сверху вниз и сильно нахмурился. Он поднял дубинку и направил ее в лицо Аннабель. — Иди отсюда!

—Хорошо!— прикрикнула на него Аннабель и резво развернулась, взмахнув копной включенных белых волос. Ей не хотелось пробовать на себе силу удара этой дубинки, потому она как можно скорее ушла от сарая.— Иш ты, охранник!— плюнула она в его сторону, злобно сопя. Аннабель обогнула площадь и вышла в арку, за которой скрывался заброшенный сад. Она все еще злилась на охранника Ренальда, потому с ненавистью пинала попадавшие на пути камешки. Она то и дело перекручивала в голове их маленький диалог и придумывала все более колкие ответы на его отвратительное обращение с ней, и подумала даже пожаловаться на него Виссариону. Но спустя пару минут Аннабель передумала ябедничать, предположив, что Виссарион будет на стороне охранника.

Аннабель ступала по невысокой зеленой траве, в которой затерялась каменная желтая плитка - садовая дорожка. Тишина здесь была бы практически оглушительной, если бы не щебет птиц. Аннабель ни одну не увидела, но каждый ее шаг сопровождался негромким пением и звуком пархающих крыльев. Одна тропинка вела далеко в еловую аллею, густую и почти непроглядную. В тени елок стояла приятная прохлада, потому Аннабель не задумываясь пошла по ней. В конце аллеи ее ждала заброшенная гробница ангела Рафаэля. Вокруг нее росли алые розы, витиевато заграждающие своими иголками каменную плиту. Аннабель протянула руку, ей вдруг хотелось коснуться его могилы и возможно почувствовать его былую мощь, но розы грозно дернулись и подставили шипы прямо под руки Аннабель. Один все же попал ей в ладонь, на руке осталась маленькая красная точка. В саду никого не оказалось. Аннабель была в нем одиножды, когда один из друидов в первый день рассказывал ей о Вольмире и Рафаэле.

—Надо же, — Аннабель потерла ладонь большим пальцем, — даже после смерти он себя защищает. А обижать я его вовсе не хотела! — буркнула розам Аннабель и показала язык, и розы слегка ослабили хватку, однако трогать их Аннабель больше не хотела.

Гробница была единственным местом с цветами. Весь остальной сад оказался пустым и отчасти заброшенным. В вазонах, в которых должны были быть цветы, лежали сухие прошлогодние листья, и так почти везде, куда Аннабель не свернула бы.

В саду не пахло пеплом, не чувствовался запах горелой плоти и главное не было слышно стонов, которые раздавались еще прошлой ночью, и так явно впечатавшиеся в память Аннабель. От воспоминаний ее колени подогнулись, и Аннабель села на освещенной солнцем лужайке. Трава наперекор всему зеленела и росла ввысь, Аннабель провела по ней рукой и легла на спину, подставив лицо солнцу. Она лежала на небольшой полянке и вдыхала еловый

аромат сада и полевых цветов, перебирала пальцами травинки и наслаждалась тишиной, которой давно не слышала.

Над головой пролетела птичка, шумно взмахнув крыльями, и Аннабель открыла глаза - попыталась ее найти, но тщетно. Ее внимание отвлекла бабочка, севшая неподалеку от нее. Ее крылья были коричнево - красные, она медленно их открывала и закрывала, и когда Аннабель подставила пальцем, чтоб посадить ее, бабочка улетела. А крылья напомнили ей о глазах Виссариона. И ее щеки порозовели, а от улыбки на щеках появились ямочки.

—Так странно влюбиться, когда мир рушится, — призналась себе Аннабель, вспоминая его руки на своем теле, упрямый взгляд, блуждающий по ее телу, и то смятение, которое она испытывала, находясь рядом с ним. И Аннабель задремала с мыслями о Виссарионе.

—Аннабель?! — она распахнула глаза и резко села. Солнце уже садилось, а в саду слегка похолодало. — Аннабель?! — она не могла не узнать этот голос. Если бы между ними были километры, она сразу бы поняла, что это он - Виссарион.

—Я здесь, — она встала и стряхнула травинки с себя. Во сне она рьяно рвала их и откидывала в сторону. Аннабель заметила, что все ладони и пальцы были зелеными, — все равно, — Аннабель отмахнулась и пошла в сторону Виссариона.

—Ты так далеко зашла в сад, — Аннабель не поняла, ругает он ее за это или наоборот удивляется. Сейчас по его взгляду было тяжело понять, что с ним, но Аннабель точно знала, что это уже давно не тот Виссарион, с которым она познакомилась в лесу. Он умело это скрывал, но глаза никогда не врут. - Если бы ты не откликнулась, я бы вряд ли тебя нашел.

—Я была на полянке, — Аннабель неопределенно показала себе за спину, - и видимо уснула. — Виссарион шел к ней с явной усталостью и угрюмым выражением лица. Он смотрел на Аннабель исподлобья, явно чем-то терзаемый. Когда он все же решил посмотреть на нее, Аннабель заметила, что под глазами залегли синие круги и лицо приняло мертвенно бледный оттенок. "Не спал." — подумала Аннабель и потеряла лоб, но потом подняла на него глаза и улыбнулась, - "Да, это совсем другой Виссарион." - в очередной раз убедилась Аннабель. Виссарион ответил на ее улыбку, и сердце Аннабель екнуло. Они каждый день были на грани смерти, и ей было неважно, что изменило Виссариона. Он все равно ей был дорог.

— Друиды согласились попробовать обменять Ренальда на ангела, — сообщил он без предисловий, усаживаясь на траву рядом.

— Это хорошие новости, — выдавила она, подавляя подступивший ком. Она села рядом с ним, и их плечи немного касались друг друга. Аннабель облегченно вздохнула, Виссарион не отодвинулся от нее. — Когда мы это сделаем?

—Пока точно не решили. Но я не могу понять, насколько это правильно. — он говорил почти шепотом, и яростно дергал траву, разбрасывая ее остатки вокруг.

—Что ты имеешь в виду? — его тон настораживал. —Она положила свою руку поверх его, и Виссарион посмотрел на Аннабель, и их глаза вновь встретились. От его взгляда по телу Аннабель пошли мурашки, но руку она не убрала. Виссарион перевернул руку, и их ладони нашли друг друга. Аннабель, как замороженная смотрела, как их пальцы переплетаются.

—Я знаю, что спасти ангела — правильно. Но Ренальд заслуживает наказания, а не обмена!

—Мы не такие, как они. Мы не убиваем людей, — возразила она.

—Но мы будем убивать! — в его глазах вспыхнули огонь и решимость, и он сжал ее руку в своей.— Война не спрашивает, кто мы. Она диктует свои правила. И Ренальд — убийца, который должен ответить за смерть Августа и других людей. Он отравил для всего мира.

— Как скажешь, — пожала плечами Аннабель, переводя взгляд на небо. Она вытасила свою руку из крепкой ладони Виссариона, и на его вопросительный взгляд ответила, - Прохладно, — и для убедительности потеряла плечи. — Когда обмен?

—Решено ждать, пока Вольмир сам за ним не явится.

— Думаешь, он придёт?

— Ренальд — его правая рука. Я уверен, он объявится. Нам нужно успеть предложить обмен, пока он не начал новую атаку. Остаётся только ждать.

— Значит, будем ждать, — тихо повторила она.

— Ты изменилась, — спустя паузу сказал Виссарион, вертя в пальцах соломинку. — Помогаешь раненым, собираешься воевать, хотя изначально не хотела этого

— Я и сейчас этого не хочу, — Аннабель вздохнула и подняла глаза к нему, — просто иного выбора нет. Если я застряла в этом мире, значит я играю по его правилам, — Аннабель повернула голову одновременно с Виссарионом. Их отделяли всего несколько сантиметров, а глаза Виссариона жадно пожирали ее губы. И Аннабель их облизнула. — Если мне суждено здесь умереть, я хочу постараться умереть без страха и за бравое дело. — Аннабель сглотнула. Ее саму пугали эти слова, но когда она произнесла их вслух, Аннабель поняла, что это неизбежно.

— Ты не умрешь здесь!

— Ты этого не знаешь. К тому же ты не можешь меня постоянно оберегать. Тебе и самому тяжело приходится. Твои раны еще слишком свежи, чтобы идти воевать.

— И тем не менее! Я почти выздоровел. Я уже говорил, что ангелы, хоть и падшие, исцеляются быстрее простого человека. — Виссарион посмотрел на ее руку, где была рана после леса, — тогда как твои раны, еще даже не начали затягиваться. — он погладил ее руку и пустил маленькую частицу благодари вперемешку с крупницей души, чтобы залечить часть ран Аннабель. Ей это показалось легким свежим дуновением ветра по коже. И она улыбнулась. — Я постараюсь не впутывать тебя в войну. Не хочу, чтобы ты пострадала.

— Только не ценой чьей — либо жизни.

— Посмотрим. — и он придвинулся ближе. Аннабель почувствовала на своей щеке его дыхание, и невольно закрыла глаза, когда его горячие губы коснулись ее. — Выдыхай, — с улыбкой проговорил Виссарион, и Аннабель послушалась, — не забывай дышать.

— При тебе это делать очень тяжело, — и щеки загорелись жгучим пламенем, когда Виссарион положил свою ладонь на ее щеку. — прекрати, иначе я покраснею, как помидор, — Аннабель засмеялась, отбросила его руки от себя, и демонстративно отсела подальше.

— Отрадно видеть твою улыбку. Ты давно не смеялась.

— Здесь мало поводом для смеха, — с грустью заметила Аннабель. — но здесь, в саду, намного лучше. — Она немного откинулась и вытянула ноги. Солнце уже давно село и окрасило небо в оранжево-фиолетовые тона, — особенно хорошо, когда ты здесь со мной. — она не рискнула посмотреть на него, — и не говоришь о войне.

— Я сам был бы рад не говорить о ней. — сказал Виссарион, подсаживаясь к ней поближе. — Но, боюсь, у нас нет иного выхода. — И он взял ее руку в свою и поднес к губам. От поцелуя по телу Аннабель пошел жар, — я хотел бы показать тебе мир, свой лес, и многое другое, если бы все было иначе.

— Я думаю, мы еще успеем, — и Аннабель хотелось в это верить. Она прильнула к нему ближе, и Виссарион заключил ее в свои объятия. Медленно они легли на землю, и Аннабель, лежа в его объятиях, смотрела в небо, мечтая, чтоб эти минуты не кончались. Они перебирали пальцами и слушали дыхания друг друга, не нарушая прекрасные минуты разговорами о предстоящем. — Ты стал другой, — все же вырвалось у Аннабель. Она посмотрела на него снизу вверх. Его глаза были закрыты, он дышал ровно, и слова Аннабель не застали его врасплох.

— Да. — на выдохе ответил он, — знаю.

— Ты болен?

— Да, — Виссариону показалось это единственным верным решением. Он не хотел пугать ее еще больше, объясняя, что пользуется своей душой для исцеления своих и ее сил. Виссарион решил рассказать в конце, когда закончится война, и он сможет спокойно объяснить, что с ним.

—Смертельно? — она задержала дыхание и остановила свои руки, и Виссарион открыл глаза. Она боялась услышать правду, и уже пожалела о своем вопросе.

—Нет. — он погладил ее по голове и поцеловал в макушку. Но Аннабель почему-то ему не поверила. И уже хотела задать новый вопрос, только Виссарион ее перебил, — К нам идут. — и он привстал, утягивая за собой. Аннабель не поняла, с чего он это решил и немного обиделась, решив, что спросила лишнего. Однако через пару минут в поле ее зрения появился Ананий. Он запыхался, — " Видно бежал." — подумала Аннабель.

—Появился туман, — он говорил это исключительно Виссариону, и Аннабель поняла, что их тихая минута кончилась.

—И что это значит?— Аннабель смотрела на Виссариона. В мгновение его лицо из спокойного и добродушного стало суровым. Глаза почернели, в них снова загорелась месть.

—Вольмир пришел. — коротко ответил Виссарион, вставая с земли. Он держал Аннабель за руку, и помог ей встать. Он не разнимал их переплетенных рук. — Пойдем. — он посмотрел в глаза Аннабель, и увидел в них полную решимость. Она кивнула, готовая сделать все возможное для его жизни и жизни остальных.

По пыльной дороге, пробиваясь сквозь пепелище, шёл одинокий человек. Ветер развевал полы его чёрной мантии. Приблизившись, он сбросил капюшон, и Аннабель увидела бледное лицо с проступающими синими венами на висках и шее. Длинные белые волосы, похожие на волосы Аннабель, заплетённые в тяжёлую косу, лежали на его плече. Но самое жуткое — это улыбка. Искажённый, холодный оскал. Его красные глаза с ненавистью обводили собравшихся. Они молча, почти бегом, направились к воротам замка. У входа уже собрались друиды и лучники, но никто не решался выйти за ворота.

—Я пришёл за своим, — произнёс он, и его голос, низкий и металлический, резанул по слуху. Его взгляд скользнул по толпе и остановился на Аннабель. Он медленно поднял руку, указывая на неё пальцем.

—Ты! Верни мне Ренальда, и обещаю, что сейчас никто не пострадает.- он с нажимом выделил слово "сейчас", и Аннабель это не понравилось. Как и то, что из всех присутствующих он указал на нее. Сердце Аннабель бешено заколотилось, подступающая тошнота сдавила горло. Она сделала шаг вперёд, но Виссарион ее опередил:

— Мы вернем его тебе, как только ты вернешь ангела.

Глава XX: воссоединение

Вольмир и Аннабель стояли друг против друга, разделённые десятком шагов и стройной фигурой Виссариона. Он хрустел костяшками пальцев, готовый отражать любой удар Вольмира, однако тот и не думал нападать.

В воздухе чувствовалось тягучее, тяжелое напряжение, которое Аннабель непременно хотелось скинуть с себя. Она набрала воздуха в грудь, выпрямила спину и вышла вперед, поравнявшись плечами с Виссарионом.

Он посмотрел на нее, но лицо было нейтральным. В нем Аннабель не увидела ни вопроса, ни удивления — только принятие и одобрение. Аннабель легко кивнула и перевела взгляд на Вольмира.

Она смотрела на него, стараясь привыкнуть к этому безжизненному лицу, к человеку, который с легкостью забирает жизни. Жизни, которые им предстоит спасти.

И как только на лице Вольмира появилась зловещая улыбка, сердце Аннабель пропустило удар. Она вновь посмотрела на Виссариона глазами, полными страха и обреченности, но вместо любимых карих глаз, она почувствовала его горячую руку. И их пальцы переплелись.

Они закрывали собой стены замка, решившись отразить любой удар ценой своей жизни. Ее рука немного подрагивала, что не ушло от внимания лешего. Виссарион только крепче сжимал ее ладонь. Аннабель было ясно без слов: они вместе до конца.

—Сначала ты вернешь нам ангела,— голос Виссариона был крепок и грозен. Аннабель удивилась, что он мог говорить так смело и громко, глядя в глаза смерти. Тогда как она чувствовала ком в горле, и стук собственного сердца в ушах. — А потом мы вернем тебе твоего раба,— последнее слово Виссарион выделил очень жестко. И Аннабель сглотнула давно стоящий в горле ком. Виссарион смотрел на Вольмира исподлобья, на щеках гуляли желваки. «Он совсем его не боится.»— восхитилась Аннабель, глядя на мужественный профиль лешего.

Вольмир не сводил глаз с Аннабель. Его глаза блуждали по ее глазам и рту, и надолго остановились на ее цвете волос. Аннабель Вольмиру была интересна, и он чувствовал в ней нечто, что ускользало от него уже очень давно. Еще с встречи в лесу, Аннабель стала для него желанной наградой, которую он готов достать из-под земли, словно ищейка.

Аннабель чувствовала на себе его неприятный изучающий взгляд. На слова Виссарион он только усмехнулся — коротко и сухо.

—Мы долго ждать не будем!— вставил Виссарион и отвел одну ногу назад. Его затею Аннабель не поняла, но повторила его движение на случай, если им придется бежать.— Приведите Ренальда!— крикнул себе за спину Виссарион. И толпа позади зашептала и замешкалась. Спустя минуту охранник, который прогнал Аннабель, вел Ренальда. У него все еще были завязаны глаза и руки, его ноги спотыкались друг об друга, но охранник, который выше Ренальда на целую голову, держал его за шкирку и не позволял упасть. Ренальда посадили на колени рядом с Виссарионом на сухую пыльную дорогу. —Если ангел не появится сию же минуту,— Виссарион достал из-за спины длинный широкий нож. Глаза Аннабель округлились от удивления. Их руки уже давно потеряли друг друга, и ей как никогда хотелось схватиться за нее — она теряла землю из-под ног.

Аннабель ни разу не видела в руках Виссариона оружие.— Я перережу ему горло.— и он запрокинул голову Ренальда назад. Резко, сильно, пленник захрипел. Виссарион подставил к его шее нож и слегка надавил. По лезвию потекла тонкая струйка крови, которую видели только Аннабель и Виссарион. Она смотрела в лицо лешего и не видела в нем того ангела, с которым лежала в обнимку на траве, нагретой солнцем. Сменив маску, ее возлюбленный стал хладнокровным жестоким человеком.

Угроза Виссариона подействовала незамедлительно, и Вольмир уже было сорвался с места, чтобы напасть на Виссариона, но остановился, когда лезвие сильнее впилося в кожу Ренальда. Вольмир увидел кровь Ренальда, медленно окрашивающую руки Виссариона.

— Не смей! — прошипел он с оскалом, затем сплюнул и щелкнул пальцами. И прямо у его ног возник человек, свернувшийся клубочком, и не подававший никаких признаков жизни.

Порванная на спине рубашка держалась только на рукавах. Она полностью пропиталась алой, почти бордовой, кровью. Исполосованная спина, с местами засохшей кровью на краях ран, все еще кровоточила и гнила. Там, где Аннабель представляла два больших белых крылья, были обрубки. Рваные раны говорили, что резали их с особой жестокостью и не с одного удара. Человек, наносивший увечья, наслаждался процессом.

— Вольмир. — злобно прорычала Аннабель. Ее взгляд ежесекундно ожесточился, и она с вызовом посмотрела на врага. Ей захотелось, чтоб он страдал также и даже больше, чем это безобидное существо.

— Вот твоя девчонка! Приди и возьми, — вальяжно произнес Вольмир, переплетая длинные пальцы. Он сделал шаг в сторону, специально задев ногой колено ангела. Но пленник не издал ни звука, только вжался в землю еще сильнее.

— Обменяемся одновременно, — предложил Виссарион и схватил Ренальда за шкуру, вынуждая его встать. Они сделали два шага вперед и остановились. В руке блеснул нож, но Виссарион держал его в руке для защиты. — Я долго ждать не буду! — прокричал Виссарион. На его угрозу Вольмир сделал несколько шагов назад от ангела. Их было достаточно, чтобы Виссарион подошел как можно ближе к ангелу. Он лежал на расстоянии вытянутой руки от Виссариона, но леший медлил. Он осмотрел расстояние от ангела до Вольмира, его готовность к схватке и густой туман за спиной чернокнижника. Туман, в котором могла скрываться армия убийц. Только неизвестность остановила лешего.

И Виссарион с силой толкнул Ренальда в спину. Он спотыкаясь побежал вперед не разбирая дорогу. У Виссариона была лишь минута, чтобы взять ангела на руки и убежать под защиту замка.

Аннабель видела, как стройный силуэт Ренальда скрылся в молочной белизне тумана, в котором свое укрытие уже нашел и Вольмир.

Виссарион в эту минуту успел подхватить ангела на руки и пронестись мимо Аннабель с ошеломляющей скоростью. Лица ангела она не увидела, оно было окровавлено и спрятано в плече Виссариона. Лишь длинные волосы и нежная тонкая рука, перекинута через плечо Виссариона, говорила, что Ангел девушка.

Аннабель посмотрела на иссякающий туман, который более не скрывал ни Вольмира, ни Ренальда. На удивление в нем не оказалось ничего, кроме пустынной истоптанной дороги. Только место, на котором лежал ангел, говорило о случившемся. Земля пропиталась и оставила округлый кровавый след.

Сердце Аннабель сжалось от жалости. Она представила те страдания, которые претерпевал ангел в заточении долгие годы. В животе сжался узел, и она решительно отвернулась.

Со дня обмена прошло шесть долгих мучительных дней, которые Аннабель провела в ожидании часа смерти. Виссарион не навещал ее и проводил все время с ангелом, что сильно обижало Аннабель.

В начале седьмого дня Виссарион нашел Аннабель в саду на поляне, на которой они когда-то лежали вдвоем.

Она не слышала его шагов, потому не шелохнулась, когда он остановился поодаль, чтобы полюбоваться ею. Она лежала на спине в позе звезды, ее глаза были закрыты и дышала она ртом. Тяжело и прерывисто.

«О чем-то переживает.» — подумал Виссарион и покачал головой. Она отмахивалась от назойливой пчелы, которая норвила сесть на нее.

—Да иди ты!— и Аннабель резко села, отмахиваясь от насекомого. Только тогда она заметила Виссариона, притаившегося за кипарисом. — А ты там что прячешься?— сорвалась она на него, вставая с земли. Она в одночасье вспомнила свою обиду на него, накопившуюся за шесть дней. Она шла к нему, отряхивая штанины, и когда их стал разделять метр, она остановилась. Глядя ему в лицо, Аннабель видела те любимые карие глаза, цвета меда. Они светились на солнце и манили в свой омут.

Она опустила взгляд на его руки и вспомнила, как они держали нож у горла человека, как кожа окрасилась в красный цвет. Хоть его руки были чисты, они все равно познали насилие. Она сглотнула подступивший ком.

—Я только подошел,— отозвался Виссарион с улыбкой, но хмурое лицо Аннабель быстро ее стерло. — Как себя чувствуешь?

—Просто превосходно!— бодро, но фальшиво ответила Аннабель.— Отдыхаю, как видишь.— пробурчала она в конце, отворачиваясь от него. Смотреть на него ей стало невыносимо. Она не могла понять, какой перед ней стоит Виссарион: любимый человек с полянки или возможный убийца.

—Погода сегодня солнечная,— миролюбиво дополнил Виссарион. Он не мог разгадать причину ее агрессии. От него не ускользнули ее терзания, с которыми она то смотрела ему в глаза, то отводила их.

—Пришел о погоде поговорить?— рявкнула Аннабель и быстро посмотрела на него. — Говори конкретно, зачем пришел! А то вдруг тебя твоя подруга потеряет.— как только Аннабель произнесла эти язвительные слова, она пожалела, что так глупо раскрыла себя. А когда увидела на лице Виссариона улыбку, насупилась еще больше.

—Ах, вот оно что.— И он облизал губы, всматриваясь в профиль Аннабель,— Да, может и потеряет.— поддел он ее и в ответ получил недовольную гримасу.— Ты сегодня очень дружелюбная,— сказал с иронией Виссарион, о чем Аннабель сразу догадалась.

—Зато ты больно счастливый! Я не успеваю за твоими перепадами настроения!— процедила она сквозь зубы.

—Я тоже,— хмуро отозвался Виссарион. Дыра в душе все еще была с ним, но он старался быть тем же, что и раньше. Хоть и иногда ему приходилось играть роль. — Но я правда счастлив. Почему бы и нет? Мы отобрали у Вольмира козырь, война почти выиграна. Или уже выиграна. Вольмир не спешит объявляться.

—Ой ли!— взмахнула руками Аннабель. — Это затишье перед бурей! А когда она грянет? Что будет? Мы все погибнем!— вспыхнула она, как спичка.

— О чем ты?

—Ты понял.— с нажимом ответила Аннабель и тяжело вздохнула, потирая лоб пальцами. Ее сердце уже который день билось с бешеным ритмом, отчего Аннабель буквально не хватало воздуха. Она вдохнула поглубже, но этого было мало. В голове гудело, и она на секунду зажмурилась.

Головная боль с последнего раза так и не прошла. И на протяжении всех семи дней была ей верным спутником.—Как ты можешь быть таким спокойным? И все остальные?— уже спокойнее спросила Аннабель.— Мы даже не знаем, сколько у него людей! И какие на его стороне силы. Может, нам вообще надо было бежать.

—У нас есть стены, друиды, небольшая армия и два ангела!— ободряюще заключил Виссарион.

—Два падших ангела! — поправила Аннабель.— Один — бывший, а другой ранен.— В ее стеклянных глазах, держащих слезы, он видел гораздо больше, чем она говорила и показывала —страх, ревность и невообразимая тоска по нему.

—Я верю, у нас все получится.— спокойно сказал Виссарион и протянул руки, чтобы прижать ее к себе и успокоить.

—Твоей веры недостаточно!— ее голос сорвался. Она подняла руку, чтобы вновь потереть лоб и унять пульсирующую кровь в голове, и Виссарион заметил, как ее руки дрожат.

— Мы справимся, — Виссарион взял её за руки. — Мы сильнее, чем ты думаешь.— он прижал ее к своей груди. Крепко и без колебаний. — Я уже исцелился, и чувствую себя превосходно. У нас есть друиды, а раненого мы быстро поднимем на ноги. Она так же быстро исцеляется, как и я.— он гладил ее по волосам, и чувствовал на шее ее горячее дыхание. Оно понемногу замедлялось.

—Ты живешь иллюзиями,— прошептала Аннабель, пряча лицо у него в груди. Страх перед грядущим только усиливался, награждая ее мучительными мигренями и беспокойным сном.

—Ты мне кое-кого напоминаешь,— Аннабель не видела, но точно знала, что Виссарион улыбается. — Она такая же строптивая и непокорная, как и ты.

—Кто?

—Топаз. Ангел, которого мы спасли. Она очень хочет с тобой поговорить. Пойдешь?

—Да, — сдавленно выдохнула Аннабель. Она была не готова видеться с человеком, который отнял у нее драгоценные спокойные дни с Виссарионом, но не могла отказать ему. Вдобавок ей очень хотелось посмотреть на Топаз.

— Пойдём.— он взял ее за руку и повел из сада, но у выхода остановился.— И кстати, с Топаз у меня ничего никогда не было. Она мой очень хороший старый друг.— И не дав сказать Аннабель ни слова, пошел дальше. Аннабель оставалось только кивнуть его спине и последовать за ним. Она была рада, что он не видит ее пунцового лица.

Виссарион потянул за руку Аннабель внутрь замка. В полном молчании они шли в северное крыло, думая о своем. Аннабель думала об ангеле, а Виссарион как спасти Аннабель от предстоящей битвы. Его мысли сопровождался постоянным крепким сжатием ее руки, пока Аннабель не вскрикнула.

—Ты сильно жмешь,— она высвободила руку и потеряла пальцы,— что на тебя нашло?

—Я просто задумался,— ушел от ответа Виссарион, но Аннабель и не хотела лезть ему в голову. Только склонила голову на бок и долго смотрела ему в глаза.— Что?

—Вечно твои секреты,— в итоге произнесла Аннабель с тяжелым вздохом. — Смотри, тут что-то есть.— и она зашла за спину Виссариону и остановилась у железных решеток. За ними скрывались высокие книжные шкафы, битком набитые книгами и свитками.— Это что, библиотека?— она прижалась к решеткам и обхватила прутья руками, по возможности заглядывая за углы шкафов.

—Да,— Виссарион подошел и скучаяще заглянул в библиотеку.

—Ты там был?— спросила Аннабель, все еще не отводя взгляда от книг. — Как думаешь, там есть история Рафаэля и Вольмира?

—Скорее всего. Но мне, конечно, не довелось ее прочитать.

—А я бы почитала,— с тоской произнесла Аннабель,— я, конечно, ее уже слышала, но вдруг Ольгерд что-то упустил и не рассказал мне? Или не сказал намеренно?!

—Это надо идти к ним в ученики.

—Ха,— усмехнулась Аннабель,— Смешно. Вряд ли они возьмут девушку.

—Кто знает?— Виссарион пожал плечами.— времена меняются.— уклончиво ответил Виссарион,— Пойдем, нас ждет Топаз.

—Как драгоценный камень,— с улыбкой сказала Аннабель, идя вслед за Виссарионом по извилистым коридорам замка.— Мама дарила мне украшения с Топазами.— Аннабель так быстро предалась воспоминаниям, что не увидела косога встревоженного взгляда Виссариона.

—На твоём браслете тоже есть топаз?— Виссарион видел ее браслет только издали, но ему и не нужно было его разглядывать.

Слова о камнях почему-то заставили вспомнить звон украшения, когда Аннабель что-то делала руками.

— Да, но маленькие, — она покрутила браслет в руке и с грустью вздохнула, — Он со мной сколько я себя помню.

— Понятно. — Виссарион улыбнулся и остановился у одной из дверей второго этажа замка. — Ну что ж, мы пришли, — и он толкнул дверь. Внутри было темно, было зажжено мало свечей, и почти все они стояли у кровати больного. Когда Аннабель сделала шаг в комнату, ее окатило духотой, и ей сразу же захотелось выйти на улицу. Аннабель стала дышать чаще, почти хапать воздух ртом, и почувствовала, как лоб вспотел. Она стерла влагу со лба и удивилась — она почти никогда не потела. Среди духоты Аннабель учуяла резкий запах трав и неприятный металла. Аннабель сразу поняла — это запах крови.

Топаз лежала спиной к двери, укрытая до самой головы одеялом, потому Аннабель не видела ее спины и рук, а мрак комнаты не позволил разглядеть и ни цвет волос, ни цвет кожи.

— Проходи, не бойся, — подбодрил ее Виссарион, останавливаясь близ кровати Топаз. От его слов она задвигалась, голос Виссариона ее разбудил.

Аннабель сделала пару шагов и остановилась в центре комнаты, ожидая, когда Топаз сама к ней повернется. Она делала это медленно, потому Аннабель сначала увидела часть бледной с фиолетовым синяком щеки, затем показался курносый нос, знакомый Аннабель еще с детства.

И Аннабель сделала пару шагов назад от неожиданности.

Когда Топаз повернулась полностью, Аннабель почувствовала, как замерло сердце, и она перестала дышать.

Коленки затряслись и в полном неверии Аннабель смотрела в глаза матери. И когда Топаз произнесла то самое нежное, ласковое: — Аннабель, — на правой щеке у нее был глубокий порез, аккуратно зашитый добрыми руками друидов. Над глазом был кровоподтек, но Аннабель без сомнений знала, что смотрит в глаза матери.

— Мама... — это был не крик, а стон, вырвавшийся из самой глубины души. Слезы туманом застилали взор. Она отвернулась, а потом снова посмотрела, и увидела её. Молодую, такой, какой запомнила.

Первый порыв — бежать к ней, заключить в объятия, вдохнуть давно забытый аромат ее кожи, но ноги были прикованы к месту.

— Виссарион, оставь нас, пожалуйста, — тихо попросила Топаз.

Когда дверь закрылась, в комнате повисла тишина, которую долго не могли нарушить. Топаз разглядывала повзрослевшую дочь, вспоминая, какой пухлощечкой малышкой она была, и теперь перед ней стояла взрослая девушка с огнем в глазах.

— Ты такая взрослая. — голос Топаз дрогнул, по её щекам текли слёзы. — И такая красивая. — Топаз закрыла глаза, отворачиваясь от Аннабель. Она не могла смотреть на дочь и понимать, сколько было упущено лет. Года, которые они могли бы провести вместе, в которых она бы видела, как взрослеет ее ребенок. Перед ней стояла ее дочь, но Топаз ее совсем не знала. Они были похожи, ни как мать и дочь, а как две сестры.

И это больно било ее в самое сердце. — Ты похожа на Чарльза, — и она громко всхлипла. Воспоминаний разом навалились на нее, и она была не в состоянии с ними справиться. Топаз перевернулась на бок и спрятала лицо в подушке, отдаваясь полностью воле слезам.

Это надломило Аннабель, и она подбежала к матери, упав у ее кровати на колени. Она положила свою голову на голову матери и сжала ее перебинтованную ладонь. Эти прикосновения убедили Аннабель в реальности происходящего, и она тоже заплакала.

— Мама... — с всхлипом произнесла Аннабель, забираясь к ней на кровать и прижимаясь к ней всем телом. Топаз обвила ее своими руками, не обращая внимания на боль.

— Не было ни дня, чтобы я тебя не вспоминала, — шептала она в ухо Аннабель, — ты мне веришь? — но Аннабель молчала, — прости меня. — и она поцеловала дочь в щеку, — прости

меня, пожалуйста,— и она снова ее прижала к себе.— Я так перед тобой виновата. Ты простишь меня?

—Мама, я тебя так люблю.— и Топаз этого было достаточно, чтобы понять, сердце дочери не держит на нее обиду. Топаз перебирала белые волосы Аннабель, всматриваясь в их приятный сияющий цвет.

—Ты все такая же, с прекрасными белыми волосами,— с улыбкой произнесла Топаз. По щекам медленно текли слезы за все года, которые Топаз пропустила.

—Я не всегда такой была,— призналась Аннабель, пробубня слова куда-то в плечо матери.— Когда ты пропала, я красилась в темный цвет.

—И как вернулась к родному?— Топаз больно отреагировала на слово о своем исчезновении, но оставила это внутри себя. Ей все еще было стыдно перед Аннабель и Чарльзом. Что ему пришлось растить дочь в одиночку.

—Когда папа умер.—холодно ответила Аннабель и зажмурила глаза. Она почувствовала, как дрогнула рука матери и зависла в воздухе, так и не опустившись ей на голову. Когда секунды пошли на минуты, Аннабель посмотрела в лицо матери. Ее лицо замерло в немом ужасе, а в глазах застыли слезы, так и не скатившись по ее щекам. Она смотрела в пустоту и не моргала.

—Мама?— но она не ответила. Тогда Аннабель потрясла ее за руку,— Он погиб на работе.— и Аннабель сглотнула ком в горле. И спустя минуту Топаз моргнула, и слезы снова покатались по щекам.— бабушка поставила ему надгробие. И тебе рядом с ним.— Аннабель опустила глаза, извиняясь. Ей стало неловко от того, что при живой матери стоит памятник.— Она это сделала, чтобы мне было легче.— попыталась оправдаться Аннабель.— Она же не знала, что ты жива.

—Все хорошо,— хрипло произнесла Топаз. Она не чувствовала обиды за памятники. Это последнее, что ее интересовало. —Я любила твоего отца,— тихо произнесла вскоре Топаз, — Как только может любить человек.

—Почему ты ушла от нас?— и взгляды матери и дочери встретились. В глазах Топаз Аннабель увидела испуг.

—Я никого из вас не бросала!— оцетинилась Топаз в мгновение. — Я знала, что что-то грядет, — уже спокойно продолжила она,— но до последнего не хотела в этом участвовать. Однако это и моя война. Я должна была уйти, правда я не думала, что пропаду так надолго. Я была заложником Вольмира, он питался моей силой все эти года. — Топаз прижала к себе дочь и дополнила,— Не было ни дня, чтобы я о тебе не думала. Я звала тебя в самые тяжелые ночи и мечтала, что прихожу к тебе во снах. В этих снах мы разговаривали. Прости, что заставила думать, будто я тебя бросила.

—Мне тебя не хватало. — выдохнула Аннабель. — Почему Топаз?— спросила Аннабель, лежа по правую руку от матери.

—Это мое настоящее имя,— Топаз перебирала здоровой рукой волосы дочери,— Аделаиду придумал Виссарион.

— А мое имя кто придумал? Ты?

—Да, «Аннабель»- переводится, как благодать. Это было очень символично, ведь свою я почти похоронила.

—Так как ты можешь быть ангелом, если отказалась от этого?

—Полностью избавиться невозможно. Можно лишь запереть силу. С помощью рун, которые создала я и Виссарион, спрятав свою благодать в особом сосуде. Я извлекла ее, сделав надрез на груди, — она провела рукой у груди,— а потом просто поместила в кулон, который долго носила на шее. Я боялась расстаться с ней окончательно, мне всегда казалось, что может что-то случится. И я не прогадала. Когда мне она понадобилась, я просто разбила кулон, высвобождая силу.

—Надо же. Я всегда считала руны простыми буквами, которые не могут значить хоть что-либо важное. — безразлично ответила Аннабель, перебирая руны-подвески на браслете.

—Твой браслет тоже не простой,— с замиранием сердца сказала Топаз. Дольше тянуть не было бы смысла. Это имело обратный эффект : вместо защиты Аннабель, погубило бы ее. — Эти руны,— она дотронулась до них,— они заговорены мной и Виссарионом, чтобы защитить тебя.— и Аннабель резво вскочила.

—Он знал?! Он знал все это время, что это такое и просто молчал?!Он знал тебя, и не говорил?!— голос Аннабель стал высоким. Она почти кричала на мать.

—Он не мог рассказать тебе.

—В смысле не мог? Как он смел скрывать такую тайну?!

—Он бы умер, если бы сказал,— спокойно произнесла Топаз. И эти слова подействовали, Аннабель замерла, ошарашено глядя на мать.

—Он бы что?— переспросила Аннабель. Она почувствовала, что во рту пересохло.

— Он дал обет молчания мне. Если бы он нарушил его, то тогда умер бы на месте.

—Но,— Аннабель запинаясь,— но как же он узнал обо мне? Как-то не сходится.— Аннабель прищурилась.

—Мы сделали руны еще задолго до твоего появления. Вдвоем накладывать их гораздо проще и лучше, чем это делала бы я одна. Мы сделали это еще до ритуала избавления от благодати. Я бы об этом и не додумалась, если бы Виссарион не спросил, хочу ли я детей от своего человека, и как я буду защищать своего ребенка.

—Как продумано,—заметила Аннабель.

—Это Виссарион, он всегда думал на десять шагов вперед. К тому же, он старше даже меня! Неудивительно, что он так много знает и понимает.

—Да, наверное,— прошептала Аннабель, присаживаясь на край кровати. Она крутила одну из подвесок, на языке вертелся вопрос,— это значит, что я тоже?

—Что?

—Как ты? Наполовину ангел?

—Возможно.— неоднозначно проговорила Топаз.— Мы с таким никогда не сталкивались. Твои руны защищали тебя от болезней и бед, и возможно от силы, данной природой. Но я никогда не проверяла, не снимала с тебя браслет. А ты?

—Я тоже никогда не снимала. Даже не чистила ни разу,— виновато призналась Аннабель.

—Думаю скоро мы узнаем, что скрывается в тебе. Может быть и такое, что природы отца в тебе больше, и ты окажешься простым человеком. Хотя,— и Топаз улыбнулась и потрогала ее волосы,— Мне кажется, что моей сущности в тебе больше.

—Что? Волосы?— и Аннабель впервые на них взглянула иначе.

—А мои белые ресницы и пряди? Ты неспроста такая. Может, ты даже сильнее меня.— и Топаз увидела, как лицо дочери расплывается в широкой улыбке полной восхищения.

—Да, надо с этим разобраться. Вольмир идет войной.

—Ты не обязана сражаться!— в голосе Топаз зазвучала паника.— Ты можешь вернуться домой. Когда я окрепну, то открою портал, и ты уйдешь. Это не твоя война.

—И ты готова просто так уйти вместе со мной?

—Уйдешь ты одна.

—Нет!— в голосе Аннабель зазвучала сталь,— Я уже жила без тебя! И больше этого не допущу! — Аннабель смотрела на мать с полной решимостью спорить до победного конца . —Я тебя только нашла!

—Виссарион прав,— и Топаз улыбнулась,— Ты действительно на меня похожа.

Глава XXI: Древо

Аннабель проснулась, лежа на животе. Рукой она провела по кровати напротив себя — Топаз рядом не было, но простынь все еще хранила ее тепло. От подступившего страха потерять маму вновь, Аннабель вскочила.

—Я здесь.— утешила дочь Топаз. Она сидела у окна и глядела на далекий сгоревший лес. Топаз не стала будить дочь, желая дать ей пару минут крепкого сна.

Она взяла от каждого родителя все самое лучшее, Топаз в этом не сомневалась. Она видела, что Аннабель ворочается во сне и хмурится, но это не помешало ей разглядеть еще такое молодое лицо дочери. Черты от Чарльза, местами грубые и не подходящие, но составляющие идеальную картину невинного лица. Однако волосы, глаза и кожа — неземные, мистические и необычные, привычные для мира Топаз.

—Выспалась? — Топаз села на край кровати и погладила дочь по щеке. Аннабель прильнула к ее ладони с огромным удовольствием, наслаждаясь утерянными минутами с матерью.

—Можно и так сказать,— Аннабель зевнула и потерла глаза,— ты выглядишь лучше.

—Быстро восстанавливаюсь,— Топаз безразлично пожала плечами, показывая, что это ее совершенно не удивляет,— да и друиды помогают своими снадобьями.

—А почему в плену ты не могла так восстановиться и сбежать?

—Как только мои силы начинали восстанавливаться, Вольмир сразу же их забирал. И так по кругу.— с тоской произнесла Топаз. Она расправляла складки у простыни и не поднимала глаз, пока говорила с Аннабель.

—Как это было?— шепотом спросила Аннабель и положила свою руку на ее, призывая успокоиться и довериться,— Что он делал с тобой?— но Топаз молчала,— Мам?

—Каждый раз, словно тупым ножом, он истязал меня,— хрипло произнесла Топаз,— и каждый раз я обещала себе, что сейчас не буду кричать,— и ее голос дрогнул,— и ни разу не сдержала обещание,— ее руки дрожали, но она продолжала говорить,— Он истощал меня снова и снова, пока я перестала различать день и ночь. Мое зрение терялось, я не всегда его видела. Была только боль.— и одна слезинка скатилась по щеке, но Топаз ее быстро смахнула,— Я не знала, что может быть так плохо.— она схватилась за бок, словно все, что она говорила, повторилось,— Но судьба умеет удивлять.

—Как ему это удалось? — Аннабель говорила все также шепотом, боясь спугнуть откровение матери,— Как он может быть сильнее вас? Это непостижимо!

—Пока мое сознание еще могло анализировать, я об этом думала. Я долго не могла понять, что за оружие такое, которое могло меня ранить или забрать хоть толику благодати. Сначала я увидела кинжал, которым ему удалось меня ранить. Я такие не видела ни у кого из нас. В порыве тщеславия он признался, что ему этот кинжал дал один из нас.

—Рафаэль.— шепотом произнесла Аннабель и прикрыла рот рукой от удивления. На озадаченный взгляд матери Аннабель ответила,— Друиды рассказывали, что он дружил с ангелом Рафаэлем. И видимо он сам рассказал все ваши тайны, из-за доверия и любви к Вольмиру. Иначе у него просто не могло найтись такое оружие.

—Я не знаю, как его можно было так сильно любить, чтобы поведать такое!— злобно прошипела Топаз, и Аннабель видела, как на одно мгновение глаза матери сверкнули фиолетовым.

—Это единственное объяснение, которое могли дать друиды.— миролюбиво продолжила Аннабель.— Но как он этим кинжалом доставал благодать? Это же не кровь.

—Да, для таких вещей у него были другие приспособления.— и Топаз передернуло,— Я долго не могла понять, что это за нож такой. И только потом поняла, что это и не нож вовсе.—И Топаз нахмурилась, погружаясь в воспоминания.

—И что это было?

—Ребро ангела. Заточенное на конце, чтобы можно было им хорошенечко ранить,— и ее слова стали жестче.— Этим орудием он делал надрез под ребром,— Топаз закатала рубашку и показала дочери межреберные порезы. Тонкие и достаточно аккуратные, сделанные в одно движение. Это единственные раны, которые плохо заживали и источали яркое неестественное фиолетовое сияние из глубины тела. Аннабель ожидала увидеть кровь и мясо, но ничего подобного там и не было. Лишь свет,— Он периодически менял места порезов. Не знаю почему, может хотел доставить мне куда больший урон.— она опустила рубашку,— И это логично. Они заживают дольше, а на заживление у меня уходят силы. Да и раны меня ослабляют. В общем, сделав надрез, он подносил костяную чашу, которую капала благодать. Я помню, как он хвастался, что сделал эту чашу из черепа одного строптивного ангела,— Топаз сжала кулаки, — я тогда глядела ему в глаза и представляла, как втыкаю ему кинжал в глаз,— процедила она сквозь зубы с неистовой злостью.— но случая так и не представлялось. С каждым разом сил у меня было все меньше.

—Но ты же восстанавливалась! Как такое может быть?

—Аннабель,— она положила свою руку ей на щеку,— даже если меня каждый день по тысячу раз втыкать нож, я устану и мне будет больно. — Аннабель видела в глазах матери нестерпимую боль, которую она проживала очень часто.

—А крылья? Что с ними стало?— после ее вопроса Топаз положила руку на плечо и зажмурилась, словно ее только что ударили ножом в спину.

—Не хочу об этом говорить.— и она встала,— в любом случае скоро я восстановлюсь полностью. И стану сильной, как прежде.

—Это хорошо,— Аннабель тоже встала и попыталась потянуться. Тело еще ломило, и мышцы тяжело болели, но чувствовала она себя лучше,— а я пока не восстановилась. Думаю уйдет ни один день. Это еще раз доказывает, что я не ангел. — и она чихнула,— Точно!

—Ты частично человек,— и Топаз потрепала ее за щеку,— и слава богу!

— Когда за окном война, хочется быть супер героем,— Аннабель подошла к окну и высунула голову. Ветер приятно ласкал ее разгоряченные щеки. Распустившиеся во время сна волосы лезли ей в глаза и легонько били по лбу,—Обычные люди - ходячие трупы,— безнадежно изрекла она, и ветер унес ее слова далеко за пределы замка.

—Аннабель!

—Что? — и она посмотрела на мать.

—Не смей так говорить!— она подошла к ней,— Шанс всегда есть.

—Ладно,— Аннабель согласилась, но имела иное мнение. Свою крохотную надежду на победу она даже не рассматривала. — есть хочется,— с улыбкой изрекла Аннабель и искоса посмотрела на Топаз.

—Да,— с такой же улыбкой поддакнула Топаз. Они переглянулись и захихикали,— тогда давай перехватим что-нибудь, только... — и она посмотрела на Аннабель загадочными глазами.

—Что?— Аннабель осмотрела себя,— у меня что-то с лицом не так?

—Можно я заплету тебе волосы? Как в детстве... — Топаз затаила дыхание. Она думала об этом, как только проснулась и увидела, как волосы дочери разбросаны по кровати. Они были с серебристым отливом и светились на солнце, похожие на жемчуг.

—Давай,— с улыбкой согласилась Аннабель и села на кровать, скрестив ноги по-турецки. Нежными движениями, почти не касаясь головы, Топаз распрямила волосы и разгладила их по спине, чтобы они меньше путались. От висков она сплела по две косы, уходящие в два толстых колоска, достающих до поясницы.

—Готово!— Топаз поцеловала дочь в макушку и улыбнулась. Аннабель провела рукой по голове и посмотрела на мать глазами полными восторга.— Нравится?

Перед выходом из комнаты Топаз поделилась:— Когда ты спала, заходил Виссарион, и сказал, что нас вечером ждут на собрании.—Еще спрашиваешь!— Аннабель смотрела на мать и вспоминала детство. Все напоминало ей о нем, ее руки и запах, улыбка и искры в глазах, она ничуть не постарела с тех пор. Разве что Аннабель стала другой, оттого она не могла относиться к Топаз, как к матери в полной мере. Аннабель резво вскочила на ноги и обняла Топаз за плечи. В глаза смотрели обрубленные корни крыльев, сочившиеся кровью через белые бинты. И Аннабель зажмурилась, представляя сколько усилий требуется Топаз, чтобы улыбаться при такой потере.

—Что-то уже случилось?— поводов для тревоги было достаточно, но Аннабель знала, что это не война. Слишком мирное небо над головой было для этого.

—Узнаем позже.

В кухне, где было полно народу и несколько поварих, готовивших еду на всех в замке, Аннабель и Топаз умыкнули несколько горячих пирожков, за что в них полетел половник. Чудом не достигший цели. Свои трофеи Аннабель и Топаз съели в саду, сидя на любимой теплой от солнца поляне.

Как только Аннабель съела последний пирожок и утерла рот от крошек, она посмотрела на крылья Топаз. С них на траву капала кровь. За ее спиной могла бы образоваться лужица, если бы земля не впитывала влагу. Только зеленые травинки были частично окрашены в алые цвета.

—Они всегда так будут,— Топаз не надо было спрашивать, куда смотрит Аннабель. Без любого вопроса было понятно, что интересуется ее дочь.

—Да, у Виссариона также,— и Аннабель смутилась. Это не ускользнуло от Топаз, но докучать вопросами она не хотела. Они и просидели до вечера, пока солнце не скрылось за горизонтом.

—Кажется, нам пора? — Аннабель потянулась и встала.

—Да, думаю нас уже ждут,— Они молча направились в сторону Древа, там уже собрались все друиды и Виссарион. Они о чем-то оживленно спорили, но замолчали, когда подошли Топаз и Аннабель. Они переглянулись — такая резкая перемена не ускользнула от матери и дочери.

—Рад видеть тебя во здравии, Топаз.— Товий взял ее руку и крепко пожал. На его лице была отеческая улыбка.— Мы все переживали за тебя, и так рады, что ты с нами.

—Спасибо.— Топаз похлопала его по руке,— Может, начнем?— она оглядела присутствующих,— О чем речь?

—У нас прискорбные вести,— обреченно произнес Ананий.

—Какие?— в один голос спросили Топаз и Аннабель.

—Древо умирает.— вперед вышел Виссарион и его слова звучали, как смертный приговор.—Мы думаем, что это неспроста.

—Что ты имеешь ввиду?— Аннабель подошла к Древу и посмотрела на него снизу вверх. Оно выглядело хуже, чем в последний раз. Его листья потускнели и стали опадать, хотя раньше Аннабель не замечала ничего подобного. И от него почти перестало исходить красивое сияние, на которое Аннабель любовалась.

—Нам кажется, что это часть коварного плана Вольмира,— Рунар стоял рядом с Аннабель и смотрел на ее реакцию. К своему удовлетворению он не заметил ничего, кроме жалости и сострадания. Не дожидаясь последующий вопросов, он продолжил,— Ренальд был не просто случайно упавшим человеком. Он был оружием. Нам кажется, что он сам желал попасть к нам, и мы ему помогли по своей глупости. Вольмир не мог штурмовать замок напрямую — защита Древа была слишком сильна. Поэтому он пошел на хитрость.

— Но как один человек мог навредить такому могущественному Древу? — не поняла Аннабель.

— Вопрос интересный и весьма сложный. — он попытался улыбнуться уголками рта, чтобы как-то смягчить углы, но никто эту попытку не оценил.—Есть много вещей, которые можно совершить только черной магией,— объяснял Рунар,— Пока Ренальд находился в стенах крепости, он незаметно отравлял Древо. Когда ты его сбила... —он посмотрел на Аннабель, — это дало ему прямой доступ к самому сердцу нашей защиты.

— Но почему тогда Вольмир согласился на обмен? — возмутилась Аннабель. Она вновь почувствовала свою вину за сбитого Ренальда. От этого у нее засосало под ложечкой.

— Потому что его работа была уже выполнена, — мрачно ответил Виссарион. — Древо уже ослабло. Теперь Вольмиру только и остается, что ждать, когда защита окончательно падет. Он вернул Топаз не из великодушия — он просто менял уже ненужное оружие на ценного заложника.

— Хуже того, — добавил Ольгерд, —Отдавая его назад, мы могли непреднамеренно усилить Вольмира.

Топаз побледнела:

—Значит, мое освобождение... могло стать частью его плана?

— Вольмир всегда думает на несколько шагов вперед, — кивнул Товий. — Он знал, что мы не оставим ангела в плену. И использовал это против нас.

— Мы полагаем, что Ренальд, — вступил Ольгерд. — пока был здесь, мог что-то сделать с Древом.

— Подождите! — вмешалась Аннабель. — Когда мы осматривали Ренальда, он был абсолютно обезоружен и даже не двигался! Он не мог не только колдовать, но и даже двигаться! Как тогда он мог это сделать?

— Магия Вольмира коварна, — угрюмо ответил Рунар. — Мы может только гадать, как он это сделал. Но сейчас это не главное. Древо гибнет. Защита падет через день-два, может, раньше.

— Без защиты мы все погибнем, —проговорил Ананий, и в его голосе звучала беспомощность. — Мы исчерпали все свои средства. Остался лишь один шанс... — Он посмотрел на Топаз. — Сила ангела. Только она может противостоять магии Вольмира и возродить Древо.

— Ты предлагаешь мне отдать свою благодать? — Топаз медленно отвела руку от коры.

— Это единственный способ создать иммунитет и восстановить его силы. По сути ты не отдаешь, а прячешь ее там.— тихо сказал Ольгерд. — Твоя сила станет щитом, который спасет всех в замке.

— Нет! — Аннабель схватила мать за руку. — Это ловушка! Вольмир на это и рассчитывал! Он хочет, чтобы мы сами лишили себя защиты в твоём лице!— все переглянулись,— Ты сильнее всех присутствующих,— Виссарион удивленно поднял бровь,— Без обид, Виссарион,— сразу оговорила Аннабель,— но это правда.

— Дитя, ты права, — горько улыбнулся Ольгерд. Аннабель уже смирилась с новым обращением к себе, хоть и закатила глаза незаметно для всех.— Но у нас больше нет выбора. Мы выбираем между верной гибелью и возможной гибелью. Без Древа нас ждет резня.

— Что будет с моей мамой? — настаивала Аннабель, обращаясь ко всем.

— Она станет смертной, — четко произнес Рунар. — Но будет жива.

Топаз закрыла глаза на мгновение, затем обвела взглядом собравшихся. Она видела отчаяние в глазах друидов, страх Аннабель и решимость Виссариона.

— Они правы, — тихо сказала она. — Иногда единственный способ потушить пожар — это создать контролируемый взрыв. Я должна стать этим взрывом. Я не бросаю вас. Я покупаю нам время.

—Но ты станешь снова смертной. Только уже навсегда! Обратного пути не будет.— настаивала Аннабель. Но она решила умолчать о том, что без своих сил Аннабель и Топаз вынуждены будут остаться жить в Рогбане до конца своих дней.

— Я думаю, что я привыкну. Опыт есть, — горько усмехнулась Топаз и погладила дочь по щеке. Она ей подмигнула и подошла к Древу.

Она не была уверена, что сможет помочь. Ее сил пока хватало разве что на царапину. Она прикоснулась к шершавой коре, закрыла глаза и увидела воспоминания духов Друидов...

...Пир. Вокруг горели факелы, отбрасывая тревожные тени. Столы ломились от яств: мясо на вертелах, куры, свежие овощи, дымящийся картофель в больших мисках. Один из друидов в белом балахоне вышел к столу, за которым сидели люди в кольчугах и доспехах. Друид снял капюшон, открыв седые волосы и длинную бороду, и низко поклонился.

— Спасибо, что пригласили нас на этот великолепный пир, — снова поклонился он. Люди за столом ответили тем же, но улыбки их были с оскалом, а глаза сверкали ненавистью. Друид уже хотел уйти, но замер. За спинами его сородичей возникли воины с ножами. Лезвия блеснули, и кровь друидов хлынула на столы, окрашивая яства в багрянец. Люди спокойно пили из кубков, наблюдая, как угасает жизнь. Кто-то хрипел, захлебываясь кровью, кто-то пытался уползти, но его добивали ударом меча.

Друид, стоявший у стола, онемел от ужаса. Очнувшись от шока, он обернулся к убийцам: — Вы пожалеете об этом! Земля этого не забудет!

Это были его последние слова. Один из воинов вонзил ему нож в спину. Друид упал на колени и прошептал: — Небо накажет вас... — и рухнул, умерев.

Топаз с ужасом отдернула руку. Она буквально чувствовала, как кровь капает на землю.

— Они снова и снова переживают свою смерть, — прошептала Топаз, обернувшись к остальным. — Я не смогу ему помочь. Они умирают в последний раз.

— Даже если отдашь все? — выступил вперед Виссарион. Он был готов пойти на такой риск.

— Нужно что-то сильнее, наверное. — Топаз обтерла ладонь, словно на ней была кровь, и безнадежно вздохнула.

— А если я добавлю остатки своей? — выступил Виссарион. Он знал, что в нем этого осталось мало, но его крупички могли сыграть решающую роль.

— Боюсь, и этого будет недостаточно, — Топаз похлопала Аннабель по плечу, видя как глаза дочери разочаровано блестят.

— Мы справимся и без защиты замка. Своими силами. — ободрила всех Аннабель. Хоть и в свои слова верила с трудом.

— Заклинание трех, — просипел один из старейших друидов. Варлаам был почти слеп и глух, но всегда вставлял слово в нужный момент. — У нас есть два ангела и полуангел...

— Но у меня нет сил, — перебила его Аннабель.

— Есть, когда снимешь эту вещь. — Варлаам указал на браслет Аннабель. Он был весьма внимательным и давно заметил браслет на ее руке. Но Варлаам всегда считал, что все должно быть сделано и сказано в нужное время. — Но предупреждаю — сила, скрытая так долго, может вырваться непредсказуемо.

— Что за «заклинание трех»? — спросила Аннабель, опережая Виссариона и Топаз. Последние только и успели открыть рты для вопроса.

— Древний обряд, требующий огромной цены, — голос Геронтия стал торжественным. — Трое носителей ангельской крови должны добровольно отдать часть своей сущности или полностью, чтобы создать новое сердце. Это идеальный вариант в нашем случае. Древо будет жить за счет ваших сил, вы останетесь все также живы, но замок получит свою защиту. Как и все внутри него.

— Что именно от нас требуется? Только благодать? — спросил Виссарион.

— Кровь, тимьян, лаванда, ваша благодать и асафетида, — перечислил Геронтий. — Последнее — корень, что растет лишь на могилах первых друидов. У нас сохранился лишь

небольшой флакон... Должен быть где-то в лекарной.— задумчиво дополнил он спустя минуту размышлений.—Я пойду поищу,— и медленной уверенной походкой он удалился.

— И главное —амулет для благодати! —вспомнил Рунар.— Он должен побывать в огне. Что-то, что с болью было взято и безвозвратно.— все посмотрели себе под ноги с хмурыми лицами, перебирая в памяти, что могло бы подойти под описание. Но Виссарион уже снимал с шеи серебряную цепочку, на которой висело нечто черное. Когда друид Ананий протянул руки, чтобы взять кулон, Виссарион обошел его и подошел к Аннабель. Он взял ее руку в свою и опустил ей в ладонь амулет. Это было маленькое черное перышко, обугленное и пахнущее смолой.

—Это последнее перо от моих крыльев. Я сохранил его в ночь падения,— он замолчал, заглядывая в глаза Аннабель. Она без слов понимала, как ему дорого то, что он отдает. И она сжала маленький амулет в руке.—Пусть будет у тебя до последнего, пока не исполним заклинание.— и Аннабель кивнула, надевая цепочку с амулетом себе на шею.

— Подойдет, — кивнул Варлаам. — Но учтите — ритуал отнимет у каждого вашу сущности. Вы можете лишиться дара исцеления, силы или...— и он замолчал.

—Или что?— нахмурилась Аннабель, но посмотрев на Виссарион и на Топаз, она поняла, что идет после этого злосчастного «или».—Ах,— наигранно охнула Аннабель,— понятно.— последнее время все стали слишком часто говорить о смерти. И ей уже было тошно слышать об этом.

— Мы понимаем риск, — тихо сказала Топаз, и Виссарион кивнул. Аннабель понимала, но в корне была не согласна. Свою жизнь она не берегла, хоть и боялась боли, но потерять Виссарион или снова Топаз, она не собиралась. Потому поставила себе цель спасти их во что бы то не стало, подставив под удар себя.

Ольгерд подошел к Аннабель и взял ее под руку, успокаивающе похлопывая по ней. Аннабель сразу почувствовала на себе его чары, но решила руки не отбрасывать — в ее душе давно не было покоя.

—Аннабель,— он все еще держал ее руку в своей,— твой браслет. — Аннабель не понимала, почему он боится говорить об этом, но слушала внимательно.— его надо снять.

Аннабель посмотрела на свой браслет, затем сорвала его с руки. После раскрытия тайны этого браслета он перестал что-либо значить для нее. Это был простой подарок, который остался от мамы после ее смерти, однако Топаз была рядом с ней, и потому он ей более не нужен.

Он рассыпался у нее в ладони, словно его держала неведомая сила. В руке осталось несколько рунических кулонов, остальные серебряные звенья упали на землю и разлетелись на ветру. В душе Аннабель почувствовала облегчение, будто с нее сняли ошейник, но больше — ничего. Мысль, что в ней нет магии, окрепла.

—И что теперь? — спросила она, не ощущая разницы после снятия браслета.

— Терпение, дитя, — ответил Ананий.— Семя прорастает не сразу. Тебе нужно время...

—И сколько?— встревожено спросила Топаз, подходя к дочери и обнимая ее за талию. Она не переживала за заклинание. Ей не хотелось, чтобы сила Аннабель испепелила ее изнутри.

—Подождем до рассвета. А пока отдохните и соберитесь с мыслями.

—Как себя чувствуешь?— прошептала ей на ухо Топаз.

— Никак, — безразлично ответила Аннабель. Она уронила оставшиеся в руке руны на землю и перешагнула через них. — Думаю, друиды ошибаются на мой счет.

Поведение Аннабель ее тревожило. В Аннабель она видела бомбу замедленного действия — долго сдерживаемая магия могла вырваться неконтролируемо.—Они никогда не ошибаются, — уверенно сказала Топаз. Они пошли на излюбленную полянку в саду. Аннабель хотелось посидеть в одиночестве, но Топаз боялась оставить ее одну. И следовала за ней по пятам, раздражая дочь своим присутствием.— Им много лет, и почти все их предсказания сбываются.

— Все придет, — Топаз снова положила руку ей на плечо, но, увидев гневный взгляд, убрала. — Пойду к Виссариону. — Она остановилась недалеко от поляны и смотрела, как дочь злобно дергает землю и откидывает ее остатки в сторону.

Краем глаза Аннабель видела, как мать стояла и смотрела на нее. И как только ее силуэт скрылся за аллеей, Аннабель кинула в ее сторону камень.

Внутри ничего не происходило, и это ее это нервировало. Она ждала, что после снятия, энергия забурлит в ней в момент и Аннабель станет похожа на маму и Виссариона. Но в глубине души была пустота и тишина, к которой Аннабель тщательно прислушивалась, боясь упустить тот самый миг.

— Ну давай же! — от досады она взмахнула руками, но все осталось прежним. Ее нервозность и ярое желание пробудить в себе силу сменилось сильной головной болью, на которую Аннабель не обратила внимания.

С горечью она попыталась смириться с тем, что магии в ней нет. И просидела на поляне до рассвета. Холодное дуновение ветра резало по ее плечам и лицу, возрождая в ней ненависть к самой себе. К рассвету чаша злобы была переполнена.

— Аннабель, — Топаз совсем бесшумно подошла к дочери соспины. Аннабель сидела ровно так же, как и в последний час их встречи: сгорбившись, она сидела на траве, поджав под себя ноги. Возле нее образовалась земляная плешь, а вокруг много разбросанной травы. Но сейчас Аннабель сидела спокойно и смотрела в темноту между деревьями. — Начался звездопад. Нам пора.

— Зачем звездопад? Откуда он вообще взялся? — прорычала Аннабель, не поворачивая головы на Топаз.

— Друиды смогли наколдовать звездопад. — Топаз терпеливо сносила агрессию дочери, понимая ее причину.

— И к чему это?

— Друиды хотят усилить заклинание с помощью звездопада, чтобы наверняка, — терпеливо пояснила Топаз. — Это даст толчок к жизни. — она хотела взять дочь за руку и почти уже взяла, и когда Топаз осознала, как горяча рука дочери, Аннабель ее выдернула.

— Ясно! — Аннабель быстро встала и прошла мимо матери, едва не задев ее плечом. Топаз готова была поклясться - глаза дочери светились фиолетовым. Но когда она ее нагнала, глаза были прежнего оттенка. В голове Топаз зароились мысли о сущности дочери. Но их она стала тщательно отгонять от себя, боясь себе признаться в том, что дочь куда сильнее похожа на нее, чем она думала.

Они сбавили шаг поодаль от Древа, вокруг которого на коленях сидели друиды и что-то говорили себе под нос. По мере своего приближения сердцебиение Аннабель участилось, а в кончиках пальцев покалывало, она волновалась. Прислушавшись к словам друидов, Аннабель не поняла ни единого слова, и с удивленным лицом посмотрела на мать:

— Что они говорят? Я не понимаю.

— Они поддерживали силы Древа и звездопада. Надо их силу удержать в круге друидов.

— Так, а говорят-то они что? — зашептала Аннабель.

— Заклинание на дрануирском, — спокойно и так же тихо ответила Топаз. Она наклонилась и прошла под руками друидов. Аннабель сделала то же самое. — Этот язык знают только друиды. — и она откашлялась, — и ангелы, конечно. — Аннабель сделала еще одну пометку для себя. Слов друидов она не разобрала, потому сразу поняла, что к числу ангелов она так и не относится.

У Древа уже стояла Виссарион. Он хмуро смотрел на опадающие желтые листья. Перед ним стоял небольшой котел с полупрозрачной жидкостью. Аннабель наклонилась над ним — запаха не было. Зелье было похоже на простую воду.

—Это вода?— шепотом спросила у Виссариона Аннабель, он утвердительно кивнул. И Аннабель хмыкнула. —А что так?

—Ждали вас,— Виссарион легко улыбнулся, заправил ей прядь волос за ухо и снова вернул взгляд на Древо. Это невинное прикосновение электрическим разрядом прошло по ее телу и ушло в пятки. Коленки слегка подогнулись, но Аннабель смогла с собой совладать. Позади нее стояла мать, перед которой Аннабель было неловко показывать чувства к Виссариону.

Виссарион передал Топаз и Аннабель по три разных мешочка с ингредиентами и пояснил, держа в руке один стеклянный флакон в руке:—Сейчас я вылью остатки асафетиды, а потом надо будет из каждого мешочка кинуть по шепотке в определенный момент. — лицо Топаз не изменилось, потому Аннабель предположила, что для матери это все было не в новинку.

—А потом что? — Аннабель почувствовала, как ее сердце стало сильно биться. Ей стало страшно ошибиться и навредить Древу.

—Мы добавим своей крови и создадим вокруг ствола кровавые кольца, которые удержат магию. — Ответила Топаз вместо Виссариона. Аннабель заметила, как складно работают Топаз и Виссарион, и, к своему сожалению, подумала, почему они не вместе. От этих мыслей сердце Аннабель пропустило один удар.

—Аннабель, мне нужен мне кулон, — Виссарион бесцеремонно протянул ладонь, в которую Аннабель с грустью положила обугленное перо, — цепочку можешь оставить себе. — он быстро снял с нее кулон и вернул Аннабель. Ей было приятно хранить у себя вещь, которая когда-то принадлежала Виссариону. — Я уже вырезал лунку для кулона. — Виссарион подошел к Древу и опустил в маленькую щель кулон. Его было видно, если сильно присмотреться.

—Это так нелепо,— прокомментировала Аннабель, хотя ее руки дрожали, как и колени.

—У нас все получится.— приободрила Топаз, погладив дочь по спине.

По кивку друидов, Топаз и Виссарион взяли по шепотке из первого мешочка. Аннабель повторила их движение. Они встали втроем вокруг котла. Топаз и Виссарион смотрели в небо, ожидая первых звезд-метеоров, которые полетели спустя десять минут. Аннабель готова была часами смотреть на прекрасное зрелище: оранжевый рассвет успел появиться, хоть солнце еще скрывалось за горизонтом, но звезды белыми яркими линиями рассекали небо и исчезали, не успев достигнуть земли. Но когда Виссарион тихо кашлянул, привлекая ее внимание, Аннабель перевела взгляд на Древо.

— Это тимьян,— шепотом пояснила Топаз и следом за Виссарионом кинула в котел. Аннабель сделала это после матери. Следующей была асафетида, которая окрасила цвет зелья в яркий красный цвет. Они бросили последнюю горсть лаванды под громкие слова друидов. За спиной каждого из друидов появлялись голубые символы, значения которых Аннабель не знала. За Ольгердом был знак очень похожий на семерку, но нарисованный в обратную сторону и имеющих хвостик внизу.

—Последний шаг,— сказал Виссарион, но Аннабель не отреагировала. Позади Геронтия она заметила перечеркнутую букву «О», а за Ананием была перевернутая «П». Тем временем Виссарион достал из ножен изогнутый нож и провел лезвием по ладони. Надрез был очень глубоким, потому рука быстро наполнилась кровью, которая падала на землю. Он незамедлительно слил набравшуюся горсть в котел. Жидкость мгновенно стала пурпурной и запахла сладостью. У Аннабель приятно защекотало нос, ведь именно этот запах она чувствовала, когда находилась рядом с Виссарионом. Она метнула в него быстрый взгляд, сопровождаемый улыбкой, но когда натолкнулась на каменное серьезное лицо, ее улыбка быстро исчезла.

Виссарион передал нож Топаз, она без колебаний порезала левую руку и без промедлений слила кровь в котел. Он стал темно-синим с легким мерцанием. Запах был простым и домашним, таким, которым Аннабель помнила с детства. И только она принялась вспоминать на что он похож, Топаз уже передавала нож.

Его Аннабель приняла с дрожащей рукой и немного неохотно. Она заметила, что рукоятка была тяжелой и теплой, а с лезвия капала смешавшаяся кровь Виссариона и Топаз. Нож лежал в руке удобно и тяжело, переливаясь в рассветном свете.

—Аннабель, не медли!— это был холодный голос Виссариона, который словно лезвием резанул ей по ушам. Друиды подняли на нее глаза, и на их лицах читалось нетерпение.

Кроль стекала между пальцев и капала ей на обувь, окрашивая ее в темно красный цвет. —Да-да,— Аннабель взяла нож покрепче и острый край поставила на ладонь. Ей никогда не приходилось делать хоть нечто подобное, поэтому она закрыла глаза и, чтобы не думать и не успеть почувствовать боль, она резко хлестанула ножом. Боль пришла с опозданием, саднящая.

Аннабель подняла руку над котлом и смотрела, как капли ударяются об жидкость, полностью растворяясь в ней. Ей было любопытно узнать, какой цвет примет зелье и чем запахнет оно, но когда зелье стало черным, а запах сменился на аромат металла и ржавчины, Аннабель нахмурилась.

Виссарион положил порезанную ладонь на кору дерева и начал обходить Древо по кругу, оставляя на нем кровавый след. Но никто не нарушил молчания, и Аннабель просто опустила руку, ожидая, пока Виссарион сольет зелье под корни Древа. И земля под ним вспыхнула холодным синим светом, подсвечивая внутреннюю жилу Древа и кулон, замурованный в кору Виссарионом. Его оплел свет, словно жилами замуровал его, оставив только голубой шар.

—Мандо, отестор, ренаси,— проговорил он, замыкая свой кровавый круг. Когда он отошел, к Древу подошла Топаз. Она положила свою руку ровно на то же место, смешивая свою кровь с кровью Виссариона.

—Мандо, отестор, ренаси,— повторила она те же слова, оставляя слабый след. Из ее ладони кровь шла уже меньше — благодать быстро заживляла рану.

Аннабель, наблюдая за матерью, повторяла слова вместе с ней, чтобы запомнить. И когда подошла ее очередь, она еще раз скороговоркой их повторила.

Когда она положила руку на Древо, то заметила, что ее след гораздо ярче. Кровь из ее ладони окрашивала кору и стекала по ней вниз, пока Аннабель шептала:

—Мандо, отестор, ренаси..— едва она произнесла последнее слово, кровавые кольца вспыхнули тем же ледяным голубым светом.

Аннабель улыбалась, глядя, как три кольца вращаются вокруг дерева, то соединяясь, то разъединяясь. Все три светились одинаково и нельзя было понять, где чей след. Внутри Аннабель почувствовала тепло, словно от теплого шерстяного одеяла. Приятная волна разливалась по телу и скапливалась на кончиках левой руки. Там, где стекала с них кровь.

С улыбкой она посмотрела на Виссариона. Его лицо было по-прежнему хмурым и весьма озадаченным.

Такая же стена разделяла и Топаз с Аннабель. Ее лицо было ни на толику спокойнее лица собрата. «Опять он чем-то недоволен. Хоть бы раз порадовался! Ведь все получается!»— злобно подумала Аннабель, вызывающе глядя ему в глаза. Но когда она ждала от него ответной улыбки, его лицо сменилось на гримасу ужаса. Его рука потянулась к ней, но застыла в воздухе. Он не сделал к ней ни шага, словно их разделяла невидимая стена.

—Что?— спросила Аннабель, глядя то на Топаз, то на Виссариона.

—Не двигайся,— сдавленно прошептала Топаз, но оставалась стоять на своем месте. Ее глаза были расширенны от испуга, а пальцы слегка подрагивали. —Не шевелись!

Этим она не на шутку испугала Виссарион и Топаз. Но продолжая улыбаться, Аннабель посмотрела на Древо. Кольца с него давно исчезли, и она недоумевала, когда успела упустить этот момент. Аннабель подняла бровь, показывая свое недоумением. Ей по-прежнему было хорошо и тепло, и улыбка сама напрашивалась.

Кровь на древе также подсвечивалась, и Аннабель посмотрела на капли, стекавшие с нее и находившие свой конец в земле. Только маленькие капельки на земле светились и вели к ней и ее ногам.

Увидела, как вокруг ее руки пульсировали маленькие голубые кольца— точь-в-точь как было на Древе. Аннабель машинально двинула пальцами, и кольца соединились в одно большое широкое, но отныне оно стало другого цвета. Черное. И она увидела.

—Что ...— и она облизнула пересохшие губы,— что это?— спросила она не сводя глаз с своей руки.

—Что-то не так,— озадаченно произнес Виссарион. Для Аннабель эти слова ровным счетом ничего не значили.

И Аннабель задергала рукой, стараясь сбросить кольцо с руки, но оно невидимой нитью держалось на ее руке.—Ты просто мистер очевидность, — злобно прошипела Топаз, —Ты поглощаешь нашу силу и силу Древа до конца.— объяснила Топаз. Ее голос был тихим и очень печальным. В ее глазах Аннабель увидела слезы. Аннабель испугалась, подумав, что она все испортила, не позволив силе Древу возродиться.

—Нет! Стой!— и Топаз подбежала к Аннабель. Дотронувшись до ее плеча рукой, легкий электрический разряд отбросил ее руку, причинив Топаз легкую неприятную боль.— Ай!

—Мама?!— и Аннабель сделала шаг в ее сторону, но Топаз и Виссарион сделали два шага от нее. Это заставило Аннабель остановиться. — Мама, подожди! Я не хотела.

Аннабель протянула к ним руки, и увидела, как черное кольцо поднимается от пальцев к запястью, локтю, а затем и к плечу.

Черное кольцо превратилось в черный сгусток энергии и ударил ее в грудь. Дыхание Аннабель замерзло, оставив на лице испуганный взгляд и не сорвавшийся с губ крик.

Из ее сердца вырвалась энергия, столкнувшись с Древом, которое незамедлительно оттолкнуло от себя Виссариона, Топаз и Аннабель.

Сено смягчило падение, но Аннабель отчетливо чувствовала нарастающую боль в груди. Щемящее назойливое чувство обволакивало ее сердце и сжимало с каждым вздохом. Удар был безболезненным, скорее неожиданным. Аннабель отлетела на пять метров и упала в стог сена на телеге. Она скатилась с нее и упала на сухую землю.

Аннабель подняла голову и увидела два силуэта, бежавшие к ней. Позади них в небо уходил яркий столб черного света, таявший в лучах рассвета. Но боль в груди сдавила горло и вместо слов Аннабель что-то пророкотала, чего сама и не поняла.

—Лежи-лежи,— и горячая рука Ольгерда легла ей на спину. От его прикосновения ей стало легче, и Аннабель закрыла глаза. Она прислушивалась к окружающему ее шуму, но не могла сосредоточиться ни на чем конкретном. Все затмил звук ее собственного сердца. Оно билось с явным эхом.

Глава XXII: мертвые крылья

Шестью часами ранее

Вольмир вошёл в пещеру. Это была не простая промозглая пещера, пропахшая сыростью. Нет. Она оказалась сухой и светлой от сотен факелов, вбитых в скалы. Они освещали каждый угол, не оставляя ни кусочка камня в тени. Вольмир был насторожен и требовал полной осведомлённости во всём. Каждый его шаг был освещен и отброшен тенью на несколько метров назад. Камень был скользкий и звонкий, что эхо распространялось на сотни шагов вперед.

От его ходьбы факелы затухали, а эхо надолго оставалось в пещере, однако проходя мимо каждого раба - охранника, он оставался незамеченным. Охраняя его покой, они не смели смотреть на владыку.

Когда Вольмир в очередной раз, будто вихрь, пробежал мимо своей стражи, держа в кулаке амулет - камень, добытый им уже очень давно и ожидавший своего часа. Он светился сквозь его пальцы ярким синим светом и отражал от себя блики на стенах коридоров. Камень в его руке был очень редким и от того не имел цены. Раз в сто лет падает с неба уцелевшая звезда, не расщепленная атмосферой. Годы поисков, которые Вольмир провел, ходя по земле и выпрашивая стариков о ней, в итоге увенчались успехом - звезда была у него.

Он нашел камень в небольшом углублении гальки на берегу реки. При порывах ветра вода омывала его, но он крепко сидел на своем месте. Он легко умещался в ладони и сверкал золотыми переливами на солнце.

Звезда была не простой, а магнитной, и притягивала к себе все металлические осколки, лежавшие с ней рядом. И благодаря своим редким способностям и маленькому размеру, камень легко уместился между ребрами Ренальда. Пока он был в плену, которого так добивался Вольмир, камень забирал силу Древа, как магнит, вместе с преданностью верного слуги, истощая его душу.

Сейчас, держа его в кулаке, павшая звезда пульсировала жизнью Древа, с руки Вольмира капала кровь - кровь Ренальда. Кровь верного слуги усилила мощь звезды, придав ему еще большей силы – рабелепной.

—Ренальд!— крикнул Вольмир, рассекая тишину коридоров.—Ренальд?!— призывал к себе слугу, охранявшего его у входа. Ренальд вышел из-за угла, низко склонив голову. Из-за своих способностей Ренальд почти никогда не смотрел в глаза хозяину, боясь ненароком ему навредить.

—Все уже готово?— осведомился Вольмир, окидывая внимательным взглядом Ренальда. Ему льстило, что он не поднимает на него взгляд, хоть и знал, что его глаза никогда не причинят ему зла, ибо то, что произошло с Ренальдом совершил сам Вольмир. А заклятие никогда не пойдет против мага, его наложившего, но об этом он никогда не говорил Ренальду, наслаждаясь его трепетом.

—Да, можно начинать.— проговорил он куда-то в ботинки Вольмиру,— Только..

—Только что?! — огрызнулся Вольмир. Он знал какую тему поднимет Ренальд и от того взбесился в мгновение. На протяжении нескольких дней верный пес Ренальд пытался отговорить хозяина от желаемого. Доводы рабов никогда не воспринимались Вольмиром всерьез.

—Я вам уже говорил. Это очень опасно, и может вам навредить. Не лучше ли нам отказаться..

—Если бы я постоянно слушал других, то у меня никогда не было того, что я имею!— перебил его Вольмир.— Начнем!— он прошел в широкую каменную залу с прудом в центре,

выбитом внутри скалы. Вода - талая - стекала из потолка сквозь маленькие трещины, наполняя пруд чистой водой, через которое видно дно, уходящее глубоко-глубоко в недра скалы.

На центре алтаря в белой окровавленной ткани лежал всеми известный клинок из ребра ангела и чаша из кости. Напротив пруда, в самом центре каменной залы, была столешница - алтарь. На нем стоял небольшой котелок и много склянок с жидкостями, рядом с которыми лежали засушенные травы. Среди них: шалфей, белладонна, ипомея и вербена.

Вода смешалась с звездной пылью и стала живительной. Вольмир положил камешек в чашу и небрежно растолок его рукоятью клинка из ангела. Камень был крепким для человеческих рук, но совершенно беззащитен против ангельской силы. Звездный камень стал простым сияющим порошком, который Вольмир смешал с водой из пруда. Вода была не простой, а самой кровью Скалы, которую в междоусобной расправе ранили Великаны. С тех пор она блуждала по ней, но не выходила на ее пределы, пульсируя только внутри каменных стен.

Хорошо все размешав, Вольмир выпил из костяной чаши отвар залпом. И в пылу восторга смахнул все со стола, предвкушая магию в кончиках своих пальцев. Склянки с характерным звоном упали на пол, разнося свои остатки по всему полу вместе с содержимым. Добавив щепотку вербены, свойства которой способны исполнить любые желания. Веточку белладонны он растер в руках, она нужна для оживления мертвой плоти. Бутон сухой ипомеи Вольмир положил в зелье, которое тут же его растворило. Бутон свяжет заклятие на теле Вольмира. Корень вербены был мелко нарезан и также опущен в зелье – он принесет успех задуманному. Последним ингредиентом была кровь ангела – Топаз, которая была приготовлена загодя и всегда хранилась в нагрудном кармане.

Но Вольмир даже не взглянул на дело рук своих. Он стоял, упершись ладонями о стол, и тяжело дышал от перевозбуждения и желания сил.

—Ренальд! Принеси мне сверток!— приказал он, крикнув в темноту. Вольмир знал, что Ренальд стоял там, хоть и не подавал виду. Одним большим шагом он вышел из-за стены, склонив голову, поклонился. Вольмир дрожащими пальцами развязал тесемки, и снял рубашку через голову, оставаясь обнаженным до пояса.

Его белая с синим оттенком кожа была изуродована мелкими шрамами, давно зажившими и принявшими цвет кожи. Их можно было заметить лишь при лёгком мерцании свечей.

Вольмир лёг на алтарь и какое-то время смотрел в расщелину, из которой текла вода в пруд, но потом все же перевернулся на живот. Повернув голову на бок и подложив ладонь под щеку, Вольмир стал ждать Ренальда.

—И где он там копается?— раздраженно спросил Вольмир,— Я долго ждать буду?— крикнул он в пустоту и услышал где-то в дали шаги.

Спустя минуту Вольмир увидел Ренальда, выходящего из одного из коридоров. В руках у него был большой сверток, конец которого волочился по полу, а другой был окровавлен.

—Прошу прощения,— пробубнил Ренальд и скинул ткань с предмета. В руках у него были длинные коричневые крылья по два метра каждое. К корням крыльев были неаккуратно пришиты на джутовую нитку кожаные ремни. — Я помогу.

—Само собой!— процедил сквозь зубы Вольмир и протянул руку, чтоб Ренальду было удобно затягивать ремень у плеч. Последняя, третья пряжка, была на поясе. Мертвые крылья слегка касались его лопаток при движении, но все же расстояние между ними было. — Как долго, говоришь, надо ждать действия зелья?

—Никому неведомо. Я не нашел ни одного человека, который пережил бы подобное,— проговорил Ренальд и поджал губы.

—Я буду первым!

—Я верю в это.— Ренальд отошёл, чтобы поправить мёртвые крылья. Он раскрыл их и разложил по полу. Ренальд с восхищением перебирал перья, понимая, что сильнее его хозяина никого не может быть. Он испытывал гордость за свою службу такому человеку.

— Что ты там копаешься? — гаркнул Вольмир и привстал. — Долго это будет продолжаться? Режь уже!

Ренальд поправил крылья, накладывая их сверху на окровавленную спину. Ренальд обогнул крылья, взял лезвие из ребра ангела и сделал два глубоких надреза на лопатках — там, где должны расти крылья. Вольмир стиснул зубы, но не издал ни звука. Это дало Ренальду новый повод для восхищения.

— Надо ждать, — проговорил он и отошёл в сторону. Ренальд с нетерпением ждал, когда хозяин взмахнёт крыльями и покажет врагам истинную мощь. Но время шло, а ничего не менялось. Это вывело Вольмира из себя. Он встал с алтаря. Крылья обмякли и тянули его к земле, однако Вольмир всё равно крепко стоял на ногах.

— Бестолочь! Ты неправильно перевёл заклинание! — он кинул в сторону Ренальда клинок. Тот застрял в кончике уха раба, но Ренальд не сдвинулся с места, ожидая своей участи. — Ни на кого из вас нельзя положиться! — Вольмир пнул котелок, стоявший рядом.

— Хозяин... — проблеял Ренальд.

— Молчи! Иначе пожалеешь! — прошипел Вольмир и уже хотел снять с себя ремни, но ноги резко подкосились, и он упал на колени. Сотни осколков от склянок вонзились ему в кожу, но этой боли он уже не чувствовал. Его тело свело судорогой, и Вольмир повалился на бок, забившись в конвульсиях.

Ренальд подбежал к хозяину и бережно взял его голову, положив себе на колени. Он зажал свой ремень в зубах Вольмира и стал ждать, когда кончится действие зелья.

Через десять минут конвульсии прекратились, но Вольмир всё ещё лежал безжизненно на полу. Ренальд видел, как под закрытыми веками бегают глаза, и решил, что всё идёт как нельзя лучше.

Спустя пятнадцать часов, которые Вольмир провёл на полу, бережно укрытый Ренальдом одеялом, он открыл глаза. В плечах ломило, ощущалась тяжесть.

— Надо же, я жив, — удивился он, глядя на свои руки. Скинув одеяло, он попытался встать. От пруда уже бежал ошарашенный Ренальд и подхватил Вольмира за локти.

— Хозяин... — трепетно произнёс он, помогая Вольмиру встать на ноги. — Я так рад, что с вами всё в порядке!

— Молчи! — крикнул на него Вольмир и закинул руку за плечо. Он нащупал то, что и хотел: крылья торчали из его спины, словно были его собственными. — Принеси зеркало! — Ренальд бесшумной тенью скрылся за одним из выходов.

Вольмир посмотрел на кончики перьев, лежавших на полу, и попытался приказать им подняться, но они предательски не двигались. Он сделал два шага к алтарю и почувствовал жгучую боль в спине. Тело свело судорогой, Вольмир сжал зубы. Боль отразилась на его лице, и он обрадовался, что рядом никого из слуг не было. Он облокотился на алтарь и сделал глубокий вдох. Крылья всё ещё не шевелились, и все импульсы, которые он в них посылал, проходили мимо. Они висели неподъемной грудой мяса, которой он не мог управлять.

Через минуту Ренальд вернулся с зеркалом в полный рост и поставил его рядом с хозяином. Аккуратно, еле двигаясь, Вольмир повернулся спиной к зеркалу. В нём он увидел два окровавленных крыла, торчащих из спины.

— Взмахните ими, — с восхищением произнёс Ренальд. Вольмир уже хотел дать ему пощёчину, но остановился, увидев в его глазах благоговейный трепет.

— Пока рано, — отговорился он, хотя сам лихорадочно искал причину их безжизненности. — Ступай, — он махнул рукой. — Я должен отдохнуть. — Поклонившись, Ренальд оставил хозяина одного перед зеркалом.

Вольмир смотрел на своё отражение и истерично искал ответ на свою проблему. Все импульсы, что он посылал крыльям, оставались без ответа. Каждая потраченная впустую минута заставляла его глаза наливаться кровью ненависти.

— Стража! — гаркнул он. Пещера вторила его словам жутким раскатистым эхом. На зов пришёл мужчина среднего роста с бесцветным лицом и жиденькими светлыми волосами. Он смотрел в пол, не решаясь поднять глаза на хозяина.

— Собирайте войска, мы идём на войну, — процедил Вольмир сквозь зубы.

— Но как же... Мы не можем... — начал было спорить мужчина, но Вольмир схватил его за горло и слегка приподнял. Раб встал на цыпочки и только в таком положении посмотрел в глаза хозяину.

— Что ты сказал? — Вольмир сжал горло сильнее и смотрел, как белки глаз краснеют вместе с лицом. Ему было не впервой убивать своих прислужников. И в этот раз с коварным удовольствием он впитывал взгляд смерти и наслаждался своей властью.

Как только с горла раба сорвался предсмертный хрип, крылья Вольмира зашевелились. Легоначко подмели пол и застыли.

Вольмир всегда отличался хорошей смекалкой, и как только крылья показали признаки жизни на краю чужой, он без сомнений сломал шею своему рабу. По кончикам его пальцев прошла пульсация, а за ней — сила в крыльях.

— Теперь ясно, — удовлетворённо проговорил Вольмир и расправил крылья. — Ренальд!

— Я слушаю! — он всегда приходил бесшумно, словно вырастал из земли. Это было одно из преимуществ, которое ценил в нем Вольмир. Ренальд старался не смотреть пристально на крылья хозяина, но восхищение так и сквозило в его глазах. Это вновь польстило Вольмиру.

— Мы идем на войну! Я хочу стереть с лица земли этот жалкий городок и получить свитки, которые в нем хранятся! Я убью каждого мужчину, женщину и ребенка, которые там живут.

— А что насчет ангелов, которые там живут?

— Какие еще ангелы? — Вольмир крутился возле зеркала, рассматривая свои крылья со всех сторон.

— Та девчонка, которую вы пытали столько лет, да и тот из леса. Мы его так и не убили, оказывается. — ненавистно процедил Ренальд. — Девчонка может еще понадобится.

— Да, ты прав. Ее оставим, а от другого нам проку нет. Его только убить. — безразлично махнул рукой Вольмир. — Ступай.

— А что с третьей делать будем? Той белобрысой?

— Какой? — Вольмир обернулся, не сразу сообразив о ком речь.

— Ну такой, — Ренальд пощелкал пальцами, придумывая, как описать Аннабель, — Она еще такая, с белыми волосами. Возле паренька того, слабого ангела, крутилась.

— А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.